

ISSN 2500-039X

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Редакционная коллегия

И. Н. Симаева, д-р психол. наук, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *С. С. Ваулина*, д-р филол. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора); *В. К. Пельменев*, д-р пед. наук, проф., Институт рекреации, туризма и физической культуры, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора); *О. В. Александрова*, д-р филол. наук, проф., филологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; *Н. Г. Бабенко*, д-р филол. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *Л. В. Байбородова*, д-р пед. наук, проф., Институт педагогики и психологии, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; *В. П. Бездухов*, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ; *Л. М. Бондарева*, канд. филол. наук, доц., проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *А. О. Бударина*, д-р пед. наук, доц., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *И. В. Вачков*, д-р психол. наук, проф., факультет психологии, Институт общественных наук, РАНХиГС; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., Научно-исследовательский центр по физической подготовке Вооруженных сил РФ, ВИФК; *У. Гравитис*, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта; *В. И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф., факультет филологии и истории, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий, РГГУ; *Г. В. Залевский*, д-р психол. наук, чл.-кор. РАО, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *И. Ю. Иеронова*, д-р пед. наук, проф., Институт образования, БФУ им. И. Канта; *М. Е. Кобринский*, д-р пед. наук, проф., спортивно-педагогический факультет массовых видов спорта, БГУ ФК; *А. В. Кузнецова*, д-р филол. наук, проф., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ЮФУ; *Л. В. Куликов*, д-р психол. наук, факультет психологии, СПбГУ; *А. А. Насырова*, канд. пед. наук, доц., Институт образования, БФУ им. И. Канта (ответственный секретарь); *А. М. Поликарпов*, д-р филол. наук, проф., Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, САФУ им. М. В. Ломоносова; *А. А. Реан*, д-р пед. наук, акад. РАО, проф., НИУ ВШЭ; *Н. В. Самсонова*, д-р пед. наук, проф., Институт рекреации, туризма и физической культуры, БФУ им. И. Канта; *С. В. Свиридов*, канд. филол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (ответственный редактор); *С. С. Филиппов*, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», СПбГУ; *Т. А. Шарыпина*, д-р филол. наук, проф., филологический факультет, НГУ им. Н. И. Лобачевского

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 68537 от 31 января 2017 г.

Адрес редакции:

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

© БФУ им. И. Канта, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Токарев Г. В.</i> Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц.....	5
<i>Ильин Д. Ю., Кириллова С. Е.</i> Региональная катойконимия 40-х годов XX века: особенности употребления катойконимов в районных газетах.....	14
<i>Наугольных Е. А.</i> Грани русскоязычия в новообразованиях Дж. Джойса и их межъязыковая трансляция.....	23
<i>Гуськова А. С., Карпенко Л. Б.</i> Функционирование англоязычных заимствований в текстах современных интернет-изданий	34
<i>Новикова Э. Ю., Гуреева А. А.</i> Лингвокультурный фокус специального технического перевода в сталелитейной промышленности (на материале русского, английского и немецкого языков)	43

Литературоведение

<i>Зиновьева Р. В.</i> Конфликт интеллигента и хама в пьесах С. Мрожека «Танго» и А. П. Чехова «Вишневый сад»	54
<i>Бытко С. С.</i> Тема старообрядчества в творчестве Александра Куприна: дискуссионные проблемы и перспективы изучения	61

Педагогика и психология

<i>Ларионов П. М.</i> Социально-психологические факторы, провоцирующие агрессию у подростков	74
<i>Михальчи Е. В.</i> Сенсорное утомление как функциональное состояние у лиц с ОВЗ и инвалидностью	92
<i>Елианский С. П., Ефимова О. С.</i> Операциональное мышление в структуре диагностического мышления современного педагога-психолога	104

CONTENTS

Linguistics

<i>Tokarev G.</i> Development of quasi-symbols based on connotations of verbal units meanings	5
<i>Ilyin D. Yu., Kirillova S. E.</i> Regional denonyms of the 1940s: the use of denonyms in regional newspapers.....	14
<i>Naugolnykh E. A.</i> Russian facets in J. Joyce's neologisms and their interlanguage translation.....	23
<i>Guskova A., Karpenko L.</i> English borrowings in modern mass media	34
<i>Novikova E., Gureeva A.</i> Linguistic and cultural focus of specialised technical translation in the steel industry (Russian, English, and German languages).....	43

Literary studies

<i>Zinoveva R.</i> The conflict of the intellectual and the boor in the plays by S. Mrożek "Tango" and A. Chekhov "Cherry orchard"	54
<i>Bytko S.</i> The theme of Old Believers in the works of Alexander Kuprin: discussion and study prospects	61

Pedagogy and psychology

<i>Larionov P. M.</i> Socio-psychological factors provoking aggression in adolescents	74
<i>Mikhailchi E.</i> Sensory fatigue as a functional condition in people with disability	92
<i>Elshansky S. P., Efimova O. S.</i> Operational thinking in the structure of the diagnostic thinking of a modern teacher-psychologist.....	104

Г. В. Токарев

**ФОРМИРОВАНИЕ КВАЗИСИМВОЛОВ
НА БАЗЕ КОННОТАЦИЙ ЗНАЧЕНИЙ ВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ**

Статья посвящена верификации предположения о том, что коннотации семем вербальных единиц становятся базой для формирования значения квазисимвола. Квазисимвол – элемент промежуточной, лингвокультурной системы, порожденной в результате тесного взаимодействия языка и культуры. Символ – знак культуры, который выражает какую-либо идею в императивном ключе. Квазисимвол – разновидность символа, имеющая вербальную природу. Исследование осуществлялось с использованием приема объективации коннотаций с опорой на семантику знаков вторичной номинации. В ходе исследования было установлено, что коннотации вне зависимости от своей природы культурно маркированы. Они отражают представления о мире, сложившиеся в данной лингвокультуре. Культура для выражения своих смыслов избирает языковую единицу, наделяя ее новыми, культурными функциями. Выбор данной единицы осуществляется с учетом коннотаций, включенных в состав ее семемы. В процессе перевода вербальной единицы в систему культуры коннотации перемещаются в ядерную часть новой семемы культурного знака. Тем самым происходит трансфер культурных знаний в систему языка, а затем вербальных знаков в систему культуры. Поскольку культурной интенцией квазисимвола является моделирование поведения интерпретатора, формирование символов осуществляется на базе коннотаций, отражающих культурные установки, идеологемы, нормы.

The article verifies the assumption that connotations of verbal sememes can serve as the basis for the development of a quasi-symbol meaning. A quasi-symbol is an element of an intermediate, linguocultural system, generated as a result of close interaction between language and culture. While a symbol is a sign of culture that expresses some idea in an imperative manner, a quasi-symbol is a type of symbol that has a verbal nature. The study has objectified connotations based on the semantics of secondary nomination signs and has shown that connotations, regardless of their nature, are culturally marked. They reflect the picture of the world developed in a certain linguistic culture. Culture chooses a language unit to express its meanings, giving it new cultural functions. The unit is chosen due to the connotations included in the composition of its sememes. In the process of transferring a verbal unit into a cultural system, connotations are moved to the nuclear part of the new sememe of the cultural sign. Thus, cultural knowledge is transferred to the language system, and then verbal signs are transferred to the culture system. Since the cultural intent of the quasi-symbol is modeling the behavior of the interpreter, the development of symbols is based on connotations that reflect cultural attitudes, ideologies, and norms.

Ключевые слова: язык, культура, семантика, коннотация, квазисимвол.

Keywords: language, culture, semantics, connotation, quasi-symbol.

Введение

Антропоцентрическая парадигма в языкознании способствовала появлению новых синкретичных отраслей лингвистики, среди которых следует назвать лингвокультурологию — науку, изучающую интеракцию языка и культуры на синхронном срезе [14, с. 217]. Среди ключевых задач данного направления определяют исследование способов и средств воплощения культуры в вербальную ткань [16, с. 13]. Язык и культура представляют собой изоморфные системы, состоящие в отношениях смежности в семиотической гамме. Результатом тесного взаимодействия данных систем стало формирование промежуточного, лингвокультурного уровня. По законам семиотики единицы подобных знаковых множеств формируются в рамках одной сферы, а функционируют в другой. Одна система становится планом выражения другой. Так, отдельные слова, фразеологические единицы начали выполнять функции культурных знаков на фоне редукции основной, номинативной функции вербальных единиц. Данные знаки сформировали лингвокультурную систему, ставшую результатом того, что отдельные вербальные элементы взяли на себя функцию плана выражения культурных сущностей.

В настоящее время одной из актуальных проблем лингвокультурологии является изучение специфики единиц соответствующего семиотического уровня.

В. Н. Телия с целью подчеркивания особой семиотической природы данных единиц предложила включать в номинации называющих их терминов приставку *квази-* [15, с. 243]. В настоящее время лингвокультурологи выделяют несколько видов подобных единиц: квазисимволы, квазиэталон, квазимеры и др. [8; 15; 18]. В статье речь пойдет о квазисимволах, под которыми мы понимаем лингвокультурные единицы, выражающие идеи и моделирующие поведение человека: *грабли* 'символизирует ошибку, возмездие за беспечность, самоуверенность, невнимательность', *счастливый билет* 'символизирует удачу, везение', *гроб* 'символизирует смерть'. Квазисимволы являются разновидностью культурных символов, отличаясь от них своей знаковой природой. Это обуславливает семантическую специфику квазисимвола — яркую образность, которая во многом определяет прочтение квазисимвола: *ежовые рукавицы* 'символизирует строгость': иглы ежа острые, могут доставить неприятные ощущения; *хомут* 'символизирует обязанности, которые вынужден кто-то выполнять вопреки своему желанию': хомут надевают на лошадь, которая должна работать, и др. Именно императивность символа выделяет данную единицу среди других знаков культуры: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» [2, с. 338].

Целью нашего исследования является верификация предположения о том, что квазисимволы формируются на основе культурных коннотаций вербальных единиц.

Основная часть

Феномен коннотации хорошо изучен семасиологией. Существуют обзоры теорий коннотаций [4], поэтому мы не будем останавливаться на данном вопросе. Общим местом в семантических штудиях стало представление коннотации как слабых семантических признаков, не включенных в ядерную зону сигнификата, вследствие чего коннотации не отражаются в словарной семантизации. При этом данные семантические признаки являются устойчивыми, поскольку осознаются всеми членами лингвокультурной общности. В русистике в развитие теории коннотаций внесли существенный вклад Ю.Д. Апресян, Н.Г. Комлев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.

Семасиологи определяют коннотации как некий периферийный компонент значения, имеющий культурную маркированность: «Лексическому понятию сопутствует некий культурный компонент» [7, с. 116], «...совокупность закрепленных в культуре (семантических) ассоциаций» [6, с. 66]. Когнитивную основу коннотаций видели в том, что они репрезентируют стереотипы: «...совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» [1, с. 159]. Следует отметить, что стереотип является ментальной, культурно маркированной категорией. Он отражает типичные, устойчивые представления о чем-либо, «стандартные мнения» [10, с. 177].

З.З. Чанышева выделяет несколько признаков коннотаций, которые подчеркивают культурную обусловленность данного феномена: антропоцентричность, культураносность, ценностность, когнитивность, культурную интерпретируемость, соположенность с кодами культуры [18, с. 247–248]. Мировоззренческую функцию коннотаций отмечает О.А. Бурукина: «...без коннотации человеческое мышление было бы алгоритмическим... а любой национальный язык был бы гораздо более ограниченным...» [3, с. 13]. Ввиду концептуальной завершенности и полноты считаем целесообразным остановиться на теориях, представленных в трудах Ю.Д. Апресяна и В.Н. Телия, поскольку, на наш взгляд, данные учения дополняют друг друга в создании общей теории коннотаций.

Ю.Д. Апресян видит в коннотации семантические признаки, объективирующие принятую в обществе оценку того или иного явления действительности: «...несущественные, но устойчивые признаки выражаемого... понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1, с. 59]. Под оценкой здесь, по-видимому, следует понимать наивную интерпретацию сущности. Важным в этом определении является то, что коннотация отражает не индивидуальное, а коллективное восприятие и объяснение какого-либо факта. Этот аспект вновь освещает культурную платформу коннотации. Рассматривая примеры коннотаций, Ю.Д. Апресян анализирует прямые немотивированные

значения: например, прямое значение слов *теща*, *сердце*, *осел* и др. Из размышлений Ю.Д. Апресяна следует, что коннотации вербализуют фоновые знания. Объективное существование коннотаций подтверждается разнообразными способами их проявления в языковой материи. Ю.Д. Апресян отмечает: «Первое и главное внутриязыковое свойство коннотаций, отчетливо представленное в большинстве рассмотренных выше примеров, может быть условно названо компаративностью. Наличие коннотаций у слова можно фиксировать только в тот момент, когда несущественный признак обозначаемого им объекта действительности стал семантическим компонентом в толковании какой-то другой единицы языка. Коннотация, таким образом, становится связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления» [1, с. 169]. К средствам объективации коннотаций Ю.Д. Апресян отнес «переносные значения, метафоры и сравнения, производные слова, фразеологические единицы, определенные типы синтаксических конструкций, семантические области действия одних единиц относительно других» [1, с. 163].

Иное видение коннотаций представлено в трудах В.Н. Телия. В книге «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» В.Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [13, с. 5]. Исследователь дает определение коннотации как культурному феномену. В третьей главе монографии «Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты» В.Н. Телия использует понятие *культурная коннотация*: «Культурная коннотация — это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [15, с. 214]. Из приведенного определения следует, что коннотации являются следствием когнитивной процедуры интерпретации разных семантических платформ — денотативной и образной. Процедура истолкования денотативного значения рассмотрена в статье Ю.Д. Апресяна «Коннотации как часть прагматики слова». В.Н. Телия пристальное внимание уделяет коннотациям, являющимся результатом интерпретации образного основания языковой единицы и объективированным в составе семемы в виде оценочности, интенсивности (экспрессивности), эмотивности, продуцированных квазиденотативным содержанием. Образ трактуется как результат национального миропонимания. В.Н. Телия характеризует образ как «“нишу” для кумуляции мировидения», связанную с «материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности», свидетельствующую о «ее культурно-национальном опыте и традициях» [15, с. 215]. Роль образа в порождении коннотаций отмечает М.Л. Ковшова: «Двусторонний языковой знак попадает в “фильтр”

другой системы — культуры, благодаря чему сквозь языковой “материал” высвечиваются культурные смыслы, а сам языковой “материал” становится телом нового знака — знака культуры, в котором воплощены выделенные в культуре категории и смыслы...» [8, с. 147 — 159].

В. Н. Телия считает, что коннотации имеют место преимущественно в переносных значениях, Ю. Д. Апресян указывает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях...» [1, с. 163]. На наш взгляд, рассмотренные теории Ю. Д. Апресяна и В. Н. Телия дополняют друг друга, выстраивая завершенную архитектуру природы коннотаций. В нашей интерпретации коннотации в аспекте семантической деривации можно представить как элементы значения, порожденные знаниями об объекте действительности или продуцированные объяснением и переживанием образа. То есть можно говорить о коннотациях мотивированных и немотивированных значений. В любом случае коннотация является производной культурной рефлексии, поэтому характеристику данного семантического феномена как культурного мы считаем избыточной. Коннотация, как и значение в целом, представляет собой результат интерпретации окружающей действительности. Она является воплощением культурной памяти, объективирует связь языка и культуры. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков указывают, что коннотация может сформироваться в результате интерпретации любого компонента значения в категориях культуры, и считают коннотацию способом включения культурной информации в языковую ткань: «Результат интерпретации языкового знака в пространстве культурного знания. Интерпретация всех аспектов лексического и грамматического значения языкового знака в категориях культуры. Особый категориальный компонент значения, через который выражается культурная информация...» [9, с. 64]. Коннотации отражают такие категории ментальной культуры, как представления, стереотипы, культурные установки, нормы.

Коннотации становятся семантической платформой для формирования квазисимвола. В. Н. Телия отмечает: «...культурная коннотация придает языковым знакам функцию квазиэталонов, квазистереотипов...» [14, с. 15]. Предлагаем следующую дискурсивную модель формирования квазисимвола на базе коннотаций. Культура ищет материальное средство для выражения некой идеи и реализации функции воздействия на поведение людей. Оптимальным средством может оказаться слово, значение которого включает очевидно прочитываемые коннотации. Данные коннотации имеют различные способы объективации в языке. Коннотативные признаки актуализируются, «тело знака», по терминологии В. Н. Телия, принимает на себя культурную функцию и включается в новую семиотическую систему. В семантическом плане можно говорить о переходе коннотативных сем в разряд сигнификативных. Еще один важный сопутствующий аспект этого процесса заключается в том, что ранее немотивированные единицы, например *кровь, холмут, сума, грабли* и др., становятся мотивированными

ми, с прочитываемым образом. То есть член лингвокультурной общности может объяснить, почему выразителем той или иной идеи становится определенный образ. Ю. Д. Апресян отмечает, что отношения между коннотирующим и объективирующим коннотации объектами описывается компонентом «как бы», который определяет образную структуру знания [1, с. 169].

Рассмотрим предложенную модель на примерах.

Слово *азбука*, ввиду своей актуальности, входит в состав многообразных фразеологических единиц, паремий, которые эксплицируют различные коннотации основного значения лексемы 'совокупность букв какой-либо письменности, расположенных в установленном порядке' [12]. Перечислим коннотации данного значения на основе анализа устойчивых выражений. Паремия *Азбуки не знает, а читать садится* воплощает коннотацию 'начало'. Пословицы *Азбуку учат, во всю избу кричат; Азбука наука, а ребятам мука* объективируют коннотации 'трудный', 'сложный'. Паремия *Азбука велика, а всего тридцать слов* репрезентирует коннотации 'краткость', 'существенность'. Фразеологическая единица *азбучная истина* манифестирует коннотации 'важный', 'общеизвестный', 'элементарный', 'простой'. Устойчивые выражения *азбука вкуса, азбука мебели* объективируют коннотации 'полный охват', 'все что может быть и что надо'. Указанные коннотации выявлялись на основе осмысления семантики приведенных устойчивых единиц. Данные семы входят в ядерную часть семемы этих фразеологизмов. Знак *азбука* выполняет культурные функции выражения идей и регуляции поведения. Перечислим семантические слои квазисимвола и укажем императивные послылы.

1. Начало, исход. Учти, что все последовательно, во всем есть начало.
2. Нечто элементарное, простое. Знай, что все имеет основу.
3. Трудности освоения чего-либо. Будь готов к тому, что изучение науки требует усилий.
4. Краткость, существенность. Будь готов к тому, что все гениальное просто.
5. Нечто самое важное, общеизвестное. Принимай что-то как аксиому, как данное, исходное.
6. Полнота, полный охват. Рассчитывай найти, увидеть все, что есть.

Переходя к анализу семантики следующего квазисимвола, мы хотели бы отметить, что данные единицы могут употребляться неабсолютно, в составе паремий. В. Н. Телия отмечает: «...значение эталонного смысла слова-компонента как бы "выключает" его из образного... восприятия» [15, с. 242]. Применительно к рассмотренному материалу в составе данных выражений *азбука* воспринимается как символ начала, простоты, трудности и т. д. Знак *азбука* становится элементом культуры.

Обратимся к анализу семантики квазисимвола *лапоть*. Паремии *Жениться – не лапоть надеть; Лапти подковырки не стоят; Это, как лапоть сплесть* объективируют коннотации 'простота', 'дешевизна'. Данные

пословицы отражают представления русского социума о том, что лапоть — обувь бедных. Квазисимвол употребляется для оценки чего-либо. Диалектные фразеологические единицы *лапти сделать* 'изменить', *лапоть подвязать* 'отсутствие физической связи между супругами' [11] репрезентируют коннотацию 'интимная связь'. Данные семемы сформированы на основе метафоры соединения, плетения. Диалектный фразеологизм *лапоть вешать* 'отказать' [11] выражает коннотацию 'нежелания'. Данная языковая единица отражает использование лаптя в свадебных обрядах как символа отказа [11]. Диалектные устойчивые выражения *лапти кверху*, *лапти сплел* 'умер' [11] объективируют коннотацию 'смерть'. Данные единицы отражают традицию положения во гроб в лаптях. Лапти в этой ситуации считались оберегом от нечистой силы [11]. На основе выделенных коннотаций возможно реконструировать следующие семантические слои квазисимвола и его императивные интенции.

1. Нечто простое, недорогое, незатейливое. Будь готов невысоко оценить нечто.

2. Интимная близость. Знай, что между некоторыми людьми могла быть физическая близость.

3. Отказ. Знай, что некто не желает иметь с тобой отношений.

4. Смерть. Знай, что кто-то умер.

Анализ семантических слоев данного квазисимвола указывает на то, что они формируются под влиянием фоновых знаний о традиционных практиках.

Лексема *рубашка* используется в составе различных устойчивых выражений, объективирующих коннотации семемы 'одежда для верхней части тела' [12]. Выражения *остаться в одной рубашке*; *пустить кого в одной рубашке*; *последнюю рубаху сьмают* эксплицируют коннотацию 'бедность'. Приведенные выражения основаны на представлениях о том, что человек, оставшийся в одной рубашке, воспринимался как нагой. Паремии *своя рубашка к телу ближе*; *своя рубаха, свой простор*, *своя и теснота* репрезентируют коннотации 'близкий', 'родной'. Устойчивое выражение *Он в рубашке родился* объективирует коннотации 'счастье', 'удача'. Данное выражение отражает представление об использовании рубахи как оберега [11]. На основе эксплицированных коннотаций можно выделить семантические слои и интерпретанты квазисимвола.

1. Бедность. Знай, что существует нечто, без чего человек считает себя нищим.

2. Близкое, родное, интимное. Знай, что некто может руководствоваться личным интересом.

3. Счастье, защищенность, удачливость. Учти, что некто является счастливым, везучим человеком.

В рамках нашего исследования были проанализированы значения более ста квазисимволов. Это позволило нам подтвердить положение, что коннотация становится семантической платформой образования квазисимвола.

Заключение

12

Таким образом, в ходе исследования верифицирована гипотеза, что коннотации слов могут становиться семантической платформой для формирования семантических слоев квазисимволов. Коннотация является культурным феноменом. Она отражает сложившиеся в лингвокультурной общности представления о действительности или является эмотивно-оценочной интерпретацией образного основания номинации, отражающего культурно детерминированное объяснение фрагмента действительности. Культура для выражения своих смыслов останавливается на знаке вербальной природы: он получает новые, культурные функции, становится наряду с другими знаками культуры одним из элементов ее символярия. Квазисимволы реализуют функцию выражения идеи в императивном ключе. Мотивация выбора того или иного вербального знака для выполнения культурных функций осуществляется с опорой на коннотации значений, отражающих культурный опыт. Коннотация значения вербальной единицы входит в ядро семемы знака культуры. Культурно маркированные знания проходят процессы объективации с опорой на вербальную ткань. На примере образования квазисимвола мы наблюдаем трансфер культурного знания в языковую систему, а затем перенос вербального объекта в сферу культуры. Поскольку культурная функция квазисимвола связана с моделированием поведения интерпретатора, для создания данных единиц избираются коннотации, выражающие культурные установки, идеологемы и нормы.

К перспективам изучения данного феномена мы относим сравнительно-сопоставительное изучение квазисимволов различных лингвокультур. Этот аспект будет способствовать подключению новых аргументов гипотезы формирования квазисимволов на базе коннотаций семем вербальных единиц. Еще одним перспективным направлением является экспликация культурных норм на основе изучения семантикопрагматических особенностей квазисимволов.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языков и системная лексикография. М., 1996. С. 156–177.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Бурукина О. А. Новый взгляд на взаимоотношения культурных кодов и коннотаций // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2020. С. 17–21.
4. Говердовский В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2. С. 83–86.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М., 1984.

6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
7. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006.
8. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М., 2012.
9. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М., 2017.
10. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрау Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981.
13. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
14. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке : тез. докл. Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Минск, 1994. Ч. 1. С. 13–15.
15. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
16. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1991.
18. Чанышева З. З. Культурная коннотация в метаязыке лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, №1. С. 247–250.
19. Tokarev G. Elements of linguocultural system // Journal of Language and Literature. 2014. №4. P. 347–349.

Об авторе

Григорий Валериевич Токарев – д-р филол. наук, проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия.

E-mail: grig72@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2362-0902

The author

Grigory V. Tokarev, PhD in Philology, Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia.

E-mail: grig72@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2362-0902

Д. Ю. Ильин, С. Е. Кириллова

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАТОЙКОНИМИЯ 40-х ГОДОВ XX ВЕКА:
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАТОЙКОНИМОВ
В РАЙОННЫХ ГАЗЕТАХ**

14

Рассмотрение особенностей использования наименований жителей в региональных газетных текстах XX в. способствует выяснению тенденций развития этой группы лексики. В целях изучения характерных черт предмета исследования оптимален выбор публикаций районных газет, поскольку именно язык СМИ одновременно отражает и формирует мировоззрение и языковые компетенции носителя языка. Сведения из различных местных изданий дополняют друг друга и способствуют получению более полной картины употребления названий жителей в рамках региона в целом и отдельных районов. В качестве источников выбраны газеты «Большевицское слово» Быковского района и «Большевицская победа» Калачёвского района. Выбор временного среза 1941 – 1945 гг. позволяет выявить характерные черты региональной катойконимии в один из самых сложных периодов прошлого столетия и установить степень влияния на исследуемую лексику экстралингвистических факторов, в том числе с помощью элементов статистических и контекстуальных методов охарактеризовать частотность употребления и варианты семантического наполнения. Кроме того, возможно рассмотреть особенности образования и написания дериватов в текстах названных районных газет военного времени.

The use of denonyms in regional newspaper texts of the XX century helps to elucidate the development trends in this lexis. Regional newspapers are a perfect source for observation as it is the language of the media that both reflects and shapes the worldview and linguistic competencies of a native speaker. Various local publications complement each other and contribute to a more complete picture of the use of denonyms within the region as a whole and its separate territories. The Bolshevik Slovo newspaper of the Bykovsky District and the Bolshevik Victory of the Kalachevsky District were selected as sources of information. The chosen time frame of 1941 – 1945 allows us to identify the characteristic features of regional denomination during one of the most difficult periods of the past century and to identify the extralinguistic factors, which had an impact on the lexis studied. Statistical and contextual methods are used to analyze the frequency of use and semantic content variability. The proposed approach makes it possible to study the peculiarities of the development and spelling of derivatives in the texts of the regional wartime newspapers.

Ключевые слова: словообразование, семантика, катойконим, история языка, регионалистика, язык газеты.

Keywords: word formation, semantics, denonym, history of language, regional studies, language of the newspaper.

Введение

В ономастике XX и XXI вв. встречается ряд значимых работ, посвященных функционированию топонимов и их производных в газетных текстах [1; 3; 6], а также фундаментальные труды исторического характера [6; 8]. Исследователи скрупулезно подсчитали данные и описали функционирование топонимов в русскоязычных изданиях [3], в научно-популярном стиле описали историю развития названий жителей в русском языке [8]. Однако долгое время вне поля научного знания оказывался огромный массив региональных изданий, в том числе районных. Именно этот пласт печатных СМИ наиболее полно и оперативно фиксирует значительное количество неизвестных за пределами региона топонимов и их производных, не попадающих в большинстве своем даже в лексикографические источники специального назначения [12–14]. Кроме того, именно районные газеты отражают специфику употребления тех языковых единиц, которые могут зависеть от территориального параметра, например от национального состава населения или присутствия в языке данной местности диалектных черт. Одной из таких единиц являются катойконимы — оттопонимические существительные-наименования жителей.

Современные языковеды достаточно активно разрабатывают региональный аспект катойконимических исследований. Л.И. Озтюрк подробно рассмотрела названия жителей Республики Татарстан, в том числе с учетом специфики устной речи [10; 11]. Белорусский ученый В.М. Генкин изучил русскоязычные названия жителей Поозерья [2]. Разноаспектную специфику катойконимов (в терминологии исследователя — патронимов) Пензенской области исследует Е.С. Моисеева [9]. Названия жителей Архангельской области попали в центр внимания Р.Е. Тельпова [15]. В Волгоградской области вопросами топонимики и катойконимики занимаются Д.Ю. Ильин и Е.Г. Сидорова [4; 6], бесспорной заслугой которых является создание регионального топонимического словаря, содержащего в структуре словарной статьи наименования жителей [5]. В изучение семантики катойконимов (в английской терминологии используется более широкое понятие — *demonyms*) значительный вклад внесли иностранные исследователи — см., например: [16].

Сегодня наиболее масштабные исследования катойконимики проводит М.В. Ахметова, автор ряда работ по специфике употребления катойконимов в различных региональных СМИ [1–3]. Именно М.В. Ахметова рассмотрела функционирование наименований жителей в отдельных регионах в диахронии, причем на материале местных газет. Ученый отмечает, что особенно важными и интересными для лингвистического рассмотрения являются критические периоды истории, в том числе Великая Отечественная война. Данному принципу отвечает цель нашей работы — изучение специфики употребления названий жителей в районных газетах Сталинградской области 1941–1945 гг.

Подобное исследование способно не только выявить региональные особенности функционирования катойконимов в русском языке военного времени, но и помочь в решении ряда вопросов, возникающих при изучении катойконимии XXI века.

В качестве источника исследования взяты газеты «Большевицкое слово» Быковского района и «Большевицкая победа» Калачёвского района. Этот выбор обоснован комплексом причин языкового и внеязыкового характера. С лингвистической точки зрения топонимия этих территорий представляет интерес в качестве деривационной базы для названий жителей. Например, от топонимов на *-ово* типа *Быково* и *Кислово* теоретически возможно производить вариативные катойконимы с разными суффиксами. Внеязыковым основанием стала значительная роль районов и их жителей в событиях Сталинградской битвы: Калачёвский район был местом решающих сражений и соединения фронтов, а Быковский — прифронтовой зоной, обеспечивавшей боеспособность РККА и послужившей базой для размещения многих ее частей.

Частотность употребления как один из параметров функционирования катойконимов

Первым параметром, на который обращает внимание лингвист, становится частотность употребления исследуемых языковых единиц. Их регулярное использование может говорить о значимости соответствующей лексической группы для носителей языка и ее включении в их активный словарный запас [7; 11]. Так, в современных газетах нередко рост количества катойконимов связан с различными общественно значимыми событиями — праздниками, массовыми заболеваниями и т. д. Однако анализ текстов газет 1940-х гг. показывает и противоположную тенденцию, и наиболее показателен в этом плане Быковский район.

В Быковском «Большевицком слове» за период с 1 января 1941 г. по 27 декабря 1945 г. зафиксировано всего 5 употреблений названий жителей: *быковцы* (2), *Быковчане*, *Александровцы* и *кисловцы*. При этом 4 из 5 примеров выпадают на до- и послевоенный период, т. е. до 22 июня 1941 г. и после 9 мая 1945 г. Единственное исключение — катойконим *быковцы*, зафиксированный в материале от 27 апреля 1944 г., — далеко выходит за временные рамки Сталинградской битвы.

Сказанное позволяет предположить, что отсутствие названий жителей в материалах газеты военного периода может быть одной из реакций языка на внешние факторы. Учитывая специфику содержания публикаций тех лет, стоит допустить возможность перестройки материалов «Большевицкого слова» под нужды военного времени, т. е. на поддержку у читателя ощущения участия в одном общем для всей страны деле — разгроме врага и приближении Великой Победы.

С другой стороны, письма и прямая речь жителей района и красноармейцев обуславливают и иной вывод: далеко не все нуждались в такой идеологической поддержке. Язык «Большевицкого слова» не

только формировал, но и отражал реальное мировоззрение людей, что сказалось и на семантике употребляемых единиц, о чем будет сказано далее. Выборочный просмотр материалов довоенного времени — подшивок 1940 г. — служит косвенным подтверждением гипотезы об изменении функционирования названий жителей в публикациях последующих лет.

Стоит отметить, что даже при низкой частотности единицы, обозначающие жителей Быковского района, разнообразны и отражают ряд интересных с исследовательской точки зрения явлений, о чем будет подробно сказано в соответствующих разделах статьи.

Проанализированный методом сплошной выборки материал калачёвской газеты «Большеви́стская победа» позволяет сделать ряд выводов. В частотности употребления катойконимов очевидно сходство двух источников. Калачёвское издание в 1941 г. выходило чаще быковского, и количество примеров на порядок больше даже с учетом пропусков номеров при изучении источника. Только в материалах с 1 января по 15 марта 1941 г. зафиксировано 8 словоупотреблений катойконимов, в связи с чем можно предположить, что в довоенное время названия жителей в калачёвском издании также употреблялись, и достаточно часто.

За период с 1 января по 27 декабря 1942 г. катойконимов в материалах «Большеви́стской победы» не зафиксировано, что позволяет сделать вывод о реакции калачёвской катойконимии на грозные события, по крайней мере в рамках уже исследованного периода. Схожесть процессов проявляется и в динамике употребления дериватов в границах выбранного синхронного среза: так, в материалах «Большеви́стской победы» за январь и февраль 1945 г. катойконимы фиксируются, и в том числе в соответствии с определенными датами (2 февраля), и даже в названиях рубрик.

Таким образом, можно предположить, что в речи калачёвцев в довоенное время существовало много единиц, обозначающих жителей населенных пунктов Калачёвского района, а военные события дали дополнительный стимул к функциональному развитию этого многообразия в более спокойное время.

Орфографические и словообразовательные черты региональной катойконимии 1940-х годов

Оба источника позволяют проследить некоторые закономерности в образовании и написании названий жителей.

В «Большеви́стском слове» в письмах красноармейцев с фронта зафиксированы вариативные номинации, и оба примера связаны с топонимом *Быково*. От названия районного центра произведены два деривата: *Здравствуйте дорогие, товарищи земляки, быковцы!* (Большеви́стское слово, 27.04.1944; здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены. — Д. И., С. К.) и *Родные товарищи Быковчане! Мы получили от вас подарок* (Там же, 24.05.1945). Количество примеров не позволяет

сделать обоснованные выводы, однако, с учетом наличия прописной буквы в одном из дериватов, можно предположить, что к 1945 г. узус в употреблении названий жителей в Быковском районе еще не сформировался. Особенности орфографии подсказывают, что ряд носителей языка четко осознавал связь названия населенного пункта и соответствующего названия жителей — это возможно при неустоявшемся употреблении недавно вошедших в речь и недостаточно освоенных единиц либо в ситуации смены нормы. Поэтому вполне допустима вариативность не только в образовании, но и в написании дериватов.

Такой вывод подтверждает и другой контекст: *Александровскому сельскому совету решением исполкома Райсовета депутатов трудящихся вручено переходящее Красное знамя, которое Александровцы обязались крепко держать в своих руках* (Там же, 16.01.1941; орфография изменена. — Д. И., С. К.). В данном случае прописная буква используется при наименовании жителей уже Александровского сельского совета.

В публикациях 1940-х гг. еще раз встречаются *быковцы*, а также появляются *кисловцы*. Судя по выявленным примерам, к военному времени в катойконимии района доминировал суффикс *-ец*. Однако в ближайшем по хронологии словаре названий жителей в качестве нормативного зафиксирован уже дериват *быковчане* [13]. Появление такого варианта в приведенном выше контексте как раз говорит о том, что уже в 1940-е гг. шло вытеснение более частотного варианта на *-ец* и становление современного с суффиксом *-чанин*. Это подтверждает и изменение узуса в употреблении названий жителей села Кислово: в газетах 1980-х и 2010-х гг. они в большинстве случаев именуется *кисловчане* [7]. Полагаем, что для получения репрезентативной картины нужно расширить рамки исследуемого периода и извлечь больше контекстов из материалов «Большевистского слова» до- и послевоенной эпохи.

Орфографические особенности встречаются и в написании дериватов Калачёвского района. Разночтения зафиксированы в вопросе слитно-дефисного написания. Так как часть топонимов района в 1940-е гг. писалась через дефис или в два слова, то в письменной речи авторам текстов приходилось решать орфографическую задачу написания соответствующих производных. В нашем материале к таким случаям относятся следующие контексты: *...актив передового колхоза «Ленинский путь», Ново-Петровского сельсовета, берет на себя новые обязательства, направленные на завоевание еще более высокого урожая в наступившем году. И в этом можно не сомневаться: новопетровцы не раз показывали пример того, как надо выполнять взятые на себя социалистические обязательства* (Большевистская победа, 04.01.1941); *Хорошо знают мало-голубинцы своего односельчанина Зотова Георгия Степановича* (Там же, 13.02.1941). Более полная выборка материала позволит определить, насколько устоялись такие варианты написания в материалах газеты 1940-х гг.

Суффиксальных вариантов в публикациях «Большевистской победы» не обнаружено. Все словоупотребления образованы с суффиксом *-ец*. Вариантов написания с прописной буквой на данный момент также не зафиксировано. Можно предположить, что на территории Калачёв-

ского района к военному времени местная катойконимия была более развита, чем в Быковском районе. Это подтверждается и большим разнообразием дериватов: в «Большевицком слове» производные зафиксированы только от трех топонимов (*Быково, Александровка, Кислово*), в «Большевицкой победе» уже при неполной выборке — от 5.

Семантические свойства наименований жителей

Оттопонимические существительные, функционирующие в СМИ 1940-х гг., вызывают интерес с точки зрения изучения их семантики, поскольку примеры из «Большевицкого слова» позволяют выявить определенные закономерности употребления названий жителей. Катойконимы демонстрируют многофункциональность и способны обозначать жителей не только конкретного населенного пункта, но и подчиненных ему административно-территориальных образований. Такое употребление, в частности, зафиксировано в контексте: *Решение совещания финансового актива Кисловского сельского совета... следует всемерно приветствовать. Инициативу кисловцев необходимо широко поддержать всем сельским советам* (Там же, 18.06.1941).

«Разносторонний» катойконим в газетах советского времени именуется и всех жителей района: *На совещании присутствовал представитель Пролейского района, который в заготовительной работе за 1940 год имеет гораздо лучшие показатели против быковцев по всем основным видам заготовок* (Там же, 27.03.1941). Более того, в этом примере просматривается оттенок характерного для древней катойконимии значения «территория, которую представляют жители». Очевидно, что в приведенном высказывании в соревновании участвуют два района, но подчеркивается, что территория — это ее жители, которые и допустили такое печальное положение. Это необычное семантическое наполнение встречается и в советских, и в современных СМИ, причем в газетах перестройки бывает именно средством воздействия. На наш взгляд, подобные употребления говорят о способности носителей языка использовать скрытый смысловой потенциал даже таких не относящихся к частотному словарю языковых единиц, как катойконимы.

Однако перечисленные черты характерны для подготовленных текстов — отредактированных читательских или собственно журналистских материалов. В приведенных выше письмах красноармейцев значение деривата трудно определить даже в полном контексте. Можно только предположить по косвенным признакам, что и боец И. Быков из колхоза «ОГПУ», и раненые из госпиталя, обращаясь соответственно к *быковцам* и *Быковчанам*, имели в виду жителей района. В первом случае — пример солдатского письма, когда красноармеец интересуется у земляков, как обстоят дела в районе, или рассказывает о себе. Во втором — раненые благодарят за подарки, которые, очевидно, собирали не только жители райцентра. В подобном случае мы видим необычный пример, когда название жителей осознанно используется как обращение ко всем жителям района сразу. Следовательно, можно предположить, что функционал таких наименований в устной и письменной, особенно газетной, речи различался.

В «Большевистской победе» также представлено разнообразие семантической окраски катойконимов. В первую очередь — собственно наименования жителей населенных пунктов, например: *Деятельно готовятся лятичевцы ко дню выборов* (Большевистская победа, 29.01.1941). Встречаются и наименования жителей сельских советов: *Лятичевцы были и должны быть впереди* (Там же, заголовок, 08.02.1941), когда значение определяется по более широкому контексту: *На состоявшейся сессии Лятичевского сельсовета обсуждался вопрос о самообложении* (Там же). Судя по тому факту, что названия жителей, производные от одного топонима, могут реализовать несколько значений, стоит говорить о развитии либо становлении катойконимической микросистемы на территории одного района. Это подтверждается и приведенным ранее примером деривата с аналогичным значением, но производного от другого географического наименования.

Контекстуальный уточнитель «район» со значением «административно-территориальная единица внутри страны (в СССР, а затем в Российской Федерации — внутри области, края, республики) или большого города» [11, с. 641] в ряде случаев позволяет определить и такое семантическое наполнение, как «жители района»: *Дорогие товарищико-калачевцы! Освободив Ваш район от фашистских грабителей, мы видели его опустошенным, разграбленным* (Там же, 02.02.1945). Таким образом, в публикациях калачёвского издания представлен широкий диапазон значений, а особенности их реализации и наличие неединичных контекстов с дериватами, образованными от разных топонимов, позволяют утверждать, что система значений в лексиконе жителей этого района уже к военному времени имела высокий уровень развития. Это подтверждается и существованием нестандартных употреблений, в которых одновременно раскрываются разные семантические стороны дериватов: *Дорогие товарищико-земляки — голубинцы и калачевцы!* (Там же, 04.03.1941). Полагаем, что в приведенном высказывании красноармеец И. Е. Никулин обращается и к жителям своего населенного пункта, и к землякам со всего района. Сказанное свидетельствует о достаточно высоком уровне освоенности катойконимической лексики как отдельными представителями, так и жителями Калачёвского района в целом.

Текстообразующие и функциональные характеристики названий жителей

Публикации «Большевистской победы» отличаются и наличием у катойконимов ряда значимых функций. Так, в приведенном выше примере с *лятичевцами* дериват был вынесен в заголовок. Таким образом, в сильной текстовой позиции с помощью одного языкового средства были названы и место события, и его герои. Это достаточно нетипичное для сталинградских районных газет того времени проявление закона речевой экономии.

Кроме того, в материалах более позднего периода зафиксирована рубрика «Калачевцы в боях за Родину» (14.01.1945). В этом случае использована способность основной формы деривата обозначать явление

массовости. Катойконим становится средством не только текстообразующим, но и определяющим в сознании читателя содержание нескольких материалов. Так одна языковая единица отражает суть выбранных редакторами текстов и задает логику повествования, а также становится средством выражения эмоций. Если смотреть на заголовок рубрики с точки зрения читателя, то фраза воспринимается как «жители нашего района в боях за Родину». Здесь вступает в силу понятие «свой» характерной для русского языка оппозиции «свой—чужой» и дополнительно выражается гордость за своих земляков, внесших вклад в победу над врагом.

Выводы

21

Таким образом, анализ названий жителей, зафиксированных в текстах сталинградских районных газет 1941—1945 гг., позволил определить ряд закономерностей функционирования катойконимов в этот период. Было выявлено значительное влияние внеязыковых факторов на частотность употребления изучаемых единиц. Установлено, что в районных изданиях во время Великой Отечественной войны использование искомым наименований сократилось до минимума. В то же время в материалах до- и послевоенного периода зафиксированные примеры позволяют оценить степень развитости катойконимических микросистем на территории обоих районов и выявить характерные черты. Так, для публикаций газеты Быковского района характерны меньшая освоенность наименований жителей и ряд орфографических и словообразовательных особенностей. Тексты калачёвской газеты при этом показывают большее разнообразие и «обжитость» катойконимов в речи жителей района. В «Большевистской правде» представлена достаточно широкая палитра значений и функциональных возможностей дериватов.

В перспективе введение нового материала и расширение временных рамок исследования позволит более точно и поэтапно проследить изменения в употреблении изучаемой лексики в районных газетах. Кроме того, особый исследовательский интерес будет представлять сравнение данных районных газет и областного издания «Сталинградская правда».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития».

Список источников и литературы

1. Ахметова М. В. Катойконимы в советской газетной риторике 1918—1960-х годов // Ономастика Поволжья. Великий Новгород, 2019. С. 413—418.
2. Ахметова М. В. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, №1. С. 110—131.
3. Ахметова М. В. Названия детей по месту жительства в современном русском языке (по электронным источникам) // Вопросы ономастики. 2014. №2 (17). С. 120—128.

4. Генкин В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья. Витебск, 2009.
5. Данильченко А.В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991.
6. Ильин Д.Ю. Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2015. №3 (27). С. 7–14.
7. Ильин Д.Ю. Населенные пункты Волгоградской области: словарь-справочник регионального топонимикона. Волгоград, 2019.
8. Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград, 2012.
9. Кириллова С.Е. Функционирование катойконимов в текстах региональных СМИ // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2016. №2. С. 11–14.
10. Левашов Е.А. Москвичи и иных мест люди. Л., 1968.
11. Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
12. Моисеева Е.С. Патронимический потенциал ойконимов (на материале Пензенской области) // Известия ППГУ им. В.Г. Белинского. 2011. №23. С. 199–202.
13. Озтюрк Л.И. Наименования лиц женского пола в современной катойконимике // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. Филология и искусствоведение. 2008. №3 (2). Т. 2. С. 139–142.
14. Озтюрк Л.И. Русская отойконимическая лексика Республики Татарстан: деривационный и лингвографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
15. Русские названия жителей : словарь-справочник. М., 2003.
16. Словарь названий жителей (РСФСР) / под ред. А.М. Бабкина. М., 1964.
17. Словарь названий жителей СССР / под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. М., 1975.
18. Тельпов Р.Е. Названия жителей Архангельска и Архангельской области на страницах центральных и региональных СМИ // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 42–48.
19. Roberts M. The semantics of demonyms in English: Germans, Queenslanders and Londoners // The Semantics of Nouns. Oxford University Press, 2017. P. 205–220.

Об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин – доктор филол. наук, Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: dilyin@volsu.ru

Светлана Евгеньевна Кириллова – асп., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: scaryaga@yandex.ru

The authors

Dr Dmitriy Yu. Ilyin, Volgograd State University, Russia.

E-mail: dilyin@volsu.ru

Svetlana E. Kirillova, Doctoral Student, Volgograd State University, Russia.

E-mail: scaryaga@yandex.ru

Е. А. Наугольных

ГРАНИ РУССКОЯЗЫЧИЯ В НОВООБРАЗОВАНИЯХ ДЖ. ДЖОЙСА И ИХ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

23

Статья посвящена исследованию индивидуально-авторских новообразований Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану», прежде всего тех, что содержат элементы русского языка. Ставится цель раскрыть некоторые словообразовательные особенности лексических окказионализмов писателя и изучить границы их межъязыковой трансляции. На базе морфемного и словообразовательного анализа англоязычных единиц, а также комплексного сопоставительного анализа единиц оригинала и переводов были выделены различные типы и степени индивидуально-авторских новообразований, а также трудности, возникающие при передаче окказионализмов с одного языка на другой. Отмечены такие художественные приемы Дж. Джойса, как регулярное обыгрывание фонетического подобия лексем разных языков, дублирование иноязычного слова в ближайшем контексте, перенос морфологических показателей и т.д. Окказиональные единицы, содержащие элементы других языковых систем, являются наиболее сложными для межъязыковой трансляции и, следовательно, требуют особого внимания со стороны переводчиков. Проанализированы переводы романа на немецкий (Д. Штюдель, И. Горн, Р. Венингер, Ф. Ратхен), русский (А. Рене, А. Волохонский) и испанский (М. Забалоу) языки. Рассмотрены разные стратегии перевода. Продемонстрировано, что межъязыковая трансляция «языковых аномалий» писателя в целом возможна, но в наивысшей степени субъективна. Зачастую требуется радикальная переработка романа, дополненная объемными переводческими комментариями, что неизбежно приводит к созданию вариации на тему первоисточника, а не его переводов.

The paper examines nonce words in James Joyce's Finnegans Wake, particularly those originating from the Russian language. The research aims at defining word-formation patterns of the units in question and studying limitations of their interlanguage translation. Based on morphemic and word-formation analysis of the English deviated lexical units, as well as a comprehensive comparative analysis of the occasional words in the source and target languages, various types and grades of the lexical deviations and translation issues are outlined. The paper reveals certain features – the word-play based on phonetic similarity, repetition of foreign word meaning in a short context, transfer of morphological markers, and others. Being a most challenging phenomenon, interlanguage nonce words cause enormous difficulties in translation and thus require special attention. The full and incomplete versions of Finnegans Wake in German (D. Stündel, I. Horn, R. Weninger, F. Rathjen), Russian (A. Rene, A. Volokhonsky) and Spanish (M. Zabaloy) languages are explored. Various translation strategies are considered. However brilliant the exemplified decisions are, they are predictably subjective. The required transformation of the source text is often radical and added comments are bulky, leading to the creation of the modified version of Finnegans Wake rather than a translation in the true sense.

Ключевые слова: интеръязыковые окказионализмы, полисемантическая модель словообразования, переводимость.

Keywords: interlingual nonce words, multiple semantic layers, word-formation patterns, translatability.

Введение

Представление о настоящем творчестве всегда метафорично и абстрактно. По аналогии сосуда, наполняемого жидкостью, «художник вливает свои мысли в искусственные стенки звучащих слов» [4, с. 95], определяя тем самым вектор восприятия произведения. Писатель не знает, почему сложилось именно такое словосочетание, но определенная специфическая расстановка слов, их произвольный выбор и особое смысловое наполнение выделяют настоящего мастера слова. Такова общепризнанная психология творчества, согласно ей «замена лишь нескольких слов уже дает новый вариант произведения и поэтому может быть опасна как для читателя, так и для самого писателя и его картины мира» [4, с. 96]. Все вышесказанное особенно справедливо, когда речь идет о творчестве писателей-модернистов и постмодернистов, которые целенаправленно переходят на сторону «языковой антиприродности» [1, с. 296].

Как сообщает целый ряд исследователей романа «Поминки по Финнегану», текст этого произведения не что иное, как «крепкий настой из 150 живых и мертвых языков» [8, с. 100]. Здесь обнаруживаются не только следы привычных европейских корней, но и слова, например, из средневековой латыни и арго ирландских люмпенов. Известно, что сам Дж. Джойс владел 22 языками, в том числе и русским. Имея при этом абсолютный музыкальный слух, писатель видел не мертвое тело слов, а их живые души [2, с. 31]. По сути, «Поминки по Финнегану» были созданы не для чтения, а именно для того, чтобы «смотреть» и «слушать». Роман представляет собой, по словам Ж. Деррида, бесконечное слияние и в то же время сегментацию (*fusion and fission*) лексических и синтаксических структур, постоянное языкотворчество и изобретательство, культурный, исторический, языковой конденсат, «мировую Одиссею с открытым финалом» [6, с. 26].

Фундаментом романа становятся такие единицы, обозначить которые наиболее приемлемо словом «пучки», ведь они «обладают структурой спутанности, тканья, переплетения, которое позволяет разойтись различным нитям и различным линиям смысла — или силы — и при этом готово связать другие из них» [5, с. 379]. Подобные новообразования порождают в момент прочтения сотни образов, связанных с ними, и являются объектами анализа целого ряда джойсоведов [10; 22; 23]. Считается, что книга не поддается пониманию без специальных «ключей», составленных к ней ценителями творчества Дж. Джойса.

Языковая конденсация смыслов позволяет выразить информацию более экономичным способом, презентовать ее при помощи ограниченного набора конвенций, при этом давая ключи для ее декодирования. В сознании носителя языка именно способность слова «члениться» становится основным средством расшифровки новообразования [3, с. 61]. Языковая конденсация смысла в художественном произведении может быть продиктована не только стремлением писателя к уплотнению, но и намерением выразить в слове особую эмотивную составляющую.

щую, что, в частности, демонстрируется в технике потока сознания. Основной трудностью интерпретации конденсата при этом, бесспорно, является его омонимичность.

Англоязычные единицы Дж. Джойса, усложненные элементами других языков, нередко представляют собой такие семантические конденсаты, интерпретация которых требует учета огромного количества смысловых скреп и ассоциаций, где омонимичность также играет не последнюю роль. По подсчетам Б. Энгельхарта, исследовавшего славянские единицы в романе, элементы из русского языка среди них преобладают и составляют примерно 600–1000 единиц [11, р. 136]. Поскольку передача этих единиц в переводе обязательна для сохранения концептуального пространства романа, мы предприняли попытку начального анализа таких лексем и возможности их перевода на другие языки.

Изучение переводов также является ценным с точки зрения раскрытия в большей степени значения исходной индивидуально-авторской единицы. Это становится возможным, поскольку большинство переводов носит характер комментариев и представляет собой скорее переводческие интерпретации исходных единиц, а не их прямые соответствия.

Наше исследование включало в себя морфемный и словообразовательный анализ англоязычных индивидуально-авторских новообразований, а также комплексный сопоставительный анализ единиц оригинала и их немецких, испанских и русских переводных соответствий. Научная новизна и значимость работы заключается в том, что впервые объектом анализа стали лексические новообразования Дж. Джойса и их русские, немецкие и испанские переводные соответствия в романе «Поминки по Финнегану». Прежде мы концентрировались на анализе переводов менее перегруженного окказионализмами романа «Улисс» [19]. Исследуемые в данной статье переводы не только отличаются языками, но и разделены значительной временной дистанцией. Самыми поздними неслучайно стали русские версии отдельных частей произведения, ведь в российской культуре до сих пор отсутствует его полный перевод. Анализ проводится с целью обобщить переводческий опыт, выявить следование определенной переводческой стратегии, а также выделить определенные закономерности восприятия и перевода окказиональных единиц, в особенности тех, что содержат русскоязычные компоненты.

Русскоязычная лексика как особый элемент окказиональных новообразований Дж. Джойса

Как отмечалось ранее, в «Поминках по Финнегану» английский язык постоянно «встречается с единицами других лексических систем, которые вынуждают его мутировать окончательно и безвозвратно» [24, р. 24]. Русский язык также не стал исключением. Методом сплошной выборки нами были выделены 410 новообразований, предположительно содержащих элементы одного из славянских, преимущественно русского, языков, которые можно поделить на следующие тематические группы:

- 1) флора: *persiks* (персик), *dreevy* (дерево), *lissnaluhu* (леса, луга);
- 2) фауна: *motylucky* (мотыльки), *chaka* (чайка), *ptchjelasys* (пчелы), *vosch* (вошь), *sobarkar* (собака), *soloweys* (соловей), *muravyingly* (муравей);
- 3) общие понятия: *zimalayars* (зима), *lieto* (лето), *smertz* (смерть), *stranaslang* (страна), *umzemlianess* (земля);
- 4) предметы быта: *dwyergray*, *dvershen* (дверь), *komnate* (комната), *nitscnyk* (ночник);
- 5) культурные реалии: *dumagirls* (дума), *kabbaks* (кабак), *bullavogue* (булава); *isbar* (изба), *menshavik* (меньшевик);
- 6) обценная лексика: *doorak*, *duras*, *sukinsin*, *whold bludyn world*;
- 7) кулинарная лексика: *pitschobed* (печь, обед), *gotafit* (готовить), *malakoiffled* (молоко), *bulkis* (булки), *medoleys* (мед), *pivorandbowl* (пиво);
- 8) военная лексика: *bitvalike* (битва), *pulversporochs* (порох), *orussh-eying* (оружие), *minny* (мины), *huzzars* (гусары), *palignols* (пали);
- 9) оценочная лексика: *horrasure* (хорошо), *dovolnoisers* (довольно);
- 10) церковная лексика: *sbogom* (бог), *slobabogue* (слова, бог), *cursebog* (бог), *wenchalows* (венчание), *raskolly* (раскол), *zirkuvy* (церковь), *the chort* (черт), *djowl* (дьявол), *vieras* (вера), *Holygyssia* (святая Русь), *obras* (образ), *monacheena* (монахиня);
- 11) именованя людей: *babooshkees* (бабушка), *barishnyas* (барышня), *plumyumnietsies* (племянницы), *babalong* (бабы), *mujikal* (мужик), *zhanyzhonies* (жены), *karhags* (карга), *cheloven* (человек);
- 12) анатомическая лексика: *umvolosy* (волосы), *danyazade* (зад), *ouchyotchy* (очи);
- 13) антропонимы: *Chorney Choplain* (черный, Каплан), *Ardreetsar King* (Андрей, царь), *Sweatoslaves* (Святослав);
- 14) топонимы: *Baltiskeamore* (Балтийское море), *newsky prospect* (Невский проспект), *Novgolosh* (Новгород), *See vaast a pool* (Севастополь), *Arbatos* (Арбат), *Parsuralia* (Урал), *Krumlin* (Кремль).

Культурные реалии нередко связаны с определенной эпохой: царской (*yastsar*, *царь*), советской (*menshavik*, меньшевик; *bulsklivism*, большевизм; *grozartik*, Гроза Арктики) и т. д.

Взяты вне контекста, приведенные примеры могут казаться весьма спорными. Необходимо, однако, учитывать, что при создании выборки мы руководствовались смысловым контекстом, а не чисто формальными критериями межъязыкового подобия на морфемном уровне.

Отдельное поле составляет лексика водной тематики и, соответственно, включение в состав окказиональных единиц названий рек. Вступая в «поток языка», автор стремился передать «текучесть временных и пространственных ситуаций, а в конечном счете текучесть самого лингвистического аппарата» [9, с. 351]. К этой группе можно отнести такие единицы, как *vodaschauts* (вода), *morandmor* (море), *pratschkats* (прачки), *dneepers* (Днепр).

В англоязычные единицы инкорпорируются практически все части речи, включая глаголы (*pilipili* (пили), *estout* (есть), *sobralasolas* (собра-

лась)), прилагательные (*noviny* (новый)), *naggin* (нагой), *rooskayman* (русский)), числительные (*amplopervious* (первый), *twa* (два)). В процентном соотношении, безусловно, доминируют существительные (*sobranje-women* (собрание), *vremyament* (время)).

Вхождение иноязычных слов в англоязычную ткань романа «Поминок по Финнегану» наблюдается не только на лексическом, но и на морфологическом уровнях. Попадая в текст, подобные единицы, например, могут сопровождаться английским артиклем (*the skattert, a stroka*) или оформляться английским аффиксом. Так, прилагательное *molodetzious* образовано путем присоединения к русскому слову *молодец* английского суффикса *-ous*. Неологизмы часто завершаются окончанием *-s*, типичным в английском языке (*zirkivs* (церковь)). Используется притяжательный падеж, оформленный апострофом с *s* (*the karman's loki, as glovar's metins*).

Каламбуры Дж. Джойса нередко строятся на обыгрывании подобия фонетического звучания между разными иноязычными лексемами. Единицы, образованные с этой целью, распадаются на значимые для англоязычного читателя элементы, но при произнесении сохраняют связь с иной языковой средой. Так, в истории о русском генерале в бытовом лексиконе появляется глагол *gatovit*, который можно разложить следующим образом: *gat* 'ружье, пистолет' и глагол русского языка «готовить». Существительное *trovatarovitch* ассоциируется с русским словом «товарищ» и, как нам кажется, содержит английскую лексему *tar* (смола). Именно смола использовалась на Руси для защиты от врагов во время снятия осады. Здесь также просматривается типичная для русского языка форма мужского отчества с окончанием на *-ович*.

Приведем еще один пример подобной «объемной» лексемы:

Where once we led so many car couples have follied since. *Clatchka!* Giving Shaughnessy's mare the hillymount of her life [15, p. 623].

Индивидуально-авторское новообразование *clatchka* предположительно становится основой следующих ассоциаций: 1) *klatsch* (нем. 'слухи, сплетни'); 2) *latch* (англ. 'отмычка') — связь с понятием «ключ»; 3) *кляча* (рус.) — компонент, подкрепленный введением единицы *mare* (англ. 'кобыла'); 4) *качка* (рус.) — поддерживает катафорическую связь с эпизодом о русском генерале, где моряк регулярно упоминал это явление. Существительное *car* (англ. 'машина') также подразумевает качку и открывается ключом. Проанализированная лексема — лишь один из многих примеров языковой конденсации смыслов, фонетического обыгрывания и установления многомерных связей внутри, казалось бы, компактной единицы.

Можно выделить еще одну особенность использования славянской лексики писателем. Зачастую он следует принципу дублирования иноязычных слов соответствующим по значению английским словом в близком контексте: *no voida water; vlossyhair; ne not him, postleadeny past; Most Highest Ardreetsar King, chaka a seagull, parasama to himself*.

Triely and rurally. *Bladyughfoulmoecklenburgwhurawhorascortastrumpapornanennykocksapastippatupperstrippuckputtanach, eh? You have it alright* [15, p. 90].

В авторском неологизме из 100 букв содержатся обозначения распутной женщины на разных языках. Помимо русскоязычной лексемы можно выделить как минимум следующие обозначения распутной женщины, блудницы: *porna* (греческий), *scortum* (латинский), *whore* (английский), *Hure* (немецкий), *hore* (норвежский), *kekše* (литовский), *puttanna* (итальянский).

Таким образом, становится очевидным, что введение Дж. Джойсом в текст романа иноязычной лексики, в том числе русскоязычных корней, позволяет писателю превратить новообразование во вместилище пестрых значений. Задача переводчиков — максимально передать читателю все многоязычные «ключи», которые позволят открывать новые варианты и возможности прочтения произведения.

Роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»: особенности интерпретации

Рассматривая вопрос о переводе индивидуально-авторских новообразований Дж. Джойса, необходимо отметить, что далеко не все переводчики, которые брались за работу с произведением «Поминки по Финнегану», сумели завершить начатое. Не в последнюю очередь причина этого кроется в том, что текст романа выходит за рамки одного языка, как указывает Ж. Деррида, находится между языками и поэтому уже сам и есть перевод [6, с. 18]. Наш анализ базируется на полном переводе романа на немецкий (переводчик Д. Штюдель) и испанский (М. Забалой) языки. Кроме того, были изучены отрывки романа на русский (переводчики А. Рене, А. Волохонский) и немецкий (И. Горн, Р. Венингер, Ф. Ратъен) языки.

Рассуждая о переводимости многоязычных текстов, П. О'Нил рассматривает существование трех возможных стратегий перевода «Поминки по Финнегану», которые исследователь обозначил как конкурентивную (*competitive*), объясняющую (*explanatory*) и имитирующую (*imitative*) [20, p. 288]. Первая, конкурентивная, стратегия подразумевает компенсацию потерь за счет введения в текст принимающей культуры новых элементов, постоянные попытки деформации языка перевода подобно тому, как это делал Дж. Джойс с английским языком. Переводчик вынужден добавлять единицы в языке перевода с целью воссоздания полифонического эффекта. И действительно, он имеет на это право, ведь, согласно теории Серля, все, что осознается нами, может быть выражено единицами языка, а если таковых не существует, всегда есть возможность их создания (*the principle of expressibility*) [21, p. 16]. По нашему предположению, именно такой стратегии, например, придерживался немецкий переводчик Д. Штюдель.

Вторая тенденция, или «объясняющая», напротив, неизбежно приводит к сокращению объема заложенной Дж. Джойсом информации. Такой перевод звучит более понятно и привычно для читателя, поскольку избегает всех «острых» углов и шероховатостей языка. К такой стратегии в ряде случаев прибегает испанский переводчик М. Забалой.

Наконец, третья стратегия подразумевает, что переводчики вообще не считают себя таковыми, они скорее создают свою собственную версию романа на родном языке, сопровождая ее внушительным массивом переводческих комментариев. К такой стратегии перевода можно отнести работу нидерландских переводчиков Э. Биндервота и Р.Я. Хенкеса, а также версию А. Волохонского, который сам называет свои опыты «переложением».

В качестве примера переводов рассмотрим отрывок из басни профессора под названием «The Mookse and the Gripes» («Слизица и Винегрет» (А. Рене)). Отрывок выбран для анализа, поскольку предположительно содержит иноязычные включения и переведен на немецкий язык пятью переводчиками, при этом были также найдены один русский (к сожалению, А. Волохонский не приступал к переводу этого отрывка) и испанские варианты.

A Mookse he would a walking go (My hood! Cries Antony Romeo) so one grandsumer evening... he put on his impermeable, seized his impugnable, harped on his crown and stepped out of his immobile De Rure Albo (socolled becauld it was chalkfull of masterplasters and had borgeously **letout** gardens strown with cascadas, pinta-costecas, horthoducts and currycombs) and set off from **Ludstown** a spasso to see how badness was badness in the weirdest of all pensible ways [15, p. 152].

Ein Mookse der möcht' eins walken gehen (My hood! schreit Antony Romeo), also an einem grandsumer abend... legte er an seinem impermeabel, hob hoch seinen impugnabel, harpft auf seine krone und schritt heraus aus seinem immobil *De Rure Albo* (sogeeissen wheiss kreidsfull von meistermörtelstucker stickte und von kaskadas, pintacostecas, horthodukten und kaskadens strohzend borgeosische **letoute** gärten hatte) und machte sich auf von **Ludstown** *a spasso* um zu sehen wie bösenis wäre bösenis im dem weirdesten aller pensiblen wege [12, S. 99].

Ein Muhkus der paszieren geht (Mei Huot! Antrom Reiser fleht), all so an einem prachtsumererlich abvend... da zog er an sein ergendicht, begreiferte sein anfechtgryffing, harfte auf seine krohne und schritt aus seinem immobilen *De Rure Albo* (sogespachtelt weiß kalkvoll war der meisterbeiwker und borgio **sausgehangene** gärten hatte, die bestreht waren mit kaskaders, pfings-takostaecks, hortendogsen und katerkomben) und machte sich dann *a spatzo von Götzwill* auf um zu sehen wie schlechtigkeits schlechtigkeits war im seltlichsten aller dünklichsten weiten [13, S. 116].

Ein Mauchs er pflegte spazieren zu gehen (Mein Hut! schreit Antonius Romeo), so eins Großsumersabends... zog er seinen Wasserdichten an, ergriff seinen Einwändigen, haarfte seine Krone auf und trat heraus aus seinem immobilen *De Rure Albo* (sobekalkfteil es kreidvoll war von Meisterstuckn und borgeös ausgelegte, mit Kaskadern, Pintakosthekern, Horthodukten und Katerkämmen **bestreihete** Gärten hatte) und macht sich *a spasso* von **Ludsstadt** auf zu sehen wie Schlechtigkeits Schlechtigkeits war in der gespinsten aller löblichen Weisen [16, S. 7].

Ein Mauhser, er wollte einen Spatzirrgang untellnehmän (Mein Juttess! schreikt Antoni Romdeo), so geschar es eines Huchsummer Erbens... zug er sein

Apweisehnddes an, ergriff sein Ahnfechtbares, haffte auf seine Grohne und stackste aus seiner Immobilie *Von weißer Landschaft* heraus (sockenannt weihl es ein kraidvoll MeißelWerken war und bürgerlig **ahngeleckte** Gerten mit Kackskaden, Pengstarosen, Gartquerdukte und Kattagrotten verstreiht hatte) und machte sich zu seinem *Spafßziergang* von **HerrnsStadt** auf, um zu sehen, wie geschuftig die Geschuftigkeit in der schlämmsten aller dunkbaren Weisen war [14, S. 152].

Un Muxorro a la caminata (Qué Pucha! grita Antony Romeo) así que víspera de un **granestío**... se puso su impermeable, tomó su impugnable, insistió con su corona y salió de su inmóvil De Rure Albo (apodasí bicolde la tizaborra de mastroyesos y tenía jardines borgeosamente **sueltos** sembrados de cascadas, pinacostecas, hortoductos y almohazas) y partió desde **Ludstown** a spasso para ver cómo la maldad era la maldad en la más bizarra de todas las maneras pensibles [17, p.152].

Г-н Слизица пошел в прогул как попрыгун (клобук на отсечение! — вопиет Антоний Римео), шумируя от **вечерней жары**... а потом надел свою непроницаемость, схватил свою неопровержимость и, венец намостив, покинул свою недвижимость в Белликой Топальбе (это ознобначало, что она была мелоизвестна своими риформастерами и бургджуозно **ростогнувшимися** садами, усыпанными каскападами, спинакошатницами и портодоками с хатакормами) и пошел из **Люддограда** по странствия, дабы убедиться, что дело аса провалиться в этой смуте из всемнужных делов [7].

Данный отрывок — это история или басня, насквозь пронизанная интертекстуальными элементами, которые необходимо учитывать в процессе перевода. В содержательном плане происходит синтез как минимум трех эпох: античной (Эзоп и его басня «Ворона и Лисица»), средневековой (У. Шекспир и его произведения «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»; Сервантес «Дон Кихот»), современной (Л. Кэрролл и его книга «Алиса в Стране чудес», персонажи Черепаха Квази и Грифон). Привычное восприятие читателя начинает перестраиваться с первых строк отрывка, чему способствует пародийная форма и особый стиль повествования. Шаблонное мышление трансформируется также в связи с постоянными отсылками к религиозной тематике (мотивы: Ватикан, Адриан IV, Борджиа и т.д.). Среди целой группы окказиональной лексики выделим две единицы, которые, возможно, содержат элементы славянской лексики: *Ludstown* и *letout*.

Окказиональная лексема *letout* выделена нами по причине того, что писатель, как было выявлено в результате анализа, часто следует принципу дублирования иноязычных слов соответствующим по значению английским словом в близком контексте (в данном отрывке в словосочетании *grandsummer evening* — *summer* (лето)).

Letout: *letoute* (И. Горн), *sausgehangene* (Р. Венингер), *bestreihete* (Ф. Ратьен), *ahngeleckte* (Д. Штюдель), *suelos sembrados* (М. Забалой), *ростогнувшимися* (А. Рене).

Как видно, ни один из переводчиков не установил связь данной единицы с лексемой «лето», включая русского переводчика А. Рене. В качестве способа перевода использовалась транскрипция/транслитерация (И. Горн), узальная единица (М. Забалой), но чаще предлага-

лись окказиональные слова, созданные на базе родного языка. Окказиональное новообразование Дж. Джойса рассматривалось как слияние двух элементов (наиболее очевидная трактовка: *letout* = *let* + *out* — освобождать, расширять, распускаться). Отталкиваясь от этих значений, переводчики предложили: *sausgehangene* (ассоциации: *ausgehen* — выходить, выпускать, *sausen* — свистеть (о ветре)), *bestreihete* (ассоциации: *bestreihen* — развертывать, покрывать, *streichen* — зачеркивать, вычеркивать), *ahngeleckte* (ассоциации: *angelegt* — созданный, открытый, *lecken* — протекать, ускользать, *ahnen* — предвидеть); *rostognuvshimisia* (ассоциации: растягиваться, расторгать).

Еще более сложным для интерпретации оказывается топоним *Ludstown*.

Ludstown: *Ludstown* (И. Горн), *Götzwill* (Р. Венингер), *Ludsstadt* (Ф. Ратъен), *HerrnsStadt* (Д. Штюдель), *Ludstown* (М. Забалой), Люддоград (А. Рене).

Расшифровка топонима Дж. Джойса здесь напрямую зависит от кругозора реципиента, его интерпретационные возможности неисчерпаемы. Помимо связи с русским словом *люди*, немецкой лексемой *das Lude* (отмычка) можно выделить и другие ассоциативные ряды. Так, например, Людом называли Лондон во времена Шекспира. Несмотря на то, что «автоматическая» передача географических названий со значимым компонентом в художественном тексте транскрипцией/транслитерацией давно потеряла свою актуальность, этим способом воспользовались два переводчика (И. Горн, М. Забалой). Смысловый элемент в их версиях оказывается непереданным в полной мере. Относительно второго элемента новообразования *town* трое переводчиков пошли по пути «доместикации», заменив его немецким *Stadt* (Ф. Ратъен, Д. Штюдель) и *град* (А. Рене). Межъязыковая передача первой части топонима свидетельствует о выборе разных стратегий. Ф. Ратъен передает звуковую оболочку слова, Д. Штюдель, напротив, — только значимый компонент. Перевод А. Рене можно назвать попыткой сохранить как форму, так и содержание. Свой вариант он подкрепляет обширными комментариями. Это, действительно, важно, поскольку почти все имена собственные в романе не только окказиональны, но и аллюзивны, а значит, необходимо предоставлять читателю ключи к расшифровке топонимов и связанных с ними ассоциаций.

Самым далеким от оригинала кажется переводческое решение Р. Венингера. Его *Götzwill*, на первый взгляд, теряет ассоциативную связь с Лондоном. С другой стороны, второй компонент лексемы *-will* можно трактовать как дополнительную аллюзию на имя Шекспира (*William*), отсутствующую в оригинальном тексте. Профессиональная карьера писателя, бесспорно, была неразрывно связана с английской столицей.

Таким образом, «непереводимые» единицы Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану», созданные писателем намеренно и призванные отражать особую авторскую картину мира, как раз нуждаются в интерпретации на других языках с целью разгадки замысла автора.

При межъязыковой трансляции подобных новообразований переводчики вынуждены прибегать к различным стратегиям, сокращая объем, внедряя массивные комментарии или компенсируя потери за счет деформации языка перевода подобно тому, как это делал Дж. Джойс с английским языком. Все они стараются передать максимальное количество коннотаций, заложенных автором. В случае, когда речь идет о присутствии расширения англоязычного дискурса за счет инкорпорирования элементов из других языковых систем, в частности русского языка, задача непомерно усложняется. Сквозь призму славянской лексики английские слова получают не только новое звучание и написание, но и значение. Передача смыслового компонента необходима, но не всегда возможна, учитывая словообразовательные особенности языков перевода. Дальнейший детальный анализ выявленных многоязычных окказиональных единиц в романе, а также их переводных немецких, испанских и русских соответствий позволит сделать некоторые значимые выводы относительно использования переводческих приемов для их трансляции и границ возможности передачи языковой анти-нормы в художественном произведении.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М., 2014.
2. Геніева Е. И снова Джойс... М., 2011.
3. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс. М., 2004.
4. Грифцов Б. А. Психология писателя. М., 1988.
5. Деррида Ж. Различание // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 377–402.
6. Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002.
7. Джойс Дж. На помине Финнеганов (пер. с англ. А. Рене). URL: http://samlib.ru/r/rene_a/113.shtml (дата обращения: 25.07.2019).
8. Шишкин М. Буквы на снегу: три эссе. М., 2019.
9. Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2003.
10. Derrida J. Two words for Joyce // Derrida and Joyce: texts and contexts. N.Y., 2013. P. 22–41.
11. Engelhart B. Breeder to Sweatoslav: Form and Funktion des Slawischen Wortmaterials in Joyces Work // European Joyce studies. Amsterdam, 1999. P. 135–144.
12. Joyce J. Kapitel 1.6 (übersetzt von I. Horn) // J. Joyce Finnegans Wake: gesammelte Annäherungen. Frankfurt a/M, 1989. S. 73–115.
13. Joyce J. Kapitel 1.6 (übersetzt von R. Weninger) // J. Joyce Finnegans Wake: gesammelte Annäherungen. Frankfurt a/M, 1989. S. 116–123.
14. Joyce J. Finnegans wehg (übersetzt von Dieter H. Stündel). Frankfurt a/M, 1993.
15. Joyce J. Finnegans' Wake. L., 2012.
16. Joyce J. Geschichten von Shem und Shaun (übersetzt von F. Rathjen). Berlin, 2012.
17. Joyce J. Finnegans wake (traducido por M. Zabaloy). Avellaneda, 2016.
18. Mitchel A. J. Meaning postponed: the post card and Finnegans wake // Derrida and Joyce: texts and contexts. N.Y., 2013. P. 145–163.
19. Naugolnykh E., Nesterova N. The language norm and deviation in the context of literary translation (based on Ulysses by James Joyce) // Sprache verstehen, verwenden, übersetzen. Innsbruck, 2018. S. 377–383.

20. *O'Neill P.* Impossible Joyce: Finnegans Wakes. Toronto, 2013.
21. *Searle J.* The Principle of expressibility // Searle J. Speech acts. Cambridge, 1999. P. 1 – 21.
22. *Senn F.* Noch mehr über Joyce: Streiflichter. Frankfurt a/M, 2012.
23. *Szczerbowski T.* Anna Livia Plurabelle po polsku. Krakow, 2000.
24. *Taylor-Batty J.* Multilingualism in modernist fiction. N.Y., 2013.

Об авторе

Евгения Андреевна Наугольных – канд. фил. наук, доцент, Пермская государственная фармацевтическая академия, Россия.

E-mail: pulina_jane@mail.ru

The author

Dr Evgeniya A. Naugolnykh, Associate Professor, Perm State Pharmaceutical Academy, Russia.

E-mail: pulina_jane@mail.ru

А. С. Гуськова, Л. Б. Карпенко

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ

34

Представлена типология англоязычных заимствований в текстах современных Интернет-изданий. Выявлены и охарактеризованы три типа заимствований: слова, заимствованные в конце XX – начале XXI в. и зафиксированные словарями иностранных слов; англоязычные элементы, не являющиеся фактами русского языка, но употребляемые с начала 2000-х гг. в русской речи (письменной и устной); англоязычные вкрапления, употребляемые в единичных случаях в русском тексте (обычно в графике языка-источника). Исследуемые лексические единицы классифицированы в зависимости от времени их фиксации словарями и Национальным корпусом русского языка. Дана оценка степени освоённости заимствований каждой из трех выделенных групп.

The article explores the typology of modern English borrowings in mass media texts. The main aim of the article is to identify and describe the types of English borrowings by analyzing how they got adapted in the Russian language. The first type includes the borrowings, which date back to the late XX and the early XXI centuries and entered the Russian dictionaries of borrowings. The second type is represented by the borrowings that are used in the Russian spoken and written language, but are not included in dictionaries. The borrowings of the third type are the English words that are rarely used. All the borrowed lexical units are classified according to the time they entered Russian dictionaries and the Russian National Corpus. This result relies on the earlier studies that examine the process of borrowings adaptation and is intended to stimulate further academic discussion and research.

Ключевые слова: англоязычные заимствования, глобализация, освоение заимствований, интернет-издания, кинематографический дискурс.

Keywords: English borrowings, globalization, adaptation of borrowings, on-line media, cinematic discourse.

После работы Ч. Морриса «Foundations of Theory of Signs» (1938) функционирование слова как знака понимается в трех измерениях: семантики — отношения знака к обозначаемому явлению действительности, синтактики — связей знака с другими знаками в речи (тексте) и прагматики — отношений знака к участникам речевого акта (говорящему — слушающему, пишущему — читающему) [1, с. 447]. В современных лингвистических исследованиях понятие «функционирование» может уточняться как «употребление нового слова в конкретном коммуникативном акте или речевой ситуации» [2, с. 4]. Применительно к заимствованиям мониторинг процесса их функционирования создает условия для изучения форм их адаптации к системе языка-реципиента.

Особый интерес представляет возможность изучения способов функционирования и ассимиляции заимствованной лексики в условиях лингвокультурной глобализации. В качестве основного донора глобализационных процессов выступает американский вариант английского языка, в то время как «проводниками», или «агентами дискурса о глобализации», согласно Н. Фэрклоу, являются академическая среда, государственные структуры, неправительственные организации, СМИ и повседневная жизнь людей [3, с. 5].

Проведенное нами исследование не только подтверждает справедливость предложенной ученым типологии, но и позволяет внести в нее определенные уточнения. Именно интернет-издания становятся сегодня основной сферой внедрения и освоения англоязычных лексем, их основным проводником к носителям языка. Популярность, регулярное появление иноязычных неологизмов в разножанровых СМИ искусственным образом ускоряют их проникновение в устную и письменную речь.

В литературе отражены наблюдения о степени влияния СМИ на языковые предпочтения потребителей информации. Отмечено, что лингвокреативные личности «навязывают» свои индивидуальные «лексические и словообразовательные впечатления» достаточно большим группам носителей языка. Как указывает А. Д. Васильев, «именно их (СМИ) активные усилия способствуют на протяжении свыше двадцати лет и созданию ореола привлекательности артефактов и моделей поведения, коренных для иной культуры, и их быстрому внедрению в общественное сознание [4, с. 63].

Цель данной статьи – выявить на основе исследованного материала современных Интернет-изданий особенности функционирования англоязычных заимствований и определить степень их освоенности в русскоязычном дискурсе.

Источниками фактического материала послужили пять интернет-изданий: «Wonderzine», «The Village», «Большая деревня», «Colta. ru» и «Arzamas», из которых были отобраны тексты на темы кинематографа. Анализ текстов единой проблематики позволяет сделать исследование более информативным, а его выводы более обоснованными и достоверными. Выбор кинематографической тематики обусловлен тем, что, с одной стороны, эту сферу характеризуют инновации в области развития новых жанров и направлений, а также технологий производства и распространения продукции, способствующие активному заимствованию лексем; с другой стороны, для кинематографа как одного из традиционных видов искусства характерны стабильность и преемственность, что не предполагает фундаментальных изменений в исследуемой номинационной сфере, которые могли бы деактуализировать накопленный прежде лексический корпус.

Объем выборки из каждого источника составляет 10 000 слов, общий объем – 50 000 слов. Выбор источников обусловлен их распространенностью, популярностью, общностью целевой аудитории – это образованные люди в возрасте от 20 до 35 лет.

Источники представлены двумя типами изданий: 1) коммерческими информационно-развлекательными («The Village», «Wonderzine», «Colta. ru», «Большая деревня»); 2) некоммерческим просветительским сайтом «Arzamas», посвященным гуманитарному знанию.

В ходе исследования в корпусе текстов были выявлены англоязычные заимствования трех типов:

1) англоязычные заимствования, освоенные русским языком и являющиеся фактами его лексической системы;

2) лексические единицы, еще не ставшие фактами лексической системы современного русского языка, но употребляемые в русской речи (письменной и устной);

3) англоязычные вкрапления, употребляемые в единичных случаях в русском тексте (обычно в графике языка-источника).

При отнесении лексемы к той или иной группе учитывалось то, как давно данная лексема употребляется в письменной речи; источником этих сведений послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Кроме того, в выборку включались лексемы, образованные в русском языке от англоязычных заимствований первой и второй групп. Мы не относим их к заимствованиям, однако считаем целесообразным учитывать их, так как они указывают на производящую основу (англицизм) и сохраняют с ней тесную связь.

Основные результаты анализа англоязычных заимствований в текстах современных интернет-изданий

По количеству содержащихся в текстах англоязычных заимствований и производных от них лексем тексты сайтов выстраиваются в следующей последовательности: «Wonderzine» (количество словоупотреблений англицизмов трех групп — 152; лексем, образованных от них в русском языке, — 50); «The Village» (121 и 49 соответственно); интернет-издание «Большая деревня» (110 и 22 соответственно); сайт «Colta. ru» (65 и 24 соответственно).

Охарактеризуем состав каждого из трех разрядов англоязычных заимствований, выявленных в интернет-изданиях.

I. Новейшие заимствования из американского варианта английского языка, зафиксированные словарями.

Лексемы данного типа, которые российские лингвисты предлагают терминологизировать как глобализмы [5], или англоглобализмы [6; 7], проникли в русский язык в конце XX в. Большинство из них активно осваивается русским языком. Значительная часть таких заимствований знакома носителям русского языка, о чем свидетельствуют данные НКРЯ. Среди заимствований рассматриваемого типа выделяются три основные тематические группы:

1) наименования кинематографических жанров: *хоррор*, *триллер*; *блокбастер*; *экшен*, *саспенс*; *фьюжен*; *трэш* (ср. также лексемы, образованные от заимствованных лексем в русском языке, чаще всего представляющие собой сочетания со вторым членом, более ранним заимст-

нием из различных языков: *хоррор-комедия, ромком-хоррор, хоррор-составляющая, хоррор-сенсация; экшен-комедия; экшен-версия; саспенс-жанр, психотриллер, ретропанк; док-хоррор*). Обращает на себя внимание, что данные слова строятся по англоязычным словообразовательным моделям, первый член в них чаще всего рассматривается как аналитическое прилагательное (см. подробнее [9]);

2) понятия, связанные с производством и распространением кинематографической продукции: *саундтрек* (ср. также образованные в русском языке по той же модели сложные слова *хоррор-продюсер; экшен-постановщик; фолк-саундтрек*);

3) лексемы, характеризующие явления сферы развлечений, музыки и телевидения: *ток-шоу; шоу-бизнес, шоумен, трек, дистрибьютор, диджей, гэг; брейк-данс; шорт-лист; панк, хардкор; флаер; клипмейкер* (ср. также следующие производные: *панковский, панк-тусовка, поп-культура, попрежиссер, поп-матч, попкультурный, диснеевский, фан-клуб, фанатский, фанбаза* и др.);

4) лексемы более общего значения, употребляющиеся во многих тематических областях: *менеджер, ноутбук, лэптоп; интерфейс; онлайн, офлайн; клик, хит, пиар, бренд, тренд, релиз, нон-стоп, билборд; маркетинг, мейнстрим, файл; профайл; холдинг; комьюнити; рейтинг; пресс-релиз; бестселлер; ник; месседж; инсайдер; аутсайдер*. В русском языке от англоязычной производящей основы образованы лексемы *спродюсированный, мейнстримный; медийный; топовый; андеграундный; продюсерский, продюсирование; спродюсированный; пиарщица; онлайн-премьера, онлайн-ресурс; онлайн-платформа* и др.

II. Англоязычные заимствования, не являющиеся на данный момент фактами русского языка, но употребляющиеся в русской речи (письменной и устной).

Лексемы данной группы не знакомы широкому кругу носителей русского языка, о чем может свидетельствовать фиксация в НКРЯ единичных примеров их употребления. Процесс освоения многих из них находится на начальных стадиях. Нижней временной границей употребления лексем данной группы установлен 2000 г.

Тематически среди слов рассматриваемой группы выделяются:

1) наименования кинематографических жанров: *мокьюментари* (НКРЯ: 36; с 2009 г.); *инди* (НКРЯ: 130; с 2004 г. самостоятельно и в составе сложных слов), *артхаус* (НКРЯ: 160, с 2001 г.), *ситком* (НКРЯ: 268, с 2001 г.); *драмеди* (НКРЯ: 14, с 2005 г.), *байопик* (НКРЯ: 92, с 2007 г.); *мамблкор* (НКРЯ: не зафиксировано); *нон-фикшн* (НКРЯ: 2, с 2002 г.), *слэшер* (НКРЯ: 14, с 2007 г.); *квир* (НКРЯ: 8, с 2004 г.), *роуд-муви* (НКРЯ: 1, 2013 г.); *истерн* (НКРЯ: 2, с 2000 г.); *броманс* (НКРЯ: 1, с 2014 г.); *кэмп* (НКРЯ: 4, с 2004 г.). Несмотря на неизвестность данных лексем большинству носителей языка, в интернет-изданиях фиксируются процессы образования новых сложных слов: *инди-драма, инди-хоррор, инди-кино, инди-фильм, инди-комедия; квир-триллер, квир-драма, квир-мелодрама; ЛГБТ-драмеди; мокьюментари-ситком*.

2) лексемы, именующие фильмы по их отношению к другому фильму: *спин-офф* (НКРЯ: 1, с 2014 г.); *приквел* (НКРЯ: 68, с 2001 г.); *сиквел* (НКРЯ: 530, с 2000 г.);

3) понятия, связанные с производством и распространением кинематографической продукции: *тайминг* (НКРЯ: 20, с 2003 г.); *трейлер* (НКРЯ: 184, с 2003 г.); *превью* (НКРЯ: 83, с 2001 г.); *бокс-офис* (НКРЯ: не зафиксировано); *твист* (в сценарии) (НКРЯ: 1, с 2012 г. (остальные употребления — в значении «танец»)); *клиффхенгер* (НКРЯ: не зафиксировано); *филлер* (НКРЯ: не зафиксировано); *трейлер* (НКРЯ: 184, с 2003 г.); а также образованные в русском языке лексемы *инди-режиссер*; *промосериал* (НКРЯ: не зафиксировано), *сандэнсовский* (НКРЯ: 1, с 2013 г.);

4) лексемы, характеризующие явления сферы развлечений, музыки и телевидения: *эмси* (НКРЯ: 2, с 2007 г.); *ивент* (НКРЯ: 31, с 2006 г.); *стендап* (НКРЯ: 38, с 2007 г.); *вебкаст* (НКРЯ: не зафиксировано); *подкаст* (НКРЯ: 31, с 2006 г.); *сеттинг* (НКРЯ: 4, с 2007 г.); *костлей* (НКРЯ: 9, с 2008 г.); *флешмоб* (НКРЯ: 335, с 2005 г.); *паблик* (НКРЯ, с 2000 г. (в основном в сочетании *паблик рилейшинз*; в значении «сообщество в социальной сети» — с 2014 г.)); *зин* (НКРЯ: не зафиксировано, но зафиксирована лексема, от которой образовано слово *зин*, — *фэнзин*: 10, с 2003 г.); *блогер* (НКРЯ: 3939, с 2005 г., в том числе в составе сложных слов); *инфотейнмент* (НКРЯ: 5, с 2003 г.);

5) лексемы, не связанные исключительно с кинематографической сферой и употребляемые в разных областях: *хайп* (НКРЯ: 7, с 2012 г.); *гик* (НКРЯ: 34, с 2003 г.); *геймер* (НКРЯ: 395, с 2000 г.); *айфон* (НКРЯ: 552, с 2008 г.); *продакшен* (НКРЯ: 487, с 2000 г.), *камбэк* (НКРЯ: 168, с 2001 г.); *стейтмент* (НКРЯ: 7, с 2003 г.); *селфи* (НКРЯ: 67, с 2014 г.); *контент* (НКРЯ: 4642, с 2000 г., в том числе в составе сложных слов), *коворкинг* (НКРЯ: 6, с 2008 г.; также зафиксирована лексема *коворкинговый*: 1, с 2012 г.); *хэштег* (НКРЯ: 93, с 2012 г.); *торрент* (НКРЯ: 184, с 2005 г.); *мешап* (НКРЯ: 1, с 2012 г.); *мессенджер* (НКРЯ: 228, с 2006 г.); *инстаграм* (НКРЯ: 116, с 2012 г.); *ютьюб* (НКРЯ: 45, с 2010 г.); *YouTube* (НКРЯ: 1864, с 2006 г.); *фейсбук* (НКРЯ: 708, с 2009 г.); *скайп* (НКРЯ: 35, с 2006 г.), *гайд* (НКРЯ: 5, с 2010 г.); *флэшбек* (НКРЯ: 45, с 2001 г.); *аккаунт* (НКРЯ: 933, с 2004 г.); *лофт* (НКРЯ: 172, с 2001 г.); *стиллайф* (НКРЯ: не зафиксировано); *смолл-ток* (НКРЯ: не зафиксировано); *промо* (НКРЯ: 290, с 2001 г., в том числе как первая часть сложных слов); *паблик-ток*; *трансгендер* (НКРЯ: 23, с 2007 г.); *вейп* (НКРЯ: не зафиксировано); *тиндер*; *casual* (НКРЯ: 217, с 2002 г. самостоятельно и в составе сложных слов); *iTunes* (НКРЯ: 351, с 2006 г.); *Netflix* (НКРЯ: 51, с 2010 г.); *Kickstarter* (НКРЯ: 37, с 2010 г.); *Гугл* (НКРЯ: 145, с 2003 г.); *Google* (НКРЯ: 3967, с 2001 г.), *DIY* (НКРЯ: 134, с 2004 г. самостоятельно и в составе сложных слов); *SMM* (НКРЯ: 42, с 2010 г. самостоятельно и в составе сложных слов).

III. Англоязычные вкрапления, употребляемые в единичных случаях в русском тексте (обычно в графике языка-источника).

Такие англицизмы также не являются фактами русского языка. К ним отнесены *cheap thrills* (в переводе автора текста *дешевые приемы*); словосочетание *digital noise* (в переводе автора текста *оповещения, мессенджеры и соцсети, которые отвлекают людей на протяжении всего дня*); *e-reader*.

Присутствуют также отдельные вкрапления в структуру текста целостных выражений, например *джаст фо фан*, от *just for fun* («шутки ради»), переданное средствами русского языка.

Как справедливо указывает З.Л. Новоженова, «вкрапления могут быть первой ступенью процесса заимствования, фиксирующей общую динамику проникновения в “родной”, принимающий язык и усвоение им иноязычных элементов» [5, с. 38].

Интернет-издание «Arzamas» отличается от рассмотренных выше сайтов малым количеством используемых англицизмов (словоупотреблений англоязычных заимствований трех групп – 13; словоупотреблений лексем, образованных от них в русском языке, – 3). В выборке встретились следующие новейшие заимствования из американского варианта английского языка: наименования кинематографических жанров: *хоррор*, *трэш*; понятие, связанное с производством и распространением кинематографической продукции: *саундтрек*; лексемы более общего значения, употребляющиеся во многих сферах: *интернет*, *бизнес*, *бодибилдер*, *спарринг*, а также образованные в русском языке лексемы *продюсировать*; *секс-символ*.

Второй тип заимствований представлен здесь наименованиями кинематографических жанров: *роуд-муви*, *мокьюментари*; лексемами, не связанными исключительно с кинематографической сферой: *флешбэк*; *ютьюб*, а также образованной в русском языке лексемой *ЛСД-модерн*. Англоязычные заимствования третьего типа не встречаются.

Лексемы каждого из трех разрядов были проанализированы с точки зрения обозначаемых ими понятий и с точки зрения специфики их освоения во всех интернет-изданиях, в результате чего были сделаны следующие выводы.

1. Ряд существительных первой группы не освоен в фонетическом и графическом планах. Фонетический облик лексем остается нетипичным для русского языка, например на месте полумягкого согласного в английском языке в русском языке произносится твердый согласный: *мэсседж*, *бэкграунд*, *трэш*, *мейнстрим*, *саундтрек*. На графическом уровне фонетическая чуждость слова проявляется в сосуществовании графических вариантов лексем, один из которых является более употребительным: *трэш* и *треш*, *месседж*, *месседж* и *мэсседж*, *бэкграунд* и *бекграунд*, *флаер* и *флаэр*. Расхождения возникают также в связи с отражением на письме редукции звуков: количественная и качественная редукция гласных звуков, ослабление произнесения согласного звука вплоть до его выпадения приводит к сосуществованию таких вариантов, как *экишен* и *экин*, *флайер* и *флаер*. В безударном положении после мягкого согласного встает выбор между «е» и «и»: *ремейк* и *римейк*. Вариативность, связанная с ориентацией на фонетический или графический об-

лик слова, проявляется и при передаче согласных: *хоррор* и *хорор*, *офлайн* и *оффлайн*. Графические варианты могут отражать этимологическое членение слова в языке-источнике: *онлайн* и *он-лайн*, *уик-энд* и *уикэнд*.

Англоязычные лексические элементы осваиваются в словообразовательном плане. От слов рассматриваемой группы суффиксальным способом образуются прилагательные (*хитовый*, *андеграундный*, *мейнстримный*, *маркетинговый*, *креативный*, *крафтовый*, *топовый*, *поп-артовский*), глаголы (*продюсировать*, *кликать*, *опонсеть*), редко – существительные (*пиар* – *пиарищица*). Путем словосложения активно образуются сложные слова (*саундтрек* – *фолк-саундтрек*; *онлайн* – *онлайн-платформа*, *онлайн-преьера*, *онлайн-ресурс*; *релиз* – *пресс-релиз*; *медиа* – *медиа-инсталляция*, *медиахолдинг*; *бизнес* – *хайтек-бизнес*, *бизнес-план*; *интернет* + *рейтинг* – *интернет-рейтинг*; *топ* + *менеджер* – *топ-менеджер*).

Большая часть лексем освоена на семантическом уровне, неустойчивость значений и не утвердившаяся дифференциация значений и их оттенков между существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом наблюдаются лишь у некоторых англицизмов, например: *хоррор*, *экшен*, *трэш*, *крафтовый*, *комьюнити*, *бэкергаунд*, *месседж*, *уик-энд*.

Процесс лексического освоения не завершен у значительной части англоязычных элементов этой группы, а их иноязычность ощущается носителями русского языка.

2. Подавляющая часть англоязычных лексем второй группы находится лишь на начальной стадии освоения русским языком. Фонетический облик большинства из них остается нетипичным для русского языка, значительное их количество функционирует в графических вариантах, например: *блоггер* и *блоггер*; *продакшен* и *продакшн*; *трэшевый*, *трэшевый* и *трешовый*; *флэшмоб* и *флешмоб*; *хэштэг*, *хештэг*, *хэштег* и *хештег*; *мессенджер*, *месенджери* *месседжер*; *флешбэк*, *флэшибэк*, *флешбек* и *флэшибек*; *спин-офф* и *спинофф*; *веб-камера* и *вебкамера*; *нон-фикшн* и *нон-фикшн*.

Лексические единицы данной группы также осваиваются на словообразовательном уровне. От них суффиксальным способом образуются прилагательные (*артхаусный*, *кэмповый*, *криповатый*, *палповый*, *фриковатый*, *каршеринговый*, *вейпинговый*), глаголы (*джентрифицироваться*, *хакнуть*), существительные (*кайт-серфер* – *кайт-серферша*; *телемуви* – *телемувик*). В этой группе также более продуктивным оказывается способ словосложения (*мокьюментари* – *мокьюментари-ситком*; *инди* – *инди-драма*, *инди-кино*, *инди-фильм*, *инди-комедия*, *инди-автор*, *инди-режиссер*, *квир-триллер*, *квир* – *квир-триллер*, *квир-драма*, *квир-мелодрама*, *квир-отношения*; *драмеди* – *драмеди-альманах*, *ЛГБТ-драмеди*; *гей* – *гей-драма*, *гей-бар*; *контент* – *контент-блок*; *фрик* – *фрик-трио*; *хартбрейкер* – *история-хартбрейкер*; *тиндер* – *тиндер-свидание*; *дедпэн* – *дедпэн-юмор*; *промо* – *промокампания*, *промоакция*, *кросс-промо*, *промосериал*).

На семантическом уровне лексемы данной группы можно считать неосвоенными, так как они не являются фактами русского языка и не включены в парадигматические отношения с лексическими единицами русского языка.

Выводы:

1. Коммерческие информационно-развлекательные интернет-издания содержат большое количество англоязычных лексем всех трех типов, в то время как некоммерческий просветительский сайт «Arzamas» отличается значительно менее активным употреблением лексики англо-американского происхождения.

2. Присутствие в текстах всех изданий лексических элементов, характерных для текстов американской киноиндустрии, свидетельствует об активном протекании процесса англоглобализации в сфере русского кинематографа.

3. Значительная часть англоглобализмов находится на начальном этапе адаптации к русскому языку. Многие лексем не получили окончательного графического оформления и сохраняют нетипичный для русского слуха фонетический облик. Морфологическое освоение лексем на русской языковой почве происходит по моделям, свойственным языку-донору: аналитическое прилагательное + существительное.

4. Немотивированное употребление англоязычных слов, не являющихся фактами русского языка, делает тексты сложными для восприятия, в том числе целевой аудиторией.

Список литературы

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010.
2. Зырянова А.В. Функционирование неологизмов-лексем в современном русском языке в семантико-коммуникативном и прагматическом аспектах: на материале средств массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
3. Fairclough N. Language and Globalization. L., 2006.
4. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017.
5. Новоженова З.Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 37–42.
6. Долженко А.Н., Косырева М.С. Глобализмы как проблема интерлингвистики и русистики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. №2 (106). С. 105–110.
7. Новоженова З.Л., Шкапенко Т.М. К проблеме терминологизации англоязычных заимствований в период глобализации // Общественные науки. 2017. №6. С. 193–202.
8. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // «Свое» vs «чужое» в дискурсивных практиках современного русского языка : монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград, 2019. С. 328–335.
9. Бабанов А.В. Вопрос об аналитических прилагательных в свете номинационной парадигматики славянских языков // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 41–44.
10. The Village. Новости Москвы, Санкт-Петербурга. Люди, места, события. URL: <http://www.the-village.ru/> (дата обращения: 30.11.2018).
11. Wonderzine. Интернет-сайт для девушек о стиле, красоте и развлечениях. URL: <http://www.wonderzine.com/> (дата обращения: 30.11.2018).

12. *Большая деревня*. Сайт о Самаре, в которой интересно жить. URL: <https://bigvill.ru/> (дата обращения: 30.11.2018).

13. *Colta*. URL: <https://www.colta.ru/> (дата обращения: 30.11.2018).

14. *Arzamas*. URL: <http://arzamas.academy/> (дата обращения: 30.11.2018).

Об авторах

Анна Сергеевна Гуськова – асп., Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королёва, Россия.

E-mail: rusalkaivsetut@mail.ru

Людмила Борисовна Карпенко – д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королёва, Россия.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

The authors

Anna S. Guskova, doctoral student, Samara National Research University, Russia.

E-mail: rusalkaivsetut@mail.ru

Dr Liudmila B. Karpenko, professor, Samara National Research University, Russia.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Э. Ю. Новикова, А. А. Гуреева

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФОКУС
СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
В СТАЛЕЛИТЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(на материале русского, английского и немецкого языков)**

Исследование посвящено анализу переводческих и лингвокультурных особенностей специального перевода в сталелитейной промышленности. Специальный технический перевод представляет собой один из самых востребованных видов переводческой деятельности и занимает значительную нишу на рынке переводческих услуг. При этом специалисты отмечают частотность некачественных переводов, что говорит о наличии определенных проблемных мест в данном виде деятельности. Авторы статьи предпринимают попытки рассмотреть наиболее частотные трудности технического перевода на материале текстов и коммуникативных ситуаций перевода в сталелитейной промышленности, уделяя пристальное внимание вопросам передачи терминологии, лексической омонимии, культурной специфике технологических процессов, аспектам нормирования и стандартизации, интерференции и заимствованиям из других лингвокультур, а также проблемам акцентной и диалектной речи в коммуникации с носителями языка. Иллюстративность и новизну исследования обеспечивает сопоставительный анализ эмпирического материала трех языков: русского, английского, немецкого. Используемые в работе теоретические и эмпирические методы: наблюдение, анализ, синтез, обобщение, контент-анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод – позволяют расширить рамки исследования технологии и проблем перевода специального текста и сформулировать рекомендации для переводчика.

The article analyses linguistic and cultural features of specialised translation in the steel industry. Technical translation has always been in high demand and occupies a significant niche in the translation services market. At the same time, experts mention the frequency of low-quality translations, which indicates certain issues in this type of practice. The authors attempt to consider the most frequent challenges in technical translation focusing on the texts and communicative situations of translation in the steel industry, considering the transfer of terminology, lexical ambiguity, cultural specificity of technological processes, aspects of regulation and standardization, interference and borrowing from other cultures and issues of accent and dialect in speech communication with non-native speakers. The illustrative and novel nature of the research proceeds from a comparative analysis of the empirical material of three languages: Russian, English, and German. The study relies on observation, analysis, synthesis, generalization, content analysis, as well as the comparative method allow expanding the scope of research on the technology and problems of translating a special text and formulate recommendations for the translator.

Ключевые слова: специальный технический перевод, сталелитейная промышленность, терминология, стратегии перевода.

Keywords: specialised technical translation, steelmaking industry, terminology, translation strategies.

Введение

Технический перевод занимает одну из самых плотных ниш на рынке переводческих услуг как в России, так и за рубежом. В условиях глобализации и активизации взаимодействия транснациональных компаний, на фоне роста инвестиционного промышленного потенциала, заключения договоров о сотрудничестве с иностранными компаниями возрастает потребность в качественном устном и письменном специальном переводе. Анализ трудностей, проблем и особенностей специального технического перевода встречается в многочисленных теоретических работах отечественных и западных переводоведов [3; 9; 11–15; 17–19; 23], в публикациях и выступлениях переводчиков-практиков [7; 8], в коллективных монографиях [4], на виртуальных площадках переводческих форумов, порталов, блогов.

Вместе с тем, несмотря на пристальное изучение феноменологии технического перевода, стремление отрасли к совершенствованию качества перевода, внедрению единых норм, стандартов и критериев качества перевода, несмотря на постоянный живой обмен опытом специалистов в области межкультурной коммуникации, в частности преподавателей перевода и практикующих переводчиков, наблюдается ряд проблем как в компетентностном профиле современного переводчика, в дидактике технического перевода и системе подготовки молодых специалистов, так и во внутритекстовой специфике технического текста разных лингвокультур. В задачи технического переводчика входят не только передача информации, но и создание с помощью средств производственного дискурса знаний, ввиду того, что технический переводчик зачастую выполняет роль технического писателя [20]. К профессиональным техническим переводчикам предъявляются высокие требования, поскольку от качества выполненных переводов зависит не только эффективность компании и технологического процесса, но и в ряде случаев жизнь человека, если речь идет о таких специализированных объектах перевода, как документация по технике безопасности [22].

Обратимся к рассмотрению феноменологии специального технического перевода, его жанровых, коммуникативных, культурных и переводческих особенностей.

Лингвокультурные особенности специального технического перевода

Специальный технический перевод является составной частью отраслевой коммуникации и представляет собой передачу специальных технических знаний средствами языка из одной лингвокультуры в другую. При этом важно отметить именно «культурный» аспект специального перевода. Здесь речь идет о множестве культурных пространств, имеющих непосредственное значение при переводе технического текста, в нашем случае в сталелитейной промышленности:

— национальные культуры, между представителями которых происходит производственная коммуникация;

- отраслевая культура;
- культура предприятий, между представителями которых происходит производственная коммуникация;
- профессиональная культура;
- культура переводчика.

Каждое из культурных пространств детерминирует текстовую деятельность участников профессиональной отраслевой коммуникации и наделяет текст определенными языковыми маркерами и доминантами, которые, в свою очередь, служат «сигналами тревоги» для переводчика. Производственная коммуникация неоднородна по своей сути, поскольку интегрирует в себя элементы из указанных выше культурных пространств, и переводчик работает одновременно с этими пространствами.

Участники коммуникации в сталелитейной промышленности (устной или письменной) являются одновременно представителями разных лингвокультур, отраслевых культур, культур предприятий, на которых они работают, и культур профессионального языка, на котором они общаются. Таким образом, участники коммуникации обладают не только разным менталитетом, мировоззрением, но и различным культурным национальным опытом производства стали. В каждой из культур по-разному сформировалась и развивается сталелитейная отрасль, в которой задействованы различные по своему формату и значимости сталелитейные предприятия. Такой национально окрашенный отраслевой опыт, безусловно, нашел отражение в языке, его терминологии, жанрах, тексто-типологических конвенциях. Во многом, как и профессионалы в сфере технической коммуникации, технический переводчик должен обладать страноведческими и разнообразными фоновыми знаниями. Кроме того, успешному техническому переводчику для осознания теоретического и лингвистического направления конкретного процесса перевода необходимо понимание иных сфер, таких как когнитивная психология, проектирование эксплуатационной пригодности и технической коммуникации [11].

И. Мюллер в исследовании проблемы культурных различий в специальном переводе наглядно иллюстрирует причины, факторы и стратегии перевода на примере термина «сварка» в трех языках: русском, английском и немецком. Он отмечает три основных фактора, влияющих на различные подходы к процессу сварки в трех лингвокультурах: 1) традиции и проблемы стандартизации в области сварочной техники; 2) различия в емкости терминологии в области сварочной техники; 3) различия производственных процессов сварки [21, S. 188]. Согласимся с исследователем и экстраполируем указанные факторы применительно к нашему эмпирическому материалу, приводя в качестве примера лишь некоторые текстовые фрагменты.

1. В анализируемых лингвокультурах (немецкой, английской, русской) по-разному сложились традиции стандартизации сталелитейного процесса, которые обнаруживают различия в обозначении и маркировке одинаковых видов стали, ср.:

Рус. Ст.О. и нем. St33 – 1.

Рус. и нем. С35 – углеродистая сталь в состоянии после термической обработки со средним содержанием углерода 0,35 %.

Англ. С3В1 – углеродистая сталь с максимальным содержанием углерода 0,21 – 0,30 % включительно.

Амер. 1035 – углеродистая сталь в состоянии после термической обработки со средним содержанием углерода 0,35 %.

Несмотря на международную унификацию национальных стандартов по системе ИСО, в рассматриваемых культурах для ряда процессов действуют национальные стандарты, структура, текст и терминология которых значительно отличаются от стандартов ИСО.

46

2. Различия очевидны также в специфике производственного процесса, в частности по видам термообработки стали:

Рус. *отжиг, закалка, отпуск, нормализация.*

Нем. *Spannungsarmglühen (отжиг для снятия напряжений), Weichglühen (слабый отжиг), Normalglühen (нормализация), Grobkornglühen (высокий отжиг), Diffusionsglühen (диффузный отжиг), Rekristallisationsglühen (рекристаллизационный отжиг), Vergüten (термическое улучшение).*

Англ. *normalizing (нормализация), normalizing and tempering (нормализация и отпуск), quenching and tempering (закалка и отпуск), normalizing-and-precipitating heat treatment (термическая обработка в виде нормализации и дисперсионного упрочнения), quenching-and-heat treatment (термическая обработка в виде закалки и дисперсионного упрочнения).*

3. Культурные несовпадения наблюдаются в области терминологии. Терминология, как известно, представляет собой большую переводческую проблему применительно к любому дискурсу, особенно это касается технической отрасли. На фоне наличия равнозначных терминов в специальном тексте сталелитейной отрасли анализируемых лингвокультур наблюдаются следующие проблемы:

1) несовпадение лексической структуры терминов в исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ):

Рус. *бессемеровская сталь* ↔ *steel acid bessemer steel*;

ванна жидкой стали ↔ *steel bath*;

стальной листовой кожух ↔ *steel casing*;

железобетон ↔ *steel concrete*.

Англ. *billet elevator* ↔ *подъемный стол для заготовок / подъемный укладчик для заготовок*;

billet discharge conveyer ↔ *отводящий рольганг*;

canned billet ↔ *заготовка в металлической оболочке*;

conditioned billet ↔ *заготовка, очищенная от поверхностных дефектов*;

charge mix ↔ *шихта*.

2) термины в ИЯ и ПЯ имеют омонимичные значения. Зачастую в словаре для одного и того же термина представлены в качестве синонимов несколько эквивалентов, которые в реальном дискурсе имеют абсолютно разные, порой омонимические значения, например:

Нем. *Härtbarkeit* и его эквиваленты в русском языке: *закаливаемость* (способность стали получать высокую твердость при закалке); *прокаливаемость* (способность стали воспринимать закалку на большую или меньшую глубину, которая определяется твердостью).

Англ. *profile* и его эквиваленты в русском языке (изготавливают из поставляемого в рулонах листового проката путем формирования из него на специализированных станах круглого трубчатого сечения с продольным сварным швом и последующим обжатием валками в квадратный или прямоугольный профиль из углеродистой и низколегированной стали, полученной способом электродуговой или конвертерной выплавки с внепечной обработкой, обеспечивающей модифицирование неметаллических включений); *профиль* (линия, проведенная по совокупности точек на какой-либо поверхности на местности).

47

3) в ПЯ нет эквивалента термину ИЯ:

Нем. *maßgeblicher Wärmebehandlungsquerschnitt*.
Рус. — отсутствует прямой эквивалент.

4) в ПЯ отмечается синонимия термина ИЯ:

Нем. *Halbzeug n*, *Wolf m*; *Block m*; *Knüppel m*; *Rohwalzgut n*; *Stab m*; *Walzstab m*.
Англ. *alloy dust*, *alloy powder* (легированный порошок); *meltery*, *smelting works* (плавильный завод) s.

5) ИЯ и ПЯ обнаруживают разное количество значений у одного и того же понятия:

Рус. *обработка* (*working*, *treatment*, *cleaning*, *operation*, *finishing*, *spinning*).
Англ. *billet* (биллет, сутунка, круглый слиток, цилиндрический слиток, штабик); *bar* (чушка, простые профили сортового проката: стальной круг, шестигранник, квадрат и полосовой прокат; пруток, арматура; катаное изделие сортового металлопроката).

6) несовпадение использования термина в реальном специальном дискурсе и эквивалентов, предложенных в словарях.

В профессиональном дискурсе сталелитейной отрасли в русскоязычных текстах для стали и стальных изделий используется термин *прокат*. Словарные эквиваленты в русско-немецком словаре «Мультигран» с пометой мет. (металлургия) и стр. (строительство) ограничиваются терминами мет. *Walzgut n*; *Rohwalzgut n*, стр. *Walzprodukt n*. Бесспорно, словарь предлагает правильные эквиваленты, употребляемые в техническом тексте. Однако в реальном немецкоязычном профессиональном дискурсе в ряде жанрах, к примеру в текстах стандартов по стали, употребляется термин *Erzeugnisse* (изделия), что станет переводческой проблемой в направлении перевода «русский — немецкий».

Одной из лингвокультурных особенностей устной производственной коммуникации, в частности в рамках рассматриваемой сталелитейной промышленности, является стремление коммуникантов к рече-

вой компрессии, ускоряющей обмен информацией и, соответственно, производственный процесс. Использование в устной речи специальных сокращений: аббревиатур, сложносокращенных слов, смешанных сокращений — представляют собой переводческую проблему, для решения которой необходимо уточнение понятий и терминов у специалистов:

Аббревиатура:

Рус. УНРС — установка непрерывной разливки стали;

МНЛЗ — машина непрерывного литья заготовок;

ЦОМП — цех отделки металлопроката;

ЦРМО — цеха по ремонту металлургического оборудования;

ЦРМП — цеха ремонта металлургических печей;

ОПТЛ ЛПЦ — отделение подготовки тонкого листа листопрокатного цеха;

Англ. HMI — human machine interface;

EAF — electric arc furnace;

VD — vacuum degassing;

LCS — low-carbon steel;

HCS — high-carbon-steel;

NTS — not to scale;

FTP — flow treatment plant.

Наряду с проиллюстрированными проблемами терминологического характера в специальном дискурсе сталелитейной отрасли наблюдается языковая вариативность, реализуемая диалектными формами языка, акцентной речью неносителей языка, а также Global English.

Немецкоязычные специалисты, работающие по всему миру и осуществляющие работы шефмонтажа, ремонта и техобслуживания, зачастую в своем профессиональном языке для некоторых понятий используют не немецкие наименования, а англицизмы. Также английские наименования часто встречаются в немецкоязычных текстах — стандартах, в которых дается ссылка на действующие международные стандарты ИСО. Наряду с этим в опосредованной коммуникации между русскоязычными специалистами и немцами, говорящими на английском языке, последние, для которых английский язык не является родным, часто из-за незнания употребляют немецкие слова в своей речи на английском языке. В подобных случаях успешным для перевода решением становится описательный перевод, а именно точный перевод на русский язык описания значения немецкого слова / словосочетания на английском языке.

Английский язык как лингва франка — это язык международной коммуникации, в том числе и профессиональной коммуникации в сталелитейной промышленности. Переводческая проблема заключается в этой связи не только и не столько в упрощенной и порой непонятной форме классического английского или американского языков, сколько в варианте английского языка представителя той или иной неанглоговорящей страны, например Индии.

Переводческий опыт работы со специалистами из Индии, говорящими на английском языке, позволяет привести некоторые примеры

неверного употребления коммуникантами грамматических структур, вызывающего определенные трудности в понимании переводчиком устной речи:

- Англ. – *We must don't have any defects on the product!*
– *You will can do it!*
– *We didn't had checked the material properly.*
– *We are here, you and me, to must to do what we must do.*

Транслатологический фокус специального отраслевого сталелитейного дискурса

Прежде чем перейти к рассмотрению специфики транслатологической деятельности в сталелитейном дискурсе, обозначим нашу позицию по отношению к определению роли и статуса переводчика. Мы рассматриваем переводчика как дискурсивную личность, переводческое действие которой зависит от условий и конвенций дискурса, в котором разворачивается коммуникативная ситуация перевода [6]. «Преследуя свою основную цель – передать информацию максимально полно и точно, переводчик может становиться заметным в межъязыковой интеракции, если этого требует ситуация перевода. Переводчик вправе останавливать говорящего, если пассаж его речи слишком велик для восприятия и воспроизведения в переводе, переводчик может прерывать речь коммуникантов, если они говорят одновременно, переводчик может задавать уточняющие вопросы» [2, с. 19]. Как утверждает Р. Брюс, переводчик – человек посередине («man in the middle»), и все его действия должны быть предприняты в интересах обоих коммуникантов [10]. Переводчик заинтересован в успехе коммуникации, предпринимаяемые им действия обусловлены стремлением достичь результативности общения. «Переводчик не может быть невидимым в устном общении, он может и должен вмешиваться в коммуникацию, если этого требует ситуация, но должен стремиться действовать так, чтобы общение воспринималось коммуникантами как одноязычное. Переводчик должен максимально придерживаться позиции автора оригинального текста, стараясь не исказить смысл и не высказывать свое личное мнение. Все эти многочисленные “должен” возлагают на переводчика большую ответственность» [2, с. 22]. Модели дискурсивных событий выступают для участников общения в качестве когнитивных «структур ожидания», с помощью которых человек адаптируется к бесконечному разнообразию реальной коммуникации и избирает дискурсивные стратегии в каждом конкретном ее эпизоде. Вот почему для профессионального переводчика так важно постоянно развивать дискурсивную и текстотипологическую компетенции [1, с. 144].

Дискурс, в данном случае сталелитейный, определяет специфику коммуникативной ситуации, формирующую характер и программу переводческих операций. Коммуникация в сталелитейной отрасли реализуется в двух модусах дискурса – устном и письменном. В устном модуле представлены такие коммуникативные ситуации, как:

- встреча и размещение иностранных специалистов;
- инструктаж по технике безопасности;
- переговоры (в том числе по телефону/скайпу);
- шефмонтаж/демонтаж;
- экскурсия по заводу (может включать осмотр промышленных мощностей, ознакомление с историей и перспективами предприятия, обсуждение технологического процесса);
- проверка продукции при приемке товара;
- рутинное общение на рабочей площадке и пр.

В письменном модуле коммуникативная ситуация присутствует, однако ее параметры ограничиваются спецификой заказа перевода письменного текста и его жанрово-типологическими особенностями. Так, в сталелитейном дискурсе в транслатологическом ракурсе наиболее частотны такие объекты перевода, как:

- инструкции;
- руководство по эксплуатации;
- технические описания и технические задания;
- стандарты;
- отчеты по технической экспертизе;
- описания технологического процесса;
- товаросопроводительная документация;
- конструкторские документы;
- технологические документы;
- программные документы, сопровождающие программы для электронно-вычислительных машин (программные средства).

Принятие переводческих решений происходит в результате синтеза аналитической деятельности и собственно оперативной деятельности переводчика. Аналитическая деятельность подразумевает в первую очередь анализ дискурса, его экстра- и интерлингвистических факторов и признаков. Переводчик, осуществляющий устный / письменный перевод в сталелитейной отрасли, анализирует исходные дискурсивные параметры:

1. Специфика исходной и целевой культур: особенности сталелитейной промышленности в «своей» и «чужой» культуре, организация производства, технологии и традиции отрасли.

2. Цель коммуникации и ее социокоммуникативный компонент: в чем специфика переводческого заказа, с какой целью взаимодействуют участники коммуникации, в каких отношениях они состоят по отношению друг к другу, каким стереотипам подвержены, какие должности занимают и др.

3. Хронотоп дискурса: в какой обстановке осуществляется коммуникация (офис, производственный цех, время суток, условия работы).

4. Участники дискурса: статус, должность, контактность общения, знание иностранного языка, симметричность или асимметричность коммуникации.

5. Жанрово-текстотипологические особенности: в каком жанре осуществляется коммуникация / текст, какие стилистические особенности наиболее релевантны для ситуации.

Оперативная часть переводческой программы подразумевает взаимосвязь:

- собственно оперативного компонента (переводчик принимает решение о стратегии перевода, о пользовании техническими средствами, о наличии и необходимости ресурсов для выполнения перевода, о возможности / невозможности выполнения машинного перевода);
- психолингвистического компонента (анализ уровня психологического стресса ввиду осложненных условий работы на производстве, анализ механизмов самоконтроля, редактирование текста перевода);
- прагматического компонента коммуникации (анализ инициатора, заказчика перевода, социальной роли / статуса агента и клиента дискурса).

Специальный перевод в сталелитейной промышленности, подобно специальному переводу в прочих отраслях, подразумевает:

- непростые условия работы устного переводчика (шум, метеорологические условия, спецодежда, множественность промышленных объектов, обширность производственной площадки);
- сложность тематики ввиду сложности технологических процессов, требующих от переводчика наличия специальных знаний на уровне системы смыслов, логического мышления, технического кругозора;
- сложность специального языка, наличие специальной терминологии, профессионализмов, которые маркируют различные культурные пространства, рассмотренные нами ранее;
- шаблонность и точность в оформлении документов, подлежащих переводу, наличие схем, рисунков, графиков.

Выводы

Сложность специальной отраслевой коммуникации напрямую оказывает влияние на межкультурный переводческий трансфер. Успех трансфера зависит от того, насколько в обеих системах произошла сопоставимая функциональная дифференциация предметной области и сформировалась внутрисистемная коммуникативная инфраструктура с соответствующими типами текстов, специфической терминологией, коммуникационными каналами и т. д.

Различная глубина функциональной и технической дифференциации требует адаптации целевого текста. Разница в коммуникационной инфраструктуре подразумевает дополнительные усилия переводчика, например введение новых терминов для более дифференцированной терминологии в исходной лингвокультуре, добавление пояснений, адаптацию типов текстов и т. д.

Действуя в рамках конкретного дискурса, переводчик, работающий в сталелитейной промышленности, должен быть личностью полидискурсивной и следовать условиям и конвенциям разных, но сопряженных дискурсов. Специальный перевод в сталелитейной промышленности требует развитой поисковой компетенции переводчика и подразу-

мекает постоянную работу с письменными источниками: стандартами, параллельными текстами, специальными глоссариями, техническими словарями. Адекватность устного перевода во многом определяется умением переводчика работать с письменными специальными техническими текстами. Кроме того, переводчик должен обладать развитыми социокоммуникативными характеристиками, например такими, как переводческая адаптивность к реалиям лингвокультурных пространств производственных коммуникативных ситуаций.

Список литературы

1. *Гришаева Л.И.* Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов : монография. Воронеж, 2007.
2. *Гуреева А.А.* Социокоммуникативные характеристики устного переводчика // Переводчик XXI века – агент дискурса : монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М., 2016. С. 9–42.
3. *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. М., 2011.
4. *Митягина В.А., Гуреева А.А.* Переводчик XXI века – агент дискурса : монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М., 2016.
5. *Мультитран*: [онлайн-словарь]. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 15.02.2020).
6. *Новикова Э.Ю.* Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16, №3. С. 90–102. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9>.
7. *Троицкий Д.* Мифы о техническом переводе // Toptr.ru: [сайт]. URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-truth/mifyi-o-texnicheskom-perevode.html> (дата обращения: 15.02.2020).
8. *Шалыт И.С.* Письменный технический перевод. Как научиться. URL: <http://tconference.ru/wp-content/uploads/2019/10/Master-Class-for-students.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
9. *Theorie und Praxis des Dolmetschens und Übersetzens in fachlichen Kontexten / К.-D. Baumann (Hg.)* Berlin, 2013.
10. *Bruce R., Anderson W.* Perspectives on the Role of Interpreter // The Interpreting Studies Reader / ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. L., 2002. P. 211–217.
11. *Byrne J.* Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht, 2006.
12. *Cabré M. T.* Terminology and Translation in Handbook of Translation Studies. Vol. 1. Amsterdam ; Philadelphia, 2010.
13. *Finch C. A.* An Approach to Technical Translation: An Introductory Guide for Scientific Readers. N. Y., 1969.
14. *Hallman Mark I.* Differentiating Technical Translation from Technical Writing // Communication. 1990. 37 (3). P. 244–247.
15. *Kingscott G.* Technical Translation and Related Disciplines // Perspectives Studies in Translatology. 2002. Vol. 10, is. 4. P. 247–255.
16. *Mayer F.* Terminographie heute. Antworten der Lehre auf die Anforderungen der Praxis // Sprachenvielfalt im Konetxt von Fachkommunikation, Übersetzung und Fremdsprachenunterricht / H.P. Krings, F. Mayer (Hg.). Berlin, 2008. S. 317–328.
17. *Schmitt P. A.* Translation und Technik. Tübingen, 1999.
18. *Stolze R.* Die Fachübersetzung. Eine Einführung. Tübingen, 1999.

19. *Thompson D.* Theophilus Presbyter: Word and Meaning in Technical Translation // *Medieval Academy of America*. 1967. Vol. 42, № 2. P. 313–339.

20. *Williams J. y A.* *Chesterman The Map: A Beginner's Guide to Doing Research in Translation Studies*. Manchester, 2002.

21. *Müller I.* Kulturelle Differenzen als Problem beim Fachübersetzen. *Transkom*. 2008. Bd. 1, №2. URL: http://www.trans-kom.eu/bd01nr02/trans-kom_01_02_04_Mueller_Kulturelle_Differenzen_Fachuebersetzen.20081218.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

22. *Novikova E. Y., Khairova S.R.* Specialised technical translation: Global village requirements and regional opportunities // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2019. Vol. 483. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/204536680/> (дата обращения: 15.02.2020).

23. *Sandrini P.* Fachübersetzen // К. Kaindl, M. Kadric (Hrsg.): *Berufsziel Übersetzen und Dolmetschen: Grundlagen, Ausbildung, Arbeitsfelder*. UTB Francke 4454. S. 158–181. URL: <https://www2.uibk.ac.at/downloads/trans/publik/fachuebersetzen2016.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).

Об авторах

Элина Юрьевна Новикова – д-р филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: nov-elina@volsu.ru

Анна Андреевна Гуреева – канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия

E-mail: poddubnova.anna@mail.ru

The authors

Dr Elina Yu. Novikova, associate professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: nov-elina@volsu.ru

Dr Anna A. Gureeva, associate professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: poddubnova.anna@mail.ru

Р. В. Зиновьева

**КОНФЛИКТ ИНТЕЛЛИГЕНТА И ХАМА
В ПЬЕСАХ С. МРОЖЕКА «ТАНГО»
И А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»**

54

Раскрывается социально-культурная коллизия, суть которой заключается в противопоставлении интеллигента и хама в пьесах А. П. Чехова «Вишневый сад» и С. Мрожека «Танго». Компаративный анализ произведений выявляет национальную и историко-социальную специфику конфликта интеллигента и хама в контексте проблемы кризиса современной западной цивилизации. Делается вывод о закономерном распаде мещанского этоса в метафизическом театре Чехова и о парадоксальном примирении сторон конфликта в лишенной метафизики абсурдистской пьесе Мрожека.

This article examines the social and cultural conflict, the essence of which lies in the opposition of the intellectual and the boor in Chekhov's play "The Cherry Orchard" and in S. Mrožek play "Tango". The comparative analysis of the works reveals the national, historical and social specificity of the conflict between the intellectual and the boor in the context of the crisis of modern Western civilization. The author concludes that the disintegration of the bourgeois ethos in Chekhov's metaphysical theatre is more than natural and the paradoxical reconciliation of the parties to the conflict in Mrožek's absurdistic play, devoid of metaphysics, is also more than anticipated.

Ключевые слова: А. П. Чехов, С. Мрожек, «Вишневый сад», «Танго», интеллигент, хам, конфликт, кризис цивилизации.

Keywords: A. Chekhov, S. Mrožek, *The Cherry Orchard*, *Tango*, intelligentsia, boor, conflict, the crisis of civilization.

Кризисная ситуация западной цивилизации, возникшая как следствие «смерти Бога» в сознании современного европейца и, в результате, стремления строить бытие на новых, рациональных основаниях, нашла свое отражение в произведении ведущих писателей эпохи. Особое значение в этой связи приобрела тема интеллигента и хама. Наметившаяся еще в начале XX в. в реалистической драме А. П. Чехова «Вишневый сад», она получила новое значение спустя шестьдесят с лишним лет в абсурдистской пьесе Славомира Мрожека «Танго». Оба писателя, по-разному интерпретируя этот конфликт в своих пьесах, увидели насущные проблемы современного им общества сквозь призму универсального и национального.

Затрагивая в пьесе «Вишневый сад» (1903) вопрос «столкновения прошлого и настоящего России и зарождения в процессе этого столкновения ее будущего» [1, с. 263], Чехов представляет фигуры интеллигента и хама как олицетворение двух противоборствующих социокультурных сил. Польский драматург, не раз подчеркивавший свою идейно-художественную преемственность по отношению к Чехову, продолжает в пьесе «Танго» (1964) намеченную Чеховым тему и развивает ее на фоне усугубляющегося кризиса цивилизации. «Прихожу к мысли, — пишет Мрожек в своем дневнике, — что корни того, что сейчас происходит, ведут к тому, что было тогда (во времена Чехова. — Р.З.). Прежде всего Чехов писал о закате определенного мира, и мы живем во времена заката. Он что-то чувствовал, и мы что-то ощущаем. Что-то тогда случилось и сейчас намечается. В итоге я позаимствовал (у Чехова. — Р.З.) настроение, тональность и ритм» [17, с. 345–346]. Это суждение Мрожека совпадает с наблюдениями отечественных ученых-чеховедов. По словам Г.П. Бердникова, определенным новшеством «Вишневого сада» стала «тональность, которая определялась сложным сочетанием комедийных, подчас фарсовых элементов с лирико-драматическими» [1, с. 281]. Эта тональность и заимствуется Мрожеком в пьесе «Танго».

Мрожек, которому присуще было «двузначное и ироничное» [12, с. 73] катастрофическое сознание, создает в своем творчестве мрачный апокалиптический образ абсурдного мира. Безусловно, творчество Мрожека, как и у Чехова, не лишено комических акцентов, однако по сути в нем все же превалирует катастрофизм, а его основой, как пишет А. Либера, можно считать «критику существования человека и западной культуры» [15, с. 136]. Согласно мнению Я. Серадзкого, пессимизм Мрожека в отношении будущего отражает чувство неминуемого бедствия, заключающегося «в замене лучшего худшим, в вытеснении порядка хаосом, а интеллигента хамом» [20, с. 4].

Нарастающая диктатура «хама» [24, с. 104] приводила писателя в ужас: «Хам вторгся везде, превратился в вездесущую субстанцию и эссенцию обычая, стиля, языка — всего» [16, с. 125]. Драматург полагал, что вместе с доминированием масс наступит кризис ценностей. Единственным фактором, сдерживающим натиск толпы, равно как и орудием управления массами, по мнению Мрожека, станет «идеология страха, покорности и обязательной лжи» [16, с. 654–655]. Задолго до Мрожека «страх перед грядущим царством хама» тревожил русского писателя и философа Д.С. Мережковского. В своей во многом пророческой статье «Грядущий хам» (1905) Мережковский писал о торжестве мещанского духа, губительного для общества и культуры. «Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, — пишет философ, — ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт... грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [2, с. 190].

Если «Вишневый сад» считается своего рода завещанием Чехова, то «Танго» — это первое драматическое произведение Мрожека, относя-

щеся к раннему периоду творчества. Вместе с тем «Танго» остается наиболее известной и часто инсценируемой пьесой Мрожека в мире. Универсальность тематики и остроумный юмор в диалогах обеспечили ей надежное место как в польских, так и в западноевропейских репертуарах.

По мнению Я. Блоньского, пьеса получила мировое признание, поскольку затрагивает универсальную проблему «кризиса и вероятного конца цивилизации» [10, s. 232]. Об общезначимом характере проблематики пьесы, что применимо, заметим также, и к чеховскому произведению, пишет К. Волицки. «Танго» отражает, по мнению исследователя, «распад мещанского этоса, который является основным фундаментом порядка и стабильности западного мира» [25, s. 31–32]. О многогранности пьесы и различных уровнях ее прочтения пишет в монографии «Драма и театр абсурда в Польше» Анна Краевска. По ее словам, «Танго» можно рассматривать как произведение, которое интерпретирует тему бунта [13, s. 88]. Сам Мрожек говорил по этому поводу следующее: «Озлобленные, невостребованные, мятежные юноши присутствуют в каждом поколении, и что они сделают со своим бунтом, зависит от обстоятельств» [13, s. 88]. В свою очередь, Хелена Стефан видит в пьесе «Танго» «форму гротескной параболы» [22, s. 107], которая может быть прочитана в аксиологическом контексте как суждение о «распаде современной системы ценностей на примере семьи» [22, s. 107].

Обращаясь к драматургическим традициям «салонной комедии» [11, s. 44], Мрожек в пьесе «Танго» представляет нам образ интеллигентской семьи, на примере крушения которой символически показана универсальная ситуация кризиса европейской цивилизации. Условные персонажи Мрожека, созданные в духе драмы абсурда, не наделенные, в отличие от чеховских героев, «двойным звучанием» (термин А. С. Скафтымова) [7, с. 359], представляются в «Танго» марионеточными, являясь, по словам Я. Блоньского, «чуждаковатыми насекомыми» [11, s. 44], а по мнению К. Копки, «интеллектуальными конструкциями, смоделированными по типу литературных стереотипов и схем» [14, s. 348]. Польский абсурдист в центр внимания своей пьесы ставит конфликт трех поколений интеллигенции, обусловленный различием их ценностей. Старшее поколение — Евгения и ее брат Евгений, безвольные люди, старомодные конформисты, уставшие от катаклизмов своего века и готовые подчиниться любой системе. Представителями среднего поколения предстают Стомиль и его жена Элеонора, целью которых было в свое время разрушение традиций и провозглашение идеологии бунта как высшего мерила существования. Им противостоит их сын Артур, ратующий за восстановление былых норм и устоев. Уставший от хаоса, Артур хочет вернуть традиции и порядок этому миру. Подобно абсурдному человеку у А. Камю, главный герой Мрожека не в состоянии обрести ясность бытия и вынужден пребывать в этом нелепом мире, стоически пытаясь понять его смысл, «который бы придал его существованию недостающую цельность» [3, с. 323]. Неслучайно комната, в которой начинается действие «Танго», напоминает «свалку культуры»

[13, s. 90]. Этот образ соотносим с картиной опустевшего поместья в начале 4-го действия «Вишневого сада». Здесь символом заката эпохи становится «пустота» [9, с. 347]. У Мрожека аналогичную роль играет, напротив, образ пространства, «захлавленного» множеством случайно собранных предметов, которые невозможно логично друг с другом соединить. Драматург создает таким образом ощущение «ошибочности, случайности, неряшливости» [18, s. 89], подчеркивает несовпадение стиля и эпохи. В этом хаосе возникает идейный кризис, выход из которого ищут герои «Танго»: интеллигент и хам. У Чехова конфликт этих типов едва намечен, их образы очерчены, но нет определенности в их отношении друг к другу, хотя отчетлива авторская позиция по отношению к обоим. У Мрожека данный конфликт развивается открыто и, достигнув апогея, приводит к абсурдному снятию противоположностей. Неутешительными являются слова Евгения, который с исчерпывающей точностью характеризует альянс интеллигента Артура и хама Эдека: «Никакая это не система, это хамство!» [18, s. 157]. Убийством Артура возвращается «порядок», а вместе с ним и танго — символ мужества, свободы и раскрепощенности. Танец Эдека и Евгения, «старого оппортуниста», «символизирует собой начало новой эры» [22, s. 133], знаменующей «последний отказ от всяких притязаний на культуру и философию» [22, s. 133].

Мрожековский хам, слуга Эдек, — как его называют герои пьесы, «плебей» [18, s. 94], «дебил» [18, s. 94], «вредный человек» [18, s. 95], олицетворение «хаоса» [18, s. 94], «борделя» [18, s. 100], «морального принуждения к неморальности» [18, s. 101] — «свидетельствует о начале новой эпохи» [22, s. 133]. А. Краевска, рассматривая место Эдека в пьесе, приходит к выводу, что этот герой в момент убийства Артура «разрушил театр, игру, иллюзию и искусство» [13, s. 93]. Будучи сначала комическим персонажем второго плана, Эдек переходит в разряд главных и перехватывает инициативу. «Простодушный глупец превращается в грозного и примитивного хама, — отмечает Краевска. — Эдек, хитрый слуга из комедии. <...> Пробравшись со второго плана сцены на передний, он оставил сцену и попрощался с театром как странством лицедейства и игры» [13, s. 93–94]. Эдек устанавливает тоталитарные порядки, провозглашая победу примитивизма, силы и хамства: «Не бойтесь тихо сидеть, не подсакивать, слушать, что говорю, и будет вам хорошо со мной, увидите. Я свой мужик. И пошутить могу, и повеселиться люблю. Только вы слушаться должны» [18, s. 161]. Именно о таком типе человека, который «не желает ни признавать, ни доказывать правоту, а намерен просто-напросто навязать свою волю», присваивая себе «право произвола» [4, с. 65], писал в своем социально-философском трактате «Восстание масс» (1930) Х. Ортега-и-Гассет. «В мире сегодня господствует дикарь, „Naturmensch“, внезапно всплывший со дна цивилизации... Этот новоявленный варвар с хамскими повадками — законный плод нашей цивилизации, и в особенности тех ее форм, которые возникли в XIX веке... Он — естественное порождение упомянутого мира» [4, с. 91]. Не случайно для героев пьесы «Танго»

Эдек — это олицетворение врожденной естественности. Иронизируя, Мрожек характеризует его, вкладывая в уста Стомиля констатацию, симптоматичную для интеллигентского сознания: «Эдек — дитя счастья. Он родился таким, какими мы все должны стать. То, что у него является природным даром, мы добиваемся ценой усилий, культурой» [18, s. 123].

Подобные черты мы обнаруживаем и у чеховского героя Яши, верного слуги Любови Андреевны Раневской, избалованного хама, который высокомерно себя ведет с другими людьми, позволяет себе грубость в отношении женщин и стариков. А. С. Скафтымов, говоря об образе Яши, отмечает его специфику, заключающуюся в «особенной моральной тупости, совершенной холодности к душевному миру окружающих» [7, с. 369]. Этот персонаж — единственное лицо в пьесе, «обрисованное с полным неодобрением, без всякого сочувствия» [7, с. 369]. Г. П. Бердников замечает, что Яша — один из многих чеховских героев, который «не имеет своей лирической темы», т. е. лишен «специфической двуплановости речи», «двойного звучания», или подтекста, являющегося в чеховском творчестве «свидетельством содержательности и глубины внутреннего мира человека» [1, с. 323].

Идейные антагонисты вышеназванных героев — интеллигенты, противоречивые персонажи, которые способны увидеть истину и высказать ее, однако не в силах воплотить ее в общественной жизни. Петя Трофимов, чеховский интеллигент, «вечный студент», «облезлый барин», не способен повлиять на собственную жизнь. «Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место, так это странно... Смешной вы!» — осуждающе характеризует его Раневская.

Сам факт несовершенства жизни и желание ее изменить вызывают у читателя глубокую симпатию, однако окружением Трофимова это воспринимается комически. Чехов не случайно связывает образ Трофимова с «несуразностями», которые по иронии судьбы случаются с ним: «Аня (смеясь). Петя с лестницы упал! Любовь Андреевна. Какой чудак этот Петя...» [9, с. 341]. Именно в образе Трофимова отчетливо прослеживается трагифарсовость, излюбленный прием Чехова в пьесе «Вишневый сад».

Трагикомичен и образ Артура из мрожековского «Танго». М. Пивиньска отмечает, что Артур — своего рода *alter ego* Славомира Мрожека. «Танго»... является не только бытовой, общественной и политической притчей, — пишет исследователь. — Это будто бы «внутренняя биография» Мрожека. Ввиду этого это первая пьеса, в которой появляется драматический герой, жаждущий сделать что-то по собственному желанию, не толкаемый обстоятельствами... По сути, Артур — это Гамлет, который решил стать Фортинбрасом, Конрадом и членом Союза польской молодежи» [19, s. 350–351]. Чаше, чем польские исследователи, на аналогию «Танго» с шекспировским «Гамлетом» указывали зарубежные критики, прямо называя Артура «современным Гамлетом» [21, s. 141], — пишет М. Сугера. «Вечный образ» Гамлета, по верному замечанию Г. С. Померанца, является «первым типом протоинтеллигенции»

[5]. О мифе польского Гамлета как о факторе польской культуре говорит Я. Тшнадель. По его мнению, фигура Гамлета для польского читателя раскрывается «на фоне исторических судеб польского общества, а не — как в шекспировском “Гамлете” — на фоне отдельной судьбы» [23, s. 9]. Мрожек в своей пьесе пытается выйти за локальные рамки и порывает с образом «польского Гамлета». Герой Мрожека — это смоделированная по типу шекспировского Гамлета универсальная пародия на интеллигента.

Пародийной также является сцена несостоявшегося венчания Артура и Али. «Маскарад!» [18, s. 147] — так характеризует Артур смехотворную имитацию того, что традиционно называлось венчанием. Указывая на обреченность замысла автора, Мрожек подчеркивает, что любое решение вернуть миру былую форму без актуальной идеи оборачивается комической стилизацией либо фарсом. «Эта старая форма не сотворит нам действительности... Форма не спасет мира» [18, s. 147—148] — эти слова Артура звучат как приговор бездейному обществу. В чеховском «Вишневом саде» в сцене бала у Раневской представлена похожая ситуация. Бал в поместье — это своеобразный «танец смерти», трагикомическая попытка остановить упадок имения. Неслучайно Фирс горько заявляет: «Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут» [9, с. 342]. Бал Чехова превращается в «праздник-пир во время чумы», «гибельный апокалипсис», «карнавализацию Смерти» [6, с. 105—107]. В ряду других сцен «Вишневого сада» он свидетельствует о «мистической тональности пьесы» [8, с. 86—93] Чехова, который показал ужас обыденности, включающей в себя трагизм человеческого существования. В последнем акте пьесы забытый всеми Фирс подводит итог: «Жизнь-то прошла, словно и не жил... (Ложится). <...> Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотепа!... (Лежит неподвижно)» [9, с. 357]. Звучащие в приведенной сцене мотивы одиночества и уходящего времени, а также связанная с этим меланхолическая тональная роднят Чехова с Мрожеком. Однако метафизический театр Чехова отличается от марионеточного театра Мрожека, в котором за действиями и отношениями героев не скрывается мистического подтекста и в котором ничего, кроме пародии, произойти не может. «Умерла! — восклицает Артур. — Странно это, однако. Была такая несерьезная...» [18, s. 153].

Оба драматурга, Чехов и Мрожек, показавшие в своих пьесах переломные моменты истории, представили конфликт интеллигента и хама как показатель кризисности европейского сознания. Метафизический театр Чехова сквозь призму намеченного им конфликта интеллигента и хама отражает упадок мещанского уклада. Мрожек в свой абсурдистской пьесе дал художественно развернутую трактовку конфликта интеллигента и хама на фоне кризиса западной цивилизации во второй половине XX в., приведшего к переоценке моральных ценностей. Созданная польским драматургом абсурдная пародия на межчеловеческие отношения демонстрирует парадоксальное примирение интеллигента с хамом на фоне усугубившегося экзистенциального кризиса человечества.

Список литературы

1. Бердников Г. П. Чехов-драматург. Традиции и новаторство в драматургии А. П. Чехова. 3-е изд., доработ. и доп. М., 1981.
2. Мережковский Д. С. Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. №3. С. 186–192.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005.
5. Померанц Г. С. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (дата обращения: 14.02.2020).
6. Розовский М. Г. К Чехову. М., 2003.
7. Скафтымов А. С. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова // Скафтымов А. С. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 339–381.
8. Ульянов Н. И. Мистицизм Чехова // Русская литература. 1991. №2. С. 86–93.
9. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1985. Т. 10.
10. Błoński J. Dramaturgia modelów // Romans z tekstem. Kraków, 1981.
11. Błoński J. Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków, 1995.
12. Krajewska A. Dramat i teatr absurdu w Polsce. Poznań, 1996.
13. Копка К. Od «Policji» do «Portretu» // Teatr. 1989. №3 (870). S. 20–21.
14. Kott J. Rodzina Mrożka // Dialog. 1959. №4 (36). S. 4–12.
15. Libera A. О tym, jak Mrozek i Beckett milczeli przy irlandzkiej whisky // Mrozek w odsłonach. 39 opowieści z różnych miejsc i czasów. Kraków, 2014. S. 135–143.
16. Mrozek S. Dziennik 1970–1979. Kraków, 2012. Т. 2.
17. Mrozek S. Tarn A. Listy 1963–1975. Kraków, 2009.
18. Mrozek S. Wybór dramatów. Kraków, 1963.
19. Piwińska M. Mrozek, czyli Słoń a Sprawa Polska // Dialog. 1966. №5. S. 104–112.
20. Sieradzki J. Mrozek jeszcze raz czytany // Dialog. 1988. №3. S. 1–3.
21. Sugiera M. Dramaturgia Sławomira Mrożka. Kraków, 1996.
22. Stephan H. Mrozek. Kraków, 1996.
23. Trznadel J. Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem. Warszawa, 1989.
24. Winch A. Dramat ciemnych gier. Teatr absurdu pre-postczłowieka. Warszawa, 2015.
25. Wolicki K. W poszukiwaniu miary. Twórczość dramaturpisarska S. Mrożka // Pamiętnik Teatralny. 1975. №1. S. 3–44.

Об авторе

Регина Владимировна Зиновьева — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия
E-mail: regina46@list.ru

The author

Regina V. Zinoveva, doctoral student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: regina46@list.ru

С. С. Бытко

**ТЕМА СТАРООБРЯДЧЕСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА:
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Исследуются истоки старообрядческих образов в творчестве А.И. Куприна, а также их влияние на сюжеттику его произведений. Выдвигается гипотеза о значительном влиянии Л.Н. Толстого и А.П. Чехова на формирование авторского представления о старолюбцах. Обосновывается тезис о решающем значении укоренившихся в народе стереотипов для восприятия Куприным русских староверцев. Особенно подчеркивается неразрывность представлений автора о расколе с такими значительными факторами общественной жизни России начала XX в., как предпринимательство и революция.

This article clarifies the significance of the phenomenon of Old Belief in the artistic heritage of A. Kuprin. The sources of Old Believer images in the writer's work, as well as their influence on the plot of his works, are investigated. A hypothesis is put forward about the significant influence of L. Tolstoy and A. Chekhov on the formation of the author's idea of old-timers. The thesis of the crucial importance of stereotypes ingrained in the people for the perception of Russian Old Believers by Kuprin is substantiated. Particularly emphasized is the inextricability of the author's ideas about a "split" with such significant factors in the social life of Russia at the beginning of the 20th century. like entrepreneurship and revolution.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, раскол, А.И. Куприн, Л.Н. Толстой, купечество, начетчик, революция.

Keywords: Old Believers, schism, A.I. Kuprin, L.N. Tolstoy, merchants, commander, revolution.

Будучи заметным религиозно-культурным явлением XVII–XXI вв., староверие не раз становилось предметом художественного осмысления в творчестве видных отечественных литераторов. Обширное внимание старообрядчеству уделено в трудах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского. Другие писатели первой величины не столь часто затрагивали обозначенную проблематику, хотя и в их сочинениях посредством обращения к староверию порой раскрывались ключевые проблемы авторского мировосприятия. Среди них А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, М. Горький и др. [3, с. 327].

В настоящей работе предпринимается попытка обнаружить и проанализировать старообрядческий культурный компонент в художественном наследии А.И. Куприна. Это позволит выявить специфику философско-этических взглядов и религиозных убеждений классика русской литературы. Также считаем необходимым выяснить, как тема раскола в его произведениях соседствовала с представлениями автора о революции и опосредованно воздействовала на его политическое мировоззрение в годы эмиграции.

В настоящее время нет достоверных свидетельств о том, руководствовался ли А. И. Куприн специальной литературой при изучении старообрядчества. Есть основания предполагать, что писатель мог вовсе не проводить намеренных изысканий в данной области, а руководствоваться лишь широко распространенными в общественной среде стереотипами о «ревнителях древнего благочестия» [4, с. 48]. Так, герой купринского рассказа «Мой паспорт» повествует о том, как ему довелось присутствовать на вечерне в старообрядческой церкви. Перед читателем предстает описание «бородатых, рыжих, серьезных» мужиков, умышленно искажавших слова во время богослужебного пения: "Христос воскрес изамеретавыха, // Самертию на смерти насатупив // И гробным живот дахорахова..."» [11, т. 4, с. 308].

Обращает на себя внимание не только трафаретный внешний вид староверцев, но и их попытки намеренно архаизировать Пасхальный тропарь. Последнее было весьма характерно для старообрядческого менталитета. Известно, что двоеданы даже на фоне реакционного русского крестьянства особенно тяготели к обрядовому и бытовому консерватизму. Приверженность старине в сознании народных масс выступала неотъемлемым культурным атрибутом «людей старой веры» [18, с. 161]. Так, в кириллических печатных книгах рубежа XIX–XX вв., бытовавших в среде раскольников, нередко можно обнаружить владельческие пометы, призванные исправить «ненамеренные опечатки» типографий, а в действительности — искусственно состарить текст. Для некоторых старообрядческих толков архаичность текста непосредственно определяла его достоверность и представительность [2, с. 221].

В рассказе старолюбцы названы «серьезными». Пребывавший в изрядно веселом расположении духа герой рассказа акцентирует внимание на том, что приход староверческой церкви был единственным, настоящим на удалении незваного гостя в ответ на его непринужденное поведение [11, т. 4, с. 307]. Строгость старообрядческих богослужебных уставов, а также нарочитая суровость самих староверов в повседневной жизни и особенно при контактах с инославными стали притчей во языцех для российского общества. Суровая требовательность раскольников, сочетавшаяся с холодной их сдержанностью, получила широчайшее освещение как в светской литературе, так и в полемических церковных произведениях второй половины XIX в. [16, с. 151].

Все обозначенное достаточно явно указывает на доминирование в сознании А. И. Куприна распространенных на рубеже XIX–XX столетий стереотипов о приверженцах «благородной старины». При этом нам не удастся обнаружить в его творчестве наиболее вероятного указания на знакомство писателя с публикациями исследователей — профессиональную дифференциацию старообрядческой среды. К моменту написания рассказа «Мой паспорт» (1908) в практику отече-

ственных расколоведов прочно вошел принцип, согласно которому изучение каждой отдельной старообрядческой общности должно происходить через призму того согласия, вероисповедных принципов которого она придерживается. Нарушение указанного правила церковными исследователями грозило сделать неэффективной дальнейшую полемику, действенность которой и были призваны совершенствовать публикуемые труды. Представители светского направления также усматривали невозможность объективного рассмотрения культурно-бытовых особенностей староверия вне религиозных противоречий его приверженцев. Более того, к началу столетия не удается найти даже любительских публицистических работ о старообрядчестве, не учитывающих доктринальной разрозненности раскольников на поповцев и беспоповцев [16, с. 150, 153].

Блуждающий по ночному Киеву герой рассказа отмечает чрезвычайное религиозное многообразие культовых сооружений в городе. На его пути встречаются православные и старообрядческие церкви, католические костелы, лютеранские кирхи. Весьма примечательно, что среди посещенных им храмов оказывается единоверческая церковь [11, т. 4, с. 307]. Исходя из контекста повествования, можно утверждать, что А. И. Куприну единоверие виделось относительно самобытной христианской деноминацией. В то время когда большинство специалистов рубежа XIX—XX вв. причисляли единоверцев к одной из ветвей раскола или же объявляли компромиссной формой официального православия, классик проявляет исключительную дальновидность и замечает уникальное своеобразие единоверческого исповедания, равно отличавшее его как от староверия, так и от господствующей иерархии. В настоящее время идеи обоюдного неприятия единоверия всеми участниками церковного раскола нашли широкое развитие в отечественной исторической науке [17, с. 88].

А. И. Куприн не единожды затрагивает староверие в контексте православной богослужебной культуры. Одним из изобилующих аллюзиями на старообрядчество является рассказ 1913 г. «Анафема». Произведение посвящено конфликту, разгоревшемуся между Русской православной церковью и Л. Н. Толстым в конце XIX в. и достигшему своего пика к февралю 1901 г. в результате публикации «Определения Святейшего Синода... о графе Л. Толстом». Известно, с какой иронией и даже озлоблением отнеслась просвещенная публика к отлучению Л. Н. Толстого [15, с. 35]. Однако это вряд ли справедливо будет сказать о Куприне. Будучи свидетелем описываемых событий, писатель испытывал неподдельную горечь. Сложно назвать А. И. Куприна ортодоксальным чадом церкви. Наблюдая нигилистические поиски и богоборческие метания российской интеллигенции, прозаик, несомненно, подвергся влиянию скептических тенденций. Тем не менее, будучи страстным почитателем Ф. М. Достоевского, именно с православием классик связывал надежду на духовное перерождение русского народа [23, с. 346].

Несмотря на отсутствие в официальном акте решения об анафеме графа Толстого, А. И. Куприн рисует вымышленный сюжет о дьяконе Олимпии, вынужденном произнести проклятие с церковной кафедры автору «Анны Карениной» [21, с. 170]. Заметим, что в ночь перед службой дьякон зачитывается повестью «Казаки», освещенной оппозиционным менталитетом русских раскольников. Слившееся в своем протесте со свободолобивым гребенским казачеством, староверие порождает один из самых любопытных образов толстовского творчества — «пьяницу, вора, охотника» Ерошку. Именно он в дальнейшем повествовании становится *alter ego* робкого и смиренного дьякона.

Обращают на себя внимание особенности богослужебной практики причта, к которому принадлежит Олимпий. В частности, можно заметить, что дьякон следит за службой по Требнику XVII в. Подобное могло бы показаться лишь занятой, но маловажной деталью, если бы в дальнейшем А. И. Куприн не упомянул, что молитвословия исполнялись крюковым распевом [11, т. 5, с. 180]. Знаменное пение к началу XX в. в русской церкви было почти полностью вытеснено западной нотацией. Лишь староверие сохраняло традицию использования крюков для записи богослужебного пения, что ярко выделяло его приверженцев в православном мире [13, с. 313]. Налицо принадлежность описанного прихода единоверию, сохранившему дореформенную богослужебную традицию, но подчинившемуся синодальному начальству [17, с. 5].

Весьма занятно в данном контексте выглядит описанный в тексте чин анафематствования. Куприн возмущается самоуправством церковных властей, допускавших изменение текста анафемы в зависимости от политической конъюнктуры. Именно в этом автор видит причины возведения проклятий на С. Разина, И. Мазепу, Е. Пугачёва, Г. Отрепьева и протопопа Аввакума в первое воскресенье Великого Поста [11, т. 5, с. 180]. Будучи ценителем творчества яснополянского гения, А. И. Куприн разделял представления Л. Н. Толстого о принципиальном сходстве маргинальных религиозных культур и народных бунтов, равно базировавшихся на антигосударственных настроениях русского простонародья [15, с. 31]. Неудивительно, что лидер староверов оказывается в одном ряду с видными бунтовщиками XVII—XVIII вв. Однако, исполняя утверждение православия, Олимпий не возводит анафемы на «неистового протопопа», хотя клеймит перечисленных предводителей народных выступлений наравне с древними еретиками [11, т. 5, с. 181]. Данный факт следует считать еще одним доводом в пользу догадки о принадлежности Олимпия единоверческому исповеданию. Напомним, что единоверцы, в отличие от основного числа староверов, не допускали церковного почитания Аввакума, в некоторых случаях ограничиваясь почитанием келейным. Вместе с тем в единоверческих приходах, в противоположность господствующей церкви, не могло практиковаться и анафематствование поборников старого обряда.

Вместо церковного проклятия Олимпий в присутствии паствы оглушительно провозглашает Л. Н. Толстому многолетствование [11,

т. 5, с. 183]. Е. Л. Сузрюкова видит в действиях дьякона повторение духовного пути Толстого, приведшего того к отпадению от православия [21, с. 170]. Вынуждены не согласиться с исследовательницей. Известно, что для маргинальной религиозности графа было вполне характерно дистанцироваться от господствующей церковной иерархии через отрицание ее ключевых догматов (по Л. Н. Толстому — «суеверий»): Троицы, божественности Христа, святости церковного Предания и др. Зная о глубоком тяготении Куприна к личности гения из Ясной Поляны, легко было бы отождествить их религиозные убеждения, что, однако, несправедливо. Обратимся к словам Олимпия, призванным объяснить его жене причины совершенного поступка: «Верую истинно, по символу веры, во Христа и в апостольскую церковь. Но злобы не приемлю» [11, т. 5, с. 184]. Становится очевидным глубокое концептуальное несоответствие философских воззрений А. И. Куприна и его творческого наставника. Вместо совершенного Толстым отпадения от церкви, сопровождавшегося его разрывом со всем каноническим христианством, автор «Олеси», напротив, остается в рамках догматической традиции, обличая лишь нетерпимость, злобу и лицемерие, присущие современной ему Синодальной церкви.

Интересным представляется вопрос о том, почему именно единоверцы были упомянуты Куприным в столь важном для религиозно-этического сознания автора сочинении? Можно предложить несколько объяснений этому. Во-первых, в общественном сознании рубежа XIX—XX вв. достаточно обыкновенным было отождествлять единоверцев с потенциальными отступниками, менее твердо придерживавшимися установленного церковью вероисповедного регламента [20, с. 485—486]. Также налицо намерение автора указать на нравственный диссонанс церковного причта. Будучи поборниками альтернативной богослужбной традиции, единоверцы вынуждены были заискивать перед светскими и духовными властями, проклиная политических оппонентов правящего режима. Весьма показательным, что среди подпавших под анафему присутствует Емельян Пугачёв, в действительности не являвшийся старовером, однако причисляемый к таковым народной молвой [24, с. 61]. Автор возмущен тем, что в ответ на лояльность единоверческих приходов господствующая иерархия не только не оставляет практики церковного порицания одного из виднейших защитников дореформенного обряда — Аввакума, но и не снимает клятв 1666—1667 гг. Напомним, что отмена решений Большого Московского собора и, как следствие, оправдание приверженцев старой веры произошли лишь во второй половине XX столетия [8].

Наконец, еще одной важной причиной обращения А. И. Куприна к «религиозным диссидентам» служит исключительный творческий и моральный авторитет Толстого. Усматривая высокую художественную ценность в осмыслении Львом Николаевичем характера гребенского казака, осуждавшего догматическую нетерпимость как мусульманского духовенства, так и собственных начетчиков, Куприн стремится создать схожий нравственный тип, тяготеющий к идеалам воли, братства и ис-

кренности. Неудивительно, что, подводя итог своего метафизического перерождения, Олимпийский цитирует именно Ерошку: «Все Бог дал на радость человеку...» [11, т. 5, с. 184]. Жена дьякона, не имеющая морального стержня и согласная раболепствовать перед церковным начальством, отчетливо сопоставляется с супругой гребенца, «выкрестившейся в православие» и сбежавшей от него к русскому фельдфебелю [22, т. 6, с. 59].

А. И. Куприн не единожды обращается к личности Л. Н. Толстого при обсуждении старообрядчества. Писатель вспоминает слова благожелательной донской казачки: «Вы представить себе не можете... как у нас на Дону люди старой веры почитают имя Толстого...» [11, т. 8, с. 465–466]. Примечательно, что в данном контексте староверы выступают олицетворением русского простонародья. Неграмотные, но тяготеющие к искренности и добросердечности выходцы из трудового крестьянства виделись яснополянскому мыслителю идеалом человеческого бытия. Несмотря на то, что старообрядческие богословы нередко обвиняли Льва Николаевича в ереси, заступничество писателя за «религиозных отщепенцев» перед лицом царских властей обеспечивало ему широкую поддержку в глазах рядовых раскольников [22, т. 62, с. 477].

Л. Н. Толстой не единственный писатель, на творчество которого ориентируется Куприн, выстраивая собственное представление о «ревнителях старины». В частности, русский классик обращается к трудам А. П. Чехова, описывавшего устои общественной жизни сибирских староверов. Благодаря Чехову в уме Куприна возникает устойчивое представление о высокой роли женщины в общинах староверов [11, т. 9, с. 296]. Данное наблюдение нельзя считать исключительным, поскольку похожие выводы к концу XIX столетия не раз встречались в церковной и светской печати [3, с. 326; 16, с. 150–151]. Не последнюю роль Антон Павлович играет в складывании представлений Куприна о суровом темпераменте раскольников. Наряду с неприязнью старолюбцев к пустословию автор отмечает необыкновенное их участие к нуждающимся. В частности, староверы никогда не отказывают в куске хлеба даже беглым каторжникам, возможно, ввиду того, что и сами постоянно рискуют угодить в острог за свои самобытные вероисповедные взгляды [11, т. 9, с. 296].

Зачастую староверие встречается в произведениях А. И. Куприна в контексте осмысления русской купеческой культуры. Несмотря на то, что к началу XX в. доля старообрядческих капиталов в российской экономике существенно снижается¹, широкие общественные круги продолжают воспринимать староверие как сосредоточие предпринимательской инициативы [4, с. 48]. Данный стереотип актуализируется на страницах купринских произведений. В рассказе «Гемма» автор пишет о знакомстве протагониста полковника Лосева со «старозаветным человеком» Конопатовым. Старообрядец предстает читателю в образе почтенного старика, «поражавшего и очаровывавшего своими своеобраз-

¹ Это было обусловлено увеличением роли тяжелой промышленности, в которой активы староверов были представлены не столь значительно.

ными знаниями». В частности, отмечаются его глубокие познания в храмовой архитектуре, иконописи и богослужебных практиках XI–XII вв. [11, т. 7, с. 273–274].

Помимо того что Конопатов происходит из богатейшей семьи и занимается торговлей ломом, писатель отмечает, что времена ревностного исповедания староверия для него остались в прошлом. Творческая общественность не раз усматривала процессы культурного перерождения, происходившие в купеческих династиях двоедан во второй половине XIX столетия. Так, богатые старообрядцы, близкие прежде по своей ментальности и специфике бытовой жизни к крестьянской или мещанской среде, с течением времени изменяли свои ценностные установки. Все большее внимание ими уделяется меценатству, благотворительности и просвещению. Превращаясь в новую аристократию, раскольники сбрасывали бороды, надевали европейские фраки, а порой и переходили в официальное православие. На рубеже XIX–XX вв. писатели отмечают коренной перелом в бытовании большинства старообрядческих купеческих династий — окончательную утрату «родной веры» и разрыв с народной средой [10, с. 193–195, 200].

Нередко литераторы свидетельствовали о повальном пьянстве среди купцов прежних поколений (рубеж XVIII–XIX вв.) [19, с. 106]. Ко второй половине XIX столетия данный стереотип начинает изживать себя, вероятно, именно по причине вовлечения в предпринимательскую среду староверов, резко осуждавших употребление хлебного вина. Любопытно, что уже к концу века в художественной прозе появляются типажи пьяных старообрядцев, лишившихся нравственного облика, деловой хватки и поддержки своих общин. В русской словесности купечество нередко ассоциировалось с утратой отеческого наследия и забвением древних добродетелей [12, с. 108; 4, с. 48]. Это положение, однако, несправедливо будет проецировать на творчество А. И. Куприна. Напротив, староверы в целом и старообрядческие купцы в частности воспринимаются им как олицетворение старины. Взять ли образ дряхлого раскольника, будто бы видевшего в детстве Наполеона, или обыкновенные для Куприна случаи использования слова «старовер» как синонима политического консерватизма [11, т. 7, с. 137; 11, т. 10, с. 27].

Весьма примечательна не только обширная осведомленность Конопатова в русской архаике, но и его глубокие познания в западной и античной культуре. Для староверов XVII–XVIII вв. дискуссионным оставался вопрос о возможности чтения древнегреческих авторов. Так, в культовом для старообрядческой среды сборнике «История об отцах и страдальцах соловецких» мы можем встретить как порицание «поганых философствований» Платона и Аристотеля, так и недвусмысленные отсылки к Гомеру [14, л. 1, 198 об. – 199]. Однако к концу XIX столетия в среде старообрядческих книжников происходят процессы преодоления предрассудков в отношении светской литературы. Староверы начинают не только активно участвовать в культурной жизни российского общества, но и ориентироваться при написании произведений в том числе на «никонианскую» аудиторию. Большое развитие приобретают

идеи получения уставщиками полноценного и всестороннего образования, позволявшего более убедительно отстаивать старообрядческую повестку в публичных диспутах [18, с. 190, 198].

Другой примечательный старообрядческий образ обнаруживается в цикле очерков «Рыжие, гнедые, серые, воронье...». Куприн рассказывает о конезаводчике Илье Бырдине. Будучи родом из староверов, купец обладает характерной внешностью и темпераментом: «...ходил в поддевке, сапоги бутылками, волосы острижены под горшок. Ни для кого не менял своей манеры» [11, т. 7, с. 393]. Вопреки распространенной среди литераторов практике отождествления купечества с алчными и ненасытными искателями барышей, Александр Иванович видит двойственность натуры русских предпринимателей. Не лишенный лукавства старовер тем не менее отказывается с выгодой продать графу Воронцову дорогого своему сердцу жеребенка [11, т. 7, с. 394–395].

Фигура Бырдина значительно перекликается с образом Конопатова. Оба купца, происходя из среды раскольников, не проявляют характерного для своих единоверцев религиозного фундаментализма. Так, удостоенный посещения Александром II конезаводчик не только желает государю здравствовать, но и сопровождает свои слова глубоким русским поклоном. Радикальные старообрядческие уставы прежних веков резко осуждали лояльность по отношению к светским властям. Ввиду этого в среде староверов нередко случались расколы, связанные с попытками отдельных общин узаконить молитву за императорскую власть. Тем не менее, оставаясь почтительным к царскому достоинству, старовер сохраняет бесстрастное самообладание, продолжая даже к самодержцу обращаться на «ты» [11, т. 7, с. 394–395].

Сходный типаж мы можем обнаружить в рассказе «Вероника». Купец Владимир Горячев, будучи наследником старообрядческого капитала, нажитого его отцом на рыбной торговле, видит своей первейшей задачей получение основательного образования [11, т. 8, с. 354]. Отучившись на инженера в горном институте, молодой купец уезжает в Англию для получения практических знаний, откуда возвращается на родину настоящим «ярославским американцем».

После выхода в свет в 1905 г. сочинения М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» возникновение особой деловой этики в среде американского англосаксонского населения вплоть до второй половины столетия было принято объяснять конфессиональными особенностями пуританского менталитета [5, с. 17–18]. Неизвестно, был ли знаком А. И. Куприн со специальными публикациями, касающимися этого вопроса. Тем не менее писатель, вращаясь в среде эмигрантской интеллигенции, наверняка был в курсе общих направлений развития данного дискурса европейскими интеллектуалами. Автор достаточно точно отмечает ментальные сходства американцев, кальвинистские предки которых были вынуждены бежать от экономических и политических преследований с европейского континента, и русских «религиозных отщепенцев» — старообрядцев, также издавна гонимых госу-

дарственным репрессивным аппаратом². Так, для обеих конфессиональных групп были характерны замкнутость, развитая взаимовыручка, стремление к успеху на хозяйственном поприще.

Несмотря на достаточно явные признаки культурного обмирщения, обнаруживаемые младшим Горячевым, герой рассказа сохраняет опосредованную связь со своими корнями. Так, продолжая дело своего отца, молодой купец распространяет семейный промысел на всю Волгу, Урал, Сибирь и Дон [11, т. 8, с. 354]. Вряд ли можно считать обыкновенным совпадением то, что все перечисленные регионы были местами традиционного проживания русского раскольнического населения. Известно, насколько усердно староверы, оказавшиеся в инославном окружении, были вынуждены подходить к вопросу экономической взаимопомощи [9, с. 41]. Об этом было известно и А. И. Куприну. В цикле рассказов «Югославия» писатель приводит достаточно обстоятельное суждение о прямой взаимосвязи малой численности того или иного коллектива со сплоченностью всех его членов. Наряду с другими примерами он обращает внимание читателя на «неугасимую ревность в вере» русского старообрядческого населения [11, т. 7, с. 387–388]. Создание коллективных капиталов и сверхнормативный труд, первоначально призванные обеспечить выживаемость старообрядческих общин, со временем превратили «ревнителей древнего благочестия» в эталон материального достатка [16, с. 150]. Верно будет предположить, что, занимаясь расширением семейного предприятия, Владимир Горячев ведет дела именно с единоверцами своего отца.

Известно, что на ранних этапах своего творчества А. И. Куприн уподоблял промышленный переворот и капиталистический прогресс библейскому концу времен [19, с. 110]. Описывая в повести «Молох» жизнь работников крупных промышленных предприятий, писатель стремился осветить ту грубую действительность, обремененную нравственным разложением, беспросветной нуждой и пьянством, в которой вынуждены пребывать рабочие [1]. Однако удается обнаружить эволюцию авторских взглядов на данный вопрос, произошедшую после его отъезда за границу. В частности, все выявленные нами и не лишённые авторской симпатии натуры староверческих предпринимателей были созданы Александром Ивановичем именно в период эмиграции.

Интересными представляются причины смягчения отношения Куприна к реалиям капиталистического общества. Объяснением этому может послужить случившаяся в России социалистическая революция. Возлагая большие надежды на духовное обновление русского народа, Куприн сочувствовал некоторым оппозиционным общественным силам начала XX в. Однако после событий 1917–1918 гг. классик утвер-

² О религиозных преследованиях раскольников А. И. Куприн с негодованием высказывается в своих публицистических заметках. По словам писателя, любые конфессиональные притеснения не имеют отношения к имени Христа, а люди, их оправдывающие, лишь стремятся облечь себя в «белые одежды» [11, т. 9, с. 340]. В представленных размышлениях достаточно отчётливо угадывается влияние нравственного учения Л. Н. Толстого.

дился в мысли о том, что революция была губительным экспериментом и истинной катастрофой русского общества [6, с. 167]. Большевицкому правительству, строившему, по мнению Куприна, свою власть на рабской покорности народа и забвении им исторической памяти, писатель противопоставлял веру и частный капитал. Чувство собственности и хозяйственная хватка, ставшие за прошедшее столетие неотъемлемыми атрибутами старообрядческого образа, в контексте антибольшевистской полемики приобретают особую привлекательность для писателя. Так, автор пишет: «...об мужика-собственника неизменно расшибают лоб вожди научного социализма...» [7, с. 95]. Квинтэссенцией подобного «мужика», по Куприну, должны стать не иначе как хозяйственно-крепкие, суровые и независимые сибирские староверы [11, т. 9, с. 296].

Согласно автору «Ямы», религиозное сознание также имело большое значение в идеологической борьбе с коммунизмом [6, с. 169]. Так, в своей публицистике 1920-х гг. Александр Иванович утверждает, что в деле освобождения страны от большевизма даже атеисты должны встать бок о бок со старообрядческими начетчиками [11, т. 10, с. 97]. Еще более показательны воспоминания А. И. Куприна о присутствии староверов в рядах Белой гвардии. Согласно представлениям писателя, существование антибольшевистского сопротивления было признаком нравственного здоровья русского народа [6, с. 169; 11, т. 8, с. 274]. Автор акцентирует свое внимание на том, что старообрядцы Талабского полка были превосходными проводниками. Известно, сколь значимым для писателя являлось единение человека с природой, символизировавшее в его мировосприятии связь с народными корнями, сохранение исторической идентичности [19, с. 111]. Таким образом, староверы-белогвардейцы в глазах писателя не только несли достойную воинскую повинность, но и служили цели установления высшей справедливости, возвращения России на путь исконного исторического развития.

Однако в творчестве А. И. Куприна феномен старообрядчества играет не только роль естественной альтернативы большевицкому террору, но в некоторых своих аспектах, напротив, ассоциируется с партийной верхушкой российских социал-демократов. Можно заметить, сколь внимательно автор подходит к описанию внешнего вида староверов (прическа, одежда, цвет бороды, черты лица и др.). Описывая конезаводчика Илью Бырдина Куприн, помимо прочего, называет того «упорным козлом» [11, т. 7, с. 394]. Может сложиться впечатление, что данная характеристика должна указывать лишь на психологический склад персонажа, его неисправимое упрямство. Однако в рассказе «Канталупы» мы встречаем весьма сходную характеристику второстепенного персонажа: «...неловкий новичок, козлиного староверского вида...» [11, т. 5, с. 311]. Становится понятно, что «козлиная» внешность служит у Куприна свойством старообрядческого типажа. Однако вплоть до настоящего времени было не до конца ясно, как именно следует представлять подобную внешность.

Ответ может дать весьма емкая характеристика Куприным М. И. Калинина — «...тупого, заурядного человека... с лицом старообрядчес-

кого начетчика» [11, т. 9, с. 339]. Далее очевидно, что именно недлинная заостренная борода с голыми скулами ассоциируется у писателя со «староверческим видом». Примечательна здесь и другая деталь — именование революционера начетчиком. На первый взгляд, сопоставление «всесоюзного старосты» с лидерами беспоповских старообрядческих общин должно было характеризовать того с положительной стороны, подчеркивая его тягу к познанию и самообразованию, столь обычную для представителей русского раскола. Однако контекст цитаты отсылает нас к иному значению слова «начетчик» — человек начитанный, эрудированный, однако не получивший полноценного образования и потому вынужденный познавать мир «своим умом». Как следствие, в массовой культуре начетчики считались носителями поверхностного знания, лишены собственного мнения и прибегающими вместо него к помощи штампованных книжных формул.

Куприн не единожды высказывал сходные представления об интеллектуальном уровне большевистских лидеров. Так, В.И. Ленина он называет «среднеумным» теоретиком, Л.Д. Троцкого, по мнению классика, также нельзя назвать умным «в глубоком смысле», но интеллект последнего «цепкий, хваткий, находчивый, легко усваивающий, фаршированный пестрыми знаниями» [6, с. 168; 7, с. 94]. Весьма показательно, сколь близко образ руководителей радикальной фракции РСДРП соседствовал в сознании Куприна с распространенными в российском обществе представлениями о лукавых и полуобразованных старообрядческих уставщиках.

Таким образом, можно утверждать, что старообрядческий культурный компонент играл заметную роль в изложении А.И. Куприным ключевых положений своей этической философии. На примере староверия автор осмыслял процессы сохранения обществом исторической идентичности и противостояния террору властных структур (государства и официальной церкви). При этом были выявлены концептуальные отличия религиозного мировоззрения Александра Ивановича от нравственного учения Л.Н. Толстого, заключавшиеся в приверженности Куприна догматическим традициям ортодоксальной церкви. Изучение старообрядческих типажей показало, что в творчестве классика соседствовали достаточно противоречивые образы русских староверов, дихотомии которых он с изрядным постоянством использовал как в рассуждениях о капиталистическом пути развития общества, так и в своей политической пропаганде против большевистского правительства.

Список литературы

1. Афанасьев В.Н. Куприн. Критико-биографический очерк. М., 1960. URL: <http://gramma.ru/VIB/?id=3.8> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Бытко С.С. Владычские записи старообрядческих сборников как источник мировоззрения староверов конца XIX в. // Религия в истории народов России и Центральной Азии : матер. II Междунар. науч. конф. Барнаул, 2014. С. 219–223.

3. Бытко С. С. Новые сведения о восприятии старообрядцев в российской литературе (по сочинениям классиков второй половины XIX в.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2015. Вып. 17. С. 325–336.

4. Бытко С. С. Новые сведения о восприятии старообрядцев творческой общественностью во второй половине XIX в. // Никоновские чтения : сб. ст. по матер. Междунар. культурологического форума : в 2 т. Чебоксары, 2016. Т. 1. С. 42–49.

5. Галкина Е. В. Политико-религиозные и экономические причины переселения пуритан в Северную Америку // Общество: политика, экономика, право. 2016. №7. С. 15–19.

6. Гладышева С. Н. Октябрьская революция 1917 года в публицистике А. И. Куприна периода эмиграции // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2017. С. 167–169.

7. Гладышева С. Н. Особенности публицистики А. И. Куприна хельсинского периода эмиграции (1919–1920) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. №4. С. 93–97.

8. Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима об отмене клятв на старые обряды // Документы поместного собора Русской православной церкви 1971 года. URL: <http://www.edinoverie.com/img/18E.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).

9. Дутчак Е. Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. №1 (31). С. 38–42.

10. Кулешова Е. А. Религиозно-нравственный аспект в изображении купца сибирскими писателями конца XVIII – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №4 (12). С. 193–201.

11. Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 2006–2007.

12. Милёхина Т. А. Образ предпринимателя в русской словесности // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. №11. С. 108–114.

13. Михеева А. А. Богослужбное пение в системе самоидентификации старообрядцев // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. №4 (28). С. 312–323.

14. Научная библиотека Томского государственного университета. В-27066. История об отцах и страдальцах соловецких. [Б. м., конец XIX в.].

15. Ореханов Ю. Л. Восприятие конфликта между Русской православной церковью и Л. Н. Толстым современниками писателя в России // Вестник Вятского гос. ун-та. 2011. №2 (1). С. 30–38.

16. Отчет священника о своей деятельности в раскольническом приходе // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. №7–8. С. 149–156.

17. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.

18. Пругавин А. С. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. 1884. Кн. 1. С. 161–198.

19. Родина В. В. Образ торгово-промышленного сословия в русской литературе // Известия Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та. 2016. №6. С. 105–115.

20. Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. 23–24. С. 481–499.

21. Сузрюкова Е.Л. Анафема в рассказах А.И. Куприна и В.А. Никифорова-Волгина «Горжество православия» // Культура и текст. 2017. №4 (31). С. 166–176.
22. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1928–1958.
23. Трофимова Т.Б. Достоевский в публицистике А.И. Куприна в 1919–1920-х гг. // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 346–351.
24. Урушев Д.А. Староверы на Парнасе // Русский мир. 2015. [№3]. Март. С. 58–61.

Об авторе

Сергей Станиславович Бытко — аспирант, Нижневартровский государственный университет, Россия.
E-mail: labarum92@rambler.ru

73

The author

Sergey S. Bytko — Postgraduate student, Nizhnevartovsk State University, Russia.
E-mail: labarum92@rambler.ru

П. М. Ларионов

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
ПРОВОЦИРУЮЩИЕ АГРЕССИЮ У ПОДРОСТКОВ**

74

Рассмотрена роль широкого спектра социально-психологических факторов в возникновении агрессии различной степени у подростков. Цель исследования заключалась в изучении и сравнении степени выраженности агрессии, возникающей в ответ на действие социально-психологических факторов, у подростков в возрасте 12–16 лет. Выборка включала в себя 109 подростков 12–16 лет – 60 девочек и 49 мальчиков, проживающих в Житомире. В качестве методов исследования были использованы опросник диагностики агрессии ВРАQ А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского и анкета «Направленность агрессии у подростков», разработанная Е.К. Агеенковой, М.В. Тарасовой и П.М. Ларионовым. Отмечены гендерные аспекты агрессии и характерные особенности направленности агрессии подростков на действие фрустрирующих факторов, возникающих в школьной среде, родительском доме, в процессе отношений со сверстниками и другими субъектами социальной среды. Подчеркнута связь агрессии с факторами, связанными с восприятием подростком самого себя. Обнаружено, что наиболее высокую агрессию у подростков вызывает оказываемое на них психологическое давление, нарушение личной неприкосновенности и отсутствие признания в них личности. Подростки остро переживают наблюдаемую или несправедливость в мире, сочетающуюся с бесчеловечностью некоторых людей. Агрессия подростков в большинстве случаев является скорее реакцией на неблагоприятные социальные условия, ответственны за которые взрослые люди.

The article considers a wide range of socio-psychological factors leading to aggression of various degrees among adolescents. This research aims to study and compare the degree of aggression caused by socio-psychological factors among adolescents aged 12–16. The study group included 109 teenagers of 12–16 age group – 60 girls and 49 boys who live in Zhytomyr. The research relied on the Buss-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ) and the questionnaire Direction of Aggression in Adolescents, which was designed by E.K. Ageenkova, M.V. Tarasova and P.M. Larionov. The study analysed gender aspects of aggression and the focus of aggression among adolescents in connection with frustrating factors that occur in school environment, family, in their relations with peers, their social environment, as well as adolescents' perception of themselves. It was found that the highest aggression among adolescents is caused by psychological pressure exerted on them, violation of personal integrity and lack of personality recognition. Teenagers are acutely aware of the injustice they see in the world, combined with the insensitive and inhumane attitudes of some people. Aggression in adolescents in most cases is a reaction to adverse social conditions for which not only adolescents but adults are responsible.

Ключевые слова: агрессия, социально-психологические факторы, подростки, гендерные особенности, направленность агрессии, уровень агрессии, фрустрация.

Keywords: aggression, socio-psychological factors, adolescents, gender characteristics, direction of aggression, level of aggression, frustration.

Введение

В настоящее время исследование агрессии как психологического феномена сосредоточено на определении ее происхождения, изучении ее форм и/или типов, анализе внутренних составляющих, а также поиске связи агрессии с другими психологическими переменными [26; 29]. По словам З. Гая, агрессия – это «совокупность переживаний, установок и поведенческих актов, целью или эффектом которых (преднамеренно или непреднамеренно) является причинение вреда (прямо или косвенно) другому человеку или самому себе [28]. Синдром агрессии включает как осознанные, так и неосознанные агрессивные тенденции, направленные вовне или на самого себя, как проявляемые, так и только переживаемые» [28, р. 143]. Агрессия характеризуется направленностью (гетеро- и аутоагрессия), при этом избирательное проявление или переживание агрессии обуславливают как внутренние, так и внешние психологические факторы [21; 23].

Существует множество теорий агрессии, в том числе биологических, психологических и социологических [27; 29; 30]. Согласно пересмотренной теории фрустрации Л. Берковица [6], агрессия является естественной реакцией человека, которая возникает в ситуации фрустрации или неспособности удовлетворить определенные потребности. Это положение отражено и в других теориях, рассматривающих феномен агрессии, например в теории человеческой деструктивности Э. Фромма [22], теории аномии Р. Мертона [14], теории напряжения Р. Агню [25], теориях В. Франкла [20] и А. Адлера [4]. Э. Фромм считает, что человек по своей природе не является разрушителем, а его агрессия – это реакция на нарушение нормальных условий существования, когда, по словам К. Божуцкей-Ситкевич, «блокируются существенные экзистенциальные потребности человека (он лишен любви, понимания и искреннего общения, отсутствует возможность удовлетворить потребности в самореализации, при переживании одиночества)» [27, s. 40].

По данным Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), представленным в 2017 г., агрессивное поведение среди детей и подростков Российской Федерации и на Украине широко распространено [24]. В возникновении агрессии подростков играют роль отмечаемые у них адаптационные трудности [11], которые являются естественными в процессе становления личности. Как отметили М. Пеллерен и М. Брес, в подростке «чередуются или сталкиваются ребенок и взрослый; множество ролей, персонажей, чувств, положений, и все они противоречивы. Он обнаруживает, что он не знает, кто он такой на самом деле» [16, с. 141].

Управление агрессией, анализ причин этого явления имеют большое значение для построения здорового общества [27]. Следует отметить, что решение данного вопроса сопряжено с определенными трудностями, в том числе с наличием тенденции в научных публикациях весьма однобоко рассматривать причины подростковой агрессии с особым подчеркиванием негативных сторон личности подростка. Напри-

мер, Т.И. Меньшикова отмечает, что «современные подростки более прагматичны, чем предшествующие поколения, а снижение “планки” духовных ценностей, пренебрежение позитивными социокультурными целями, деформации временной перспективы “Я” породили резкий количественный рост акцентуированных... и так называемых трудных подростков. <...> Другой характерной чертой является инфантилизм, отсутствие инициативы, “потребительский синдром”» [13, с. 106]. Опасна и иная тенденция, описанная польским ученым Д. Пстрогом, характеризующаяся «снисходительным отношением к агрессивным подросткам, которое связано с чрезмерной либеральностью воспитательных отношений многих учителей. Отклонения в поведении учеников считаются лишь только “дурачествами” подростков, характерными для данного возраста» [18, с. 149].

С практической точки зрения наиболее ценным является подход, направленный на изучение социально-психологических фрустрирующих факторов, которые способствуют возникновению агрессии у подростков. Д.И. Пономарева и Е.А. Пономарева [17] выделили три группы социально-психологических факторов, которые связаны с формированием девиантного поведения у подростков. Это факторы, обусловленные негативными отношениями *в семье* (например, дисфункциональная семья, избалованность, отсутствие внимания), *в школьной среде* (психологическое давление, безразличие учителей к внутреннему миру подростка и т.д.) и *в социальной микро- и макросреде* (недостойное поведение взрослых по отношению к подросткам и др.) [17]. Знание о значении этих факторов в возникновении агрессивных реакций позволит уделять им больше внимания, предоставит новые возможности для их регуляции, а также может стать основой для разработки рекомендаций и программ профилактики агрессивного поведения подростков.

Цель исследования — изучить и сравнить степень выраженности агрессии на действие социально-психологических факторов, ее провоцирующих, у подростков в возрасте 12–16 лет.

Методы исследования

В исследовании был использован опросник диагностики агрессии ВРАQ А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского и анкета «Направленность агрессии у подростков», разработанная Е.К. Агеенковой, М.В. Тарасовой и П.М. Ларионовым.

Опросник ВРАQ позволяет количественно оценить выраженность трех компонентов агрессии: «физическая агрессия», «гнев» и «враждебность», а также рассчитать общий показатель агрессии. ВРАQ содержит 24 утверждения, которые предлагается оценить по пятибалльной шкале от 1 («очень на меня не похоже») до 5 («очень на меня похоже»). Коэффициент внутренней согласованности альфа Кронбаха для шкал составляет: «физическая агрессия» — 0,77; «гнев» — 0,79; «враждебность» — 0,69; интегральная шкала — 0,81. Ретестовая надежность опросника и его отдельных шкал, рассчитанная на основе коэффициента корреляции Пирсона, составляет от 0,77 до 0,84 [9].

Анкета «Направленность агрессии у подростков» позволяет оценить степень выраженности агрессии на действие 91 фактора, которые сгруппированы в 6 доменов (или групп факторов), в зависимости от того, что или кто является источником фрустрирующих факторов, и одновременно, на что или на кого направлена агрессия (домены «Педагоги», «Родители», «Незнакомые люди», «Сверстники», «Социальная система» и «Аутоагрессия»). Оценка производится в баллах от 0 («не вызывает агрессию») до 5 («агрессия выражена в сильной степени»). Например, направленность агрессии на особенности и поведение посторонних людей характеризует домен «Незнакомые люди». Один из факторов этого домена, выраженность агрессии по отношению к которому нужно оценить, представлен как «сплетни, сомнительные сведения». Анкета уже использовалась в научных исследованиях [1–3]. Данные, полученные с помощью анкеты, могут быть полезны при разработке личностно-ориентированных программ психологической помощи для изменения реакции подростка на появление фрустрирующих факторов. Можно подчеркнуть, что использование анкеты позволяет косвенно оценить состояние системы «общественная среда – подросток», однако в таком случае следует видоизменить анкету и применить другую шкалу оценки, фиксирующую не только степень выраженности агрессии на появление представленных фрустрирующих факторов в анкете, но и степень встречаемости данных ситуаций в реальной действительности.

Статистический анализ был проведен с использованием программы Statistica версии 13.3. Применены методы описательной статистики, непараметрический критерий Манна – Уитни, кластерный и эксплораторный факторный анализы.

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняло участие 109 подростков в возрасте 12–16 лет ($M = 13,61$ лет, $SD = 1,09$ года; SD – стандартное отклонение), 60 девочек и 49 мальчиков. Исследование проводилось в житомирских общеобразовательных школах №14, 21 и 22, а также в подростковом клубе «Ровесник» городского культурно-спортивного центра Житомирского городского совета с сентября по ноябрь 2019 г.

Результаты исследования

При анализе данных, полученных с помощью опросника агрессии ВРАQ, было обнаружено, что общий уровень агрессии и ее компонентов, отраженных в подшкалах «гнев» и «враждебность», у девочек выше, чем у мальчиков (табл. 1). Однако различия статистически значимы только для подшкалы «гнев» ($U = 1064$, $Z = 2,47$, $p = 0,01$). Мальчики в большей мере проявляют физическую агрессию, но различия не являются статистически значимыми ($U = 1193,5$, $Z = -1,68$, $p = 0,09$). Согласно полученным данным, среднестатистически девочки несколько более агрессивны, что подтверждают результаты других исследователей [10]. Результаты этого исследования согласуются с выводами

С. В. Марковой [12], которая справедливо отметила, что гендерные различия в уровне агрессии не столь велики, чтобы можно было их считать принципиальными.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа уровня агрессии у мальчиков и девочек с помощью критерия Манна – Уитни

Переменная	M±SD		Средний ранг		U	Z	p
	М	Ж	М	Ж			
Физическая агрессия ВРАQ	26,67±6,73	24,25±6,98	60,64	50,39	1193,50	-1,68	0,09
Гнев ВРАQ	19,35±5,15	22,17±5,83	46,71	61,77	1064,00	2,47	0,01*
Враждебность ВРАQ	22,00±7,45	24,22±6,42	49,03	59,88	1177,50	1,78	0,08
Общий показатель агрессии	68,02±16,41	70,63±15,20	52,13	57,34	1329,50	0,85	0,39

Примечание: * – статистически значимо при $p < 0,05$.

Анализируя данные анкеты, можно отметить, что мальчики и девочки статистически значимо не отличаются друг от друга по выраженности агрессии на домены факторов, описанных в анкете (табл. 2). Однако по сравнению с девочками у мальчиков отмечается несколько более выраженная агрессия касательно факторов домена «Педагоги». Это говорит о том, что воздействие фрустрирующих факторов, вызванных поведением педагогов и представителей администрации школы вызывает у мальчиков большую агрессию. Согласно данным средних значений, девочки проявляют больше агрессии относительно всех остальных доменов факторов. Таким образом, можно сделать вывод, что девочки склонны реагировать большей агрессией на воздействие фрустрирующих социально-психологических факторов.

Таблица 2

Результаты сравнения направленности агрессии у мальчиков и девочек с помощью критерия Манна – Уитни

Переменная	M±SD		Средний ранг		U	Z	p
	М	Ж	М	Ж			
Домен «Педагоги»	2,72±0,97	2,54±0,95	57,70	52,79	1337,50	-0,80	0,42
Домен «Родители»	2,17±1,01	2,39±1,06	51,24	58,07	1286,00	1,12	0,26
Домен «Незнакомые люди»	2,40±0,81	2,49±0,85	53,55	56,18	1399,00	0,43	0,67
Домен «Сверстники»	2,38±0,94	2,51±0,86	52,41	57,12	1343,00	0,77	0,44
Домен «Социальная система»	1,52±0,95	1,53±1,03	54,86	55,12	1463,00	0,04	0,97
Домен «Аутоагрессия»	2,26±1,11	2,35±1,17	53,76	56,02	1409,00	0,37	0,71
Общий показатель выраженности агрессии по анкете	2,29±0,76	2,33±0,74	54,87	55,11	1463,50	0,04	0,97

На рисунках 1–6 представлены средние значения выраженности агрессии у мальчиков и девочек по отдельным доменам анкеты и по соответствующим им факторам. Шкала в анкете следующая: 0 – не вызывает агрессию; 1 – слабо выраженная агрессия; 2 – скорее невыраженная, чем выраженная агрессия; 3 – агрессия выражена и не выражена в равной степени; 4 – агрессия скорее выражена, чем нет; 5 – агрессия выражена в сильной степени.

Домен «Педагоги» – *направленность агрессии на особенности и поведение учителей, классного руководителя, директора*: 1) повышенная требовательность, строгость; 2) излишний, повышенный контроль; 3) обвинение в неправильных поступках; 4) требование выполнять непосильные действия; 5) придирчивость; 6) демонстрация авторитета и власти; 7) принижение значимости других; 8) наличие неправильных поступков; 9) выбор «козла отпущения»; 10) выбор «любимчиков»; 11) унижение учеников; 12) требование денег для школы; 13) преувеличение полномочий; 14) учет мнения «шестерок»; 15) требование ходить в определенной одежде; 16) неуважительное отношение к ученикам; 17) навязывание того, что не нравится; 18) нарушение границ автономности и независимости; 19) нежелание идти на уступки; 20) требование быть «более умным»; 21) обвинение в глупости; 22) навязывание стереотипов.

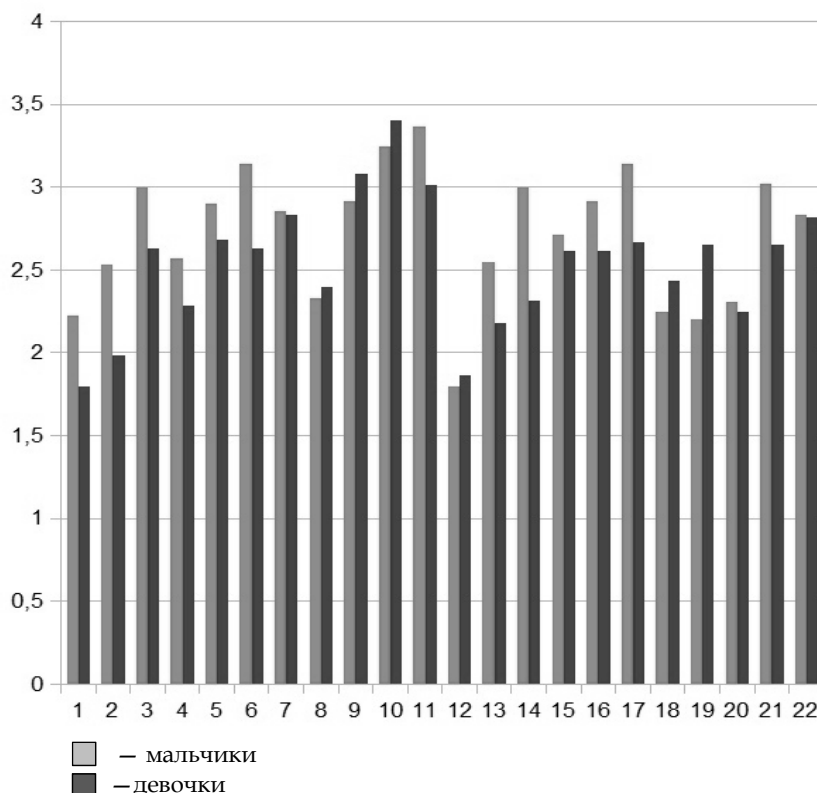

Рис. 1. Направленность агрессии у подростков в домене «Педагоги»

Можно отметить, что факторами, вызывающими наибольшую агрессию в этом домене, являются выбор «любимчиков», унижение учеников, навязывание того, что не нравится, демонстрация авторитета и власти, обвинение в глупости и обвинение в неправильных поступках.

Домен «Родители» — *направленность агрессии на особенности и поведение родителей*: 1) непонимание, отсутствие веры в подростка; 2) предпочтение братьев или сестер; 3) нежелание идти на уступки; 4) требование быть «более умным»; 5) обвинение в глупости; 6) навязывание стереотипов; 7) навязывание друзей; 8) чрезмерный контроль; 9) нежелание или невозможность купить то, чего хочется; 10) недостаточность внимания; 11) навязывание взрослого типа поведения; 12) покупка вещей, которые не нравятся; 13) запрет дружить с определенными ребятами; 14) вредные привычки родителей, неопрятный вид.

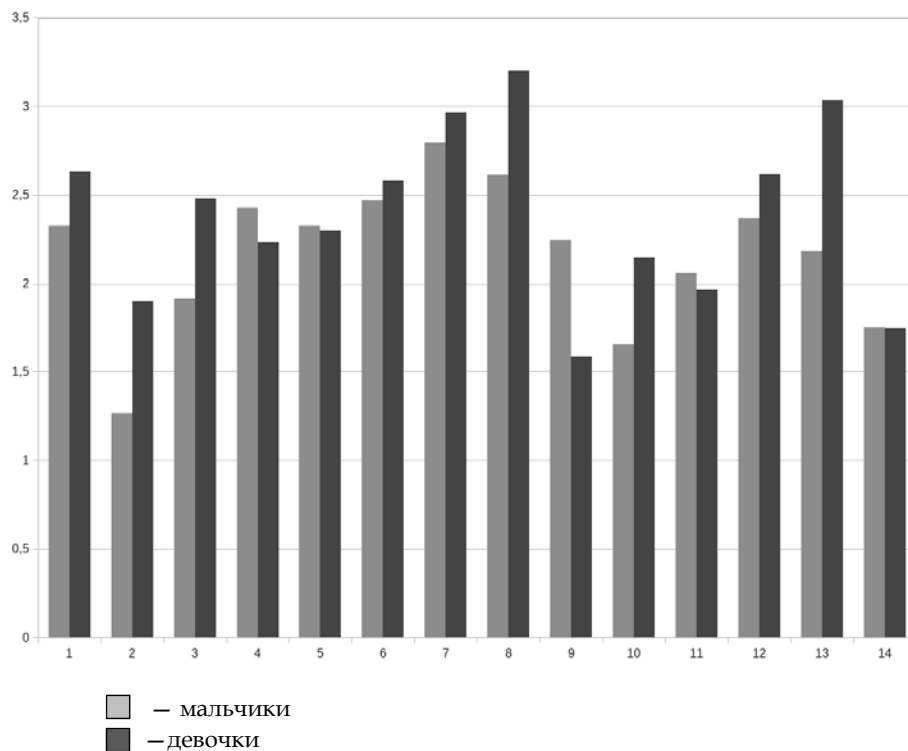

Рис 2. Направленность агрессии у подростков в домене «Родители»

У подростков по отношению к родителям наиболее сильная агрессивная реакция проявляется при навязывании друзей, чрезмерном контроле и навязывании стереотипов. Именно для девочек родительский запрет дружить с определенными ребятами вызывает значительно более сильную агрессивную реакцию по сравнению с мальчиками (табл. 3).

Результаты сравнения выраженности агрессии у мальчиков и девочек с помощью критерия Манна – Уитни

Переменная	Средний ранг		U	Z	p
	М	Ж			
Нежелание или невозможность купить то, чего хочется (домен «Родители»)	62,49	48,89	1103,00	-2,23	0,026
Запрет дружить с определенными ребятами (домен «Родители»)	47,85	60,83	1119,50	2,13	0,033
Обидные оценки внешнего вида и поведения (домен «Незнакомые люди»)	48,13	60,61	1133,50	2,05	0,041
Свой внешний вид (домен «Аутоагрессия»)	45,98	62,37	1028,00	2,69	0,007

81

Домен «Незнакомые люди» — направленность агрессии на особенности и поведение посторонних людей: 1) сплетни, сомнительные сведения; 2) требование уступить место в транспорте; 3) желание пройти без очереди; 4) обвинение молодого поколения во всех «грехах»; 5) когда поучают жизни и читают нотации; 6) когда недостойные люди навязывают свое мнение; 7) взрослые, имеющие сексуальные отклонения; 8) сексуальные домогательства; 9) обидные оценки внешнего вида и поведения; 10) лица иных национальностей; 11) лица других вероисповеданий; 12) люди, которые навязывают свое религиозное поведение; 13) люди, имеющие внешние изъяны; 14) демонстрация успешности.

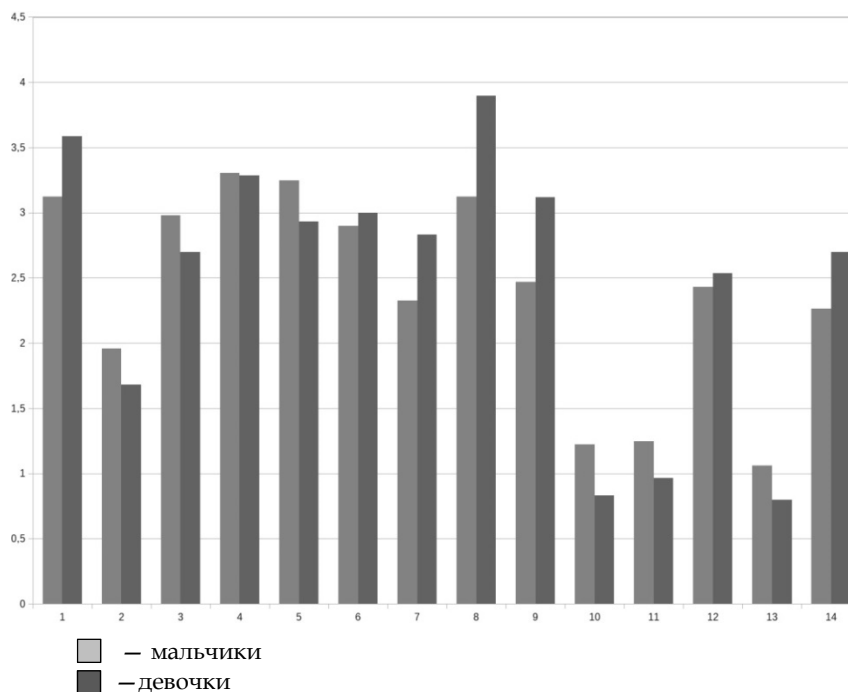

Рис. 3. Направленность агрессии у подростков в домене «Незнакомые люди»

За исключением факторов «лица иных национальностей», «лица других вероисповеданий», «люди, имеющие внешние изъяны», а также «требование уступить место в транспорте», по отношению к которым подростки практически не выражают агрессию, можно наблюдать относительно равномерное распределение выраженности агрессии по остальным факторам домена «Незнакомые люди». Однако следует отметить фактор «сексуальные домогательства». Этот фактор вызывает сильную агрессивную реакцию у подростков, особенно у девочек.

Домен «Сверстники» – *направленность агрессии на особенности и поведение сверстников*: 1) подлизы; 2) «шестерки»; 3) завистники; 4) представители групп «богатых» или «бедных»; 5) дети учителей; 6) представители других групп, классов, школ; 7) представители старших или младших классов; 8) обидные обращения сверстников; 9) обидные оценки внешнего вида и поведения; 10) лица иных национальностей; 11) лица других вероисповеданий; 12) соперники (соперницы); 13) нарушение авторитета или независимости; 14) демонстрация успешности; 15) излишние «понты» и «пафос»; 16) вандалы, разрушающие памятники, машины, скворечники и т.д.; 17) садисты, издевающиеся над животными; 18) нестандартно одетые сверстники; 19) изгои среди сверстников.

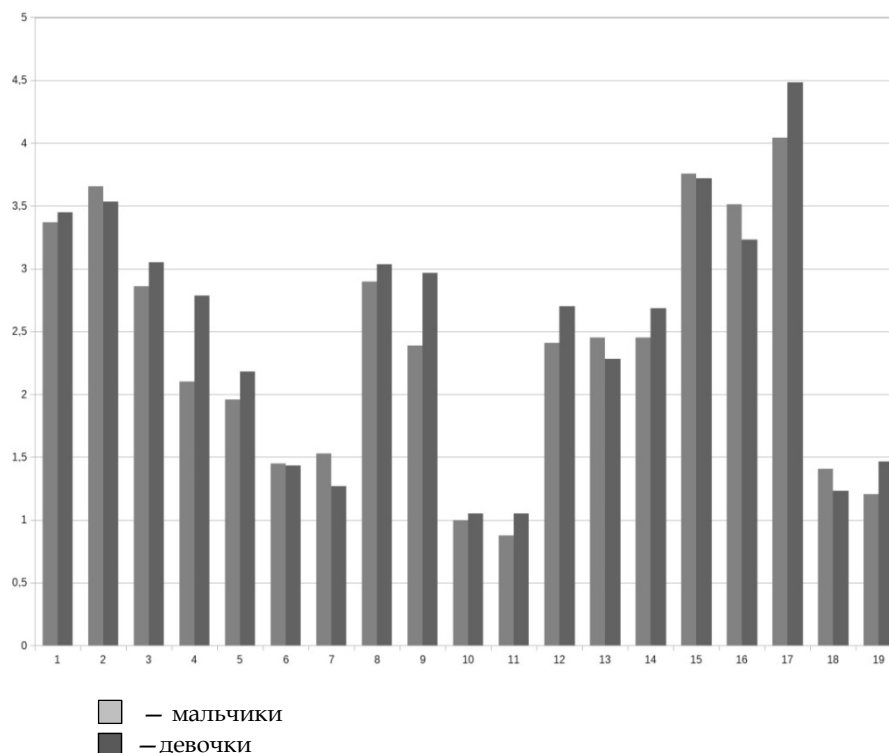

Рис. 4. Направленность агрессии у подростков в домене «Сверстники»

Наименьшую агрессию подростков вызывают их сверстники, принадлежащие к другим национальностям и вероисповеданиям. Наиболее сильную агрессию провоцируют сверстники-садисты, издевающиеся над животными, те, кто проявляют излишние «понты» и «пафос», «шестерки» и ровесники-вандалы, разрушающие памятники, машины, скворечники и т.д.

Домен «Социальная система» — *направленность агрессии на общественные явления или структуры*: 1) символы и граффити определенных групп; 2) определенный тип одежды; 3) определенные религии; 4) определенные расы либо национальности; 5) сексуальные меньшинства; 6) телесные либо умственные изъяны; 7) власть; 8) полиция; 9) определенные политические или общественные группы; 10) преступные группировки, преступники; 11) богатые, успешные люди; 12) «бедные», бомжи; 13) определенные музыкальные направления; 14) определенные субкультуры.

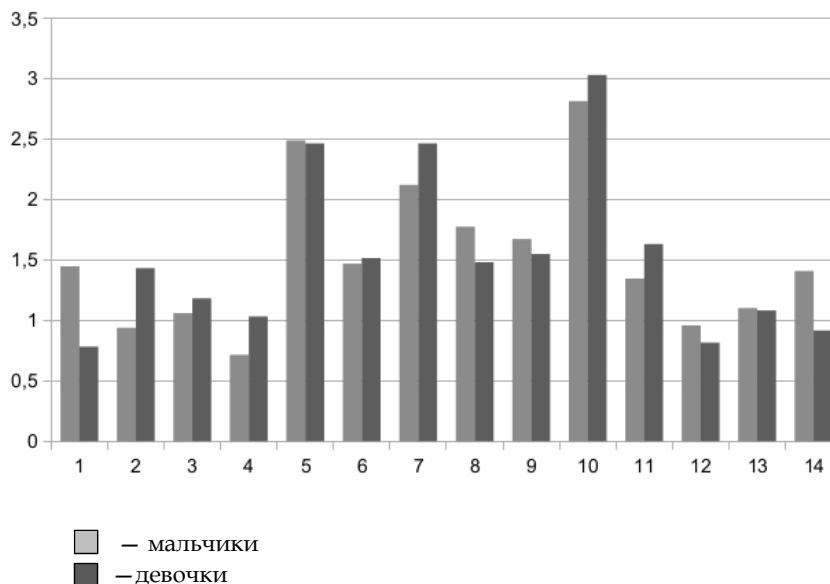

Рис. 5. Направленность агрессии у подростков в домене «Социальная система»

Наиболее низкую агрессию в домене «Социальная система» вызывают у подростков «бедные», бомжи и лица определенных рас либо национальностей, а наиболее сильную — преступные группировки, преступники, сексуальные меньшинства и власть.

Домен «Аутоагрессия» — *направленность агрессии на себя*: 1) чувство вины и стыда; 2) восприятие себя недостойным человеком; 3) некоторые свои поступки; 4) свой внешний вид; 5) одежда, которую вынужден носить; 6) неправильное поведение по отношению к родителям, друзьям, учителям; 7) неспособность постоять за себя; 8) неспособность выразить свою агрессию другим.

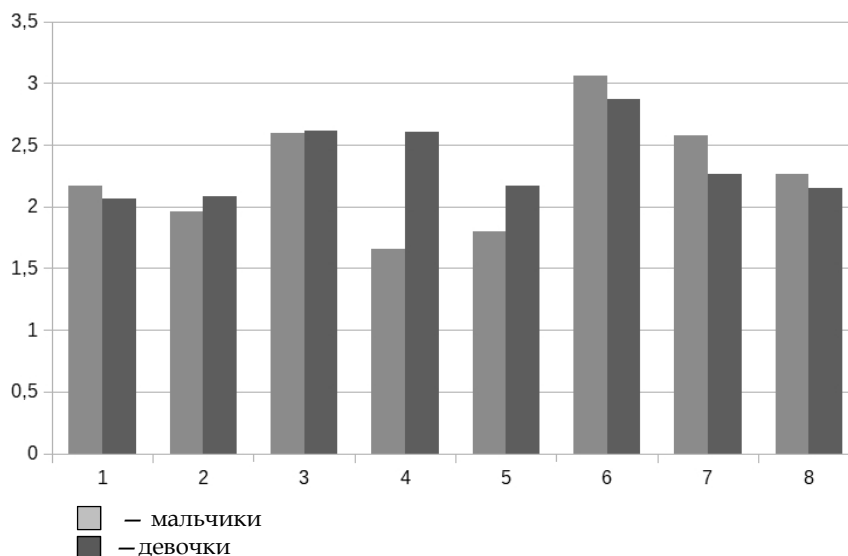

Рис. 6. Направленность агрессии у подростков в домене «Аутоагрессия»

Относительно равномерная выраженность агрессии наблюдается в домене «Аутоагрессия». Однако можно отметить, что наиболее сильную агрессию подросток ощущает при переживании неправильного поведения по отношению к родителям, друзьям, учителям. Менее значимым фактором, вызывающим агрессию, является для подростков-мальчиков их внешний вид и одежда, что нельзя сказать о девочках, для которых их внешний вид может провоцировать возникновение сильной агрессии. Для переменной «свой внешний вид» наблюдаются статистически значимые гендерные отличия в выраженности агрессии (табл. 3).

В связи с большим количеством факторов, представленных в анкете, сравнительный анализ выраженности агрессии у мальчиков и девочек представлен только для тех факторов, для которых обнаружены статистически значимые различия при $p < 0,05$ (табл. 3, с. 81).

Особый интерес представляют данные направленности агрессии у подростков с крайними значениями уровня агрессии, измеренного с помощью ВРАQ. Направленность агрессии была проанализирована в группах мальчиков и девочек с низким и высоким уровнем агрессии. При использовании критерия Шапиро – Уилка было обнаружено, что общий уровень агрессии (ВРАQ) отдельно для групп мальчиков (Shapiro – Wilk $W = 0,977$, $p = 0,430$, коэффициенты асимметрии (0,260) и эксцесса (-0,482)) и девочек (Shapiro – Wilk $W = 0,983$, $p = 0,568$, коэффициенты асимметрии (0,176) и эксцесса (-0,234)) подчиняется закону нормального распределения. В связи с этим высокий уровень агрессии определялся на основе показателя общего уровня агрессии ВРАQ в пределах значений больших, чем $M + SD$, а низкий уровень – в пределах значений меньших, чем $M - SD$ (табл. 4). Были выделены четыре группы: низкоагрессивные мальчики (9 человек), низкоагрессивные девочки (10), высокоагрессивные мальчики (7) и высокоагрессивные девочки (12).

Таблица 4

Средние значения (M), стандартные отклонения (SD), M+SD и M-SD общего показателя агрессии ВРАQ для группы мальчиков и девочек

Переменная	M±SD		M+SD		M-SD	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Общий показатель агрессии ВРАQ	68,02±16,41	70,63±15,20	84,43	85,83	51,61	55,43

В таблицах 5 и 6 для низкоагрессивных подростков представлены только те факторы, которые характеризуются средним баллом выраженности агрессии от 3,00, а для высокоагрессивных подростков – от 4,00.

85

Таблица 5

Выраженность агрессии на действие провоцирующих агрессию факторов у низкоагрессивных мальчиков

Фактор	Средний балл выраженности агрессии
Педагоги: учет мнения «шестерок»	3,00
Сверстники: излишние «понты» и «пафос»	3,11
Незнакомые люди: когда поучают жизни и читают нотации	3,22
Незнакомые люди: сексуальные домогательства	3,33
Сверстники: вандалы, разрушающие памятники, машины, скворечники и т.д.	3,44
Сверстники: садисты, издевающиеся над животными	3,78

Агрессия у низкоагрессивных мальчиков появляется в ситуации нарушения социальных норм иными лицами и их недостойного поведения.

Таблица 6

Выраженность агрессии на действие провоцирующих агрессию факторов у низкоагрессивных девочек

Фактор	Средний балл выраженности агрессии
Педагоги: выбор «любимчиков»	3,00
Родители: навязывание стереотипов	3,00
Социальная система: преступные группировки, преступники	3,00
Сверстники: «шестерки»	3,20
Сверстники: подлизы	3,20
Незнакомые люди: сплетни, неверные сведения	3,40
Сверстники: вандалы, разрушающие памятники, машины, скворечники и т.д.	3,70
Незнакомые люди: сексуальные домогательства	3,90
Сверстники: излишние «понты» и пафос	3,90
Сверстники: садисты, издевающиеся над животными	4,70

Агрессия у низкоагрессивных девочек появляется в несколько более широком спектре ситуаций, описывающих нарушение социальных норм другими людьми. Для девочек в большей мере, чем для мальчиков, неприемлемо недостойное поведение среди сверстников.

Наиболее интересными являются данные, характеризующие высокоагрессивных подростков (табл. 7, 8).

Таблица 7

Выраженность агрессии на действие провоцирующих агрессию факторов у высокоагрессивных мальчиков

Фактор	Средний балл выраженности агрессии
Родители: непонимание, отсутствие веры в подростка	4,00
Педагоги: выбор «козла отпущения»	4,00
Педагоги: выбор «любимчиков»	4,14
Незнакомые люди: когда недостойные люди навязывают свое мнение	4,14
Сверстники: дети учителей	4,14
Сверстники: демонстрация успешности	4,14
Родители: обвинение в глупости	4,14
Незнакомые люди: желание пройти без очереди	4,14
Незнакомые люди: сплетни, неверные сведения	4,29
Педагоги: требование ходить в определенной одежде	4,29
Сверстники: «шестерки»	4,43
Педагоги: обвинение в глупости	4,57
Родители: чрезмерный контроль	4,57
Сверстники: подлизы	4,57
Незнакомые люди: обвинение молодого поколения во всех «грехах»	4,71
Незнакомые люди: когда поучают жизни и читают нотации	4,71
Сверстники: излишние «понты» и «пафос»	4,71
Сверстники: садисты, издевающиеся над животными	4,71

Таблица 8

Выраженность агрессии на действие провоцирующих агрессию факторов у высокоагрессивных девочек

Фактор	Средний балл выраженности агрессии
Педагоги: учет мнения «шестерок»	4,00
Педагоги: требование ходить в определенной одежде	4,00
Педагоги: обвинение в глупости	4,00
Педагоги: выбор «любимчиков»	4,00
Незнакомые люди: сексуальные домогательства	4,00
Сверстники: соперники (соперницы)	4,00
Сверстники: демонстрация успешности	4,00
Аутоагрессия: когда не нравится свой внешний вид	4,00
Родители: чрезмерный контроль	4,08

Фактор	Средний балл выраженности агрессии
Сверстники: излишние «понты» и «пафос»	4,08
Сверстники: подлизы	4,17
Сверстники: «шестерки»	4,17
Незнакомые люди: сплетни, неверные сведения	4,25
Педагоги: выбор «козла отпущения»	4,33
Сверстники: садисты, издевающиеся над животными	4,50

С помощью кластерного и факторного анализа были изучены переменные, представленные в таблицах 7 и 8. Это позволило выделить 9 групп социально-психологических факторов, провоцирующих агрессию у высокоагрессивных подростков.

1. Агрессия в связи с нарушением социальных норм и недостойным поведением сверстников: излишние «понты» и «пафос», садисты, издевающиеся над животными, подлизы, «шестерки».

2. Сексуальные домогательства со стороны посторонних.

3. Психологическое давление родителей: непонимание, отсутствие веры в подростка, чрезмерный контроль, обвинение в глупости.

4. Конкуренты-сверстники и особенности поведения ровесников: соперники (соперницы), демонстрация успешности, дети учителей.

5. Психологическое давление учителей: требование ходить в определенной одежде, обвинение в глупости.

6. Психологическое давление посторонних лиц: обвинение молодого поколения во всех «грехах», когда поучают жизни и читают нотации, когда недостойные люди навязывают свое мнение.

7. Недостойное поведение посторонних: желание пройти без очереди, сплетни, неверные сведения.

8. Несправедливое отношение учителей: учет мнения «шестерок», выбор «козла отпущения», выбор «любимчиков».

9. Внешний вид (для девочек) — аутоагрессия: когда не нравится свой внешний вид.

Данные, представленные в исследовании и полученные на выборке украинских подростков, соотносятся с результатами исследования, проведенного в Беларуси [3]. Сопоставляя их, можно отметить значительное сходство социально-психологических факторов, вызывающих агрессию у белорусских и украинских подростков по всем доменам анкеты [3].

Выводы

В литературе описано множество факторов риска агрессивного поведения детей и подростков [15; 19], однако именно в этом исследовании впервые проведен сравнительный анализ степени выраженности агрессии у подростков на действие широкого спектра социально-психологических фрустрирующих факторов.

Для подростков в возрасте 12–16 лет характерны следующая специфика.

Гендерные особенности уровня агрессии

1. Выраженность гнева у девочек на статистически значимом уровне выше, чем у мальчиков.
2. Отмечается тенденция более выраженного проявления физической агрессии у мальчиков, а у девочек – враждебности.
3. В целом девочки немного более агрессивны, но эти различия не являются статистически значимыми.

Социально-психологические факторы, вызывающие агрессию у подростков

1. В целом воздействие социально-психологических фрустрирующих факторов у девочек вызывает несколько большую агрессию, однако на воздействие фрустрирующих факторов, связанных с особенностями поведения педагогов, именно мальчики реагируют более агрессивно.

2. Наибольшую агрессию у подростков вызывает поведение педагогов, связанное с выбором «любимчиков», унижением учеников, навязыванием того, что не нравится, демонстрацией авторитета и власти, обвинением в глупости и обвинением в неправильных поступках.

3. Наибольшую агрессию у подростков вызывает поведение родителей при навязывании ими друзей, чрезмерном контроле и навязывании стереотипов. У девочек родительский запрет дружить с определенными ребятами формирует особо сильную агрессивную реакцию.

4. По отношению к незнакомым лицам – лицам иных национальностей, рас и других вероисповеданий, людям, имеющим внешние изъяны, – подростки практически не выражают агрессию, что характерно не только по отношению к этим лицам, но и к сверстникам, характеризующимся такими особенностями. По отношению к социальной группе лиц, определяемых подростками как «бедные» и бомжи, агрессия у подростков практически не возникает, однако высокая агрессия наблюдается по отношению к преступным группировкам, преступникам, сексуальным меньшинствам и власти. Особо сильную агрессивную реакцию у подростков, особенно у девочек, вызывают сексуальные домогательства со стороны других лиц.

5. По отношению к сверстникам-садистам, издевающимся над животными, к тем, кто демонстрирует излишние «понты» и «пафос», «шестеркам» и ровесникам-вандалам, разрушающим памятники, машины, скворечники и т.д., подростки проявляют сильную агрессию.

6. Поведение подростка, определяемое им как неправильное в отношении родителей, друзей и учителей, провоцирует у него сильную агрессию. У девочек особо значим их внешний вид, недовольство которым приводит к возникновению агрессии.

7. Наблюдается значительное сходство социально-психологических факторов, провоцирующих агрессию, у подростков Беларуси и Украины.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что во внутреннем пространстве личности подростков наиболее значимыми и остро переживаемыми феноменами на социальном (средовом) уровне является

несправедливость в мире вкупе с бесчеловечностью некоторых людей. На уровне межличностном — оказываемое психологическое давление, нарушение личной неприкосновенности и отсутствие признания в подростке личности. Для девочек еще одним значимым фактором выступает переживание негативного восприятия своего внешнего вида, что провоцирует возникновение у них агрессии.

Поддерживая точку зрения Е. В. Волянской [7], видим перспективным обратить внимание на изучение различных форм проявления агрессии, в том числе скрытой (распространение слухов, критика, черный юмор и т. д.), у подростков и взрослых лиц [8].

В конечном счете, чтобы помочь подросткам без страданий интегрироваться в человеческое сообщество, необходимо прикладывать больше усилий для изменения неблагоприятных социальных условий, провоцирующих возникновение агрессивных реакций [5]. Эта задача стоит не столько перед подростками, сколько перед взрослыми, которые ответственны за воспитание испытывающих адаптационные трудности детей и подростков.

Ограничения

Исследование позволило комплексно исследовать социально-психологические факторы, провоцирующие возникновение агрессии у подростков 12–16 лет, однако ввиду относительно небольшой группы участников исследования к полученным данным следует относиться объективно. Это ограничение не позволило провести анализ возрастной динамики выраженности агрессии на воздействие различных социально-психологических факторов.

Благодарности

Выражаю сердечную благодарность психологу А. А. Бунис, педагогу-организатору подросткового клуба «Ровесник» городского культурно-спортивного центра Житомирского городского совета, за помощь в сборе материала для исследования.

Список литературы

1. Агеенкова Е. К. Направленность агрессии у детей подросткового возраста // Управление в социальных и экономических системах : матер. XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 14 мая 2015 г.). Минск, 2015. С. 208–210.
2. Агеенкова Е. К., Волчѣк В. А. Направленность агрессии у подростков // Психология и жизнь: актуальные проблемы психологии образования : матер. III Междунар. науч.-практ. конф. 14–15 ноября 2018 г. Минск, 2018. С. 469–473.
3. Агеенкова Е. К., Ларионов П. М., Волчѣк В. А. Личностные детерминанты агрессивности подростков // Психотерапия. 2019. №2 (194). С. 86–94.
4. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
5. Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997.
6. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
7. Волянская О. В. Проблема агресивної поведінки підлітків: фактори та механізми соціалізації // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». 2016. №3(30). С. 117–134.

8. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С. Развитие открытой, скрытой агрессии и совершение подростками правонарушений // Прикладная юридическая психология. 2013. №2. С. 48–55.
9. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28, №1. С. 115–124.
10. Иванова Е.А. Гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста // Сибирский психологический журнал. 2005. №21. С. 85–88.
11. Качмар О. Особливості прояву агресії в підлітковому віці та способи її профілактики й подолання // Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди «Філософія». 2017. №2 (48). С. 150–162.
12. Маркова С.В. Исследование гендерных различий агрессивного поведения подростков // Психологическая наука и образование. 2012. №1. С. 1–11.
13. Меньшикова Т.И. Специфика агрессивного поведения подростков // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. №2. С. 106–115.
14. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. №2. С. 89–105.
15. Павелків В.Р. Специфіка прояву агресії та деструктивної поведінки в підлітковому віці // Проблеми сучасної психології. 2015. №. 30. С. 483–494.
16. Пеллерен М., Брес М. Психосинтез. М., 2004.
17. Пономарева Д.И., Пономарева Е.А. Социально-психологические факторы формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7, №1А. С. 14–21.
18. Пструг Д. Насилие и агрессия как общественные явления, возникающие в школьной среде (из опыта польской школы) // Ярославский педагогический вестник. 2006. №4 (49). С. 141–149.
19. Фомиченко А.С. Социально-психологические причины проявления подростковой агрессии // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4, №5. С. 1–11.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
21. Фрейд А. Детский психоанализ. СПб., 2003.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2017.
23. Фурманов И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. Минск, 1996.
24. *A Familiar Face: Violence in the lives of children and adolescents*. UNICEF, 2017. URL: <https://www.refworld.org/docid/5a0b00e34.html> (дата обращения: 12.01.2020).
25. Agnew R. *Pressured Into Crime: An Overview of General Strain Theory*. N. Y., 2006.
26. Aranowska E., Pytel J., Szymańska A. Kwestionariusz Agresji Bussa-Perry'ego: Trafność, rzetelność i normy. Warszawa, 2015.
27. Borzucka-Sitkiewicz K. Środowiskowe uwarunkowania agresywnych zachowań młodzieży. Katowice, 2010.
28. Gaś Z. Inwentarz Psychologiczny Syndromu Agresji // Przegląd Psychologiczny. 1980. Т. 23, №1. P. 143–158.
29. Kowalczyk K., Jankowiak B., Krajewska-Kutak E. et al. Teorie agresji – prawda czy mity? // Problemy Pielęgniarstwa. 2011. Т. 19, №3. P. 396–400.
30. Przybysz-Zaremba M. Egzemplifikacje wybranych teorii zachowań agresywnych człowieka – perspektywa trójwymiarowa // Studia nad Rodziną. 2015. №2 (37). P. 311–332.

Об авторе

Павел Михайлович Ларионов – докторант, Университет Казимира Великого, Польша.

E-mail: larionov_w@outlook.com

The author

Pavel M. Larinov, postdoctoral student, Casimir the Great University, Poland.

E-mail: larionov_w@outlook.com

Е. В. Михальчи

СЕНСОРНОЕ УТОМЛЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ У ЛИЦ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

92

Представлены результаты изучения теоретических аспектов сенсорного утомления как функционального состояния у лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Рассмотрены виды и формы сенсорного утомления, триггеры, вызывающие это состояние, механизмы наступления и особенности протекания у лиц с ОВЗ и инвалидностью разных нозологических групп, его симптомы и последствия. Сенсорное утомление выделено в отдельное состояние, которое само по себе не является заболеванием и не требует лечения, однако у лиц с пониженным уровнем здоровья оно может рассматриваться как симптом того или иного нарушения в здоровье. Изучение теоретических аспектов сенсорного утомления позволяет разработать методы практического исследования его качественных и количественных характеристик, а также психолого-педагогические методы и подходы к его снижению у лиц с разным уровнем здоровья.

The article explores the theoretical aspects of sensory fatigue as a functional state in people with disabilities. The study focuses on the types and forms of sensory fatigue, triggers causing this condition, switch-on mechanisms, the development of this condition in people with disabilities of different nosological groups, its symptoms and consequences. Sensory fatigue is a condition, which in itself is not a disease and does not require treatment. However, in people with poor health, it can be considered as a symptom of a health disorder. The review of literature on sensory fatigue allows us to identify methods for the study of its qualitative and quantitative characteristics, as well as to develop psychological and pedagogical methods and approaches to reducing it in people with health conditions.

Ключевые слова: сенсорное утомление, лица с ОВЗ и инвалидностью, аутизм, синестезия.

Keywords: sensory fatigue, persons with disabilities, autism, synesthesia.

Сенсорное утомление как функциональное состояние оказывает влияние на работу всех органов и систем организма, вызывает психические и физические изменения в самочувствии человека, приводит к возникновению поведенческих реакций и к снижению эффективности деятельности и качества жизни индивида. Сенсорное утомление как психофизическая реакция, возникающая в результате сильного воздействия со стороны различных раздражителей на основные перцептивные системы (зрительную, слуховую, кинестетическую, обонятельную и другие), развивается не только у лиц с пониженным уровнем психофизического здоровья, но и у индивидов из условно здоровой группы

при определенных условиях, под влиянием триггеров и при высокой чувствительности сенсорных систем. В связи с этим выделение сенсорного утомления в отдельный предмет исследования и рассмотрение его особенностей проявления у лиц с ОВЗ и инвалидностью имеет значение и для представителей других групп, выделенных по уровню здоровья.

Ощущение утомления проявляется как «нормальное функциональное состояние человека, возникающее в процессе деятельности и характеризующееся появлением усталости, изменением физиологических функций, умеренным снижением работоспособности» [8, с. 36]. В рамках физической реабилитации инвалидов и лиц с ОВЗ под утомлением понимается «сложный психофизический процесс временного снижения работоспособности, вызванный расстройством координационной функции ЦНС в результате работы» [1, с. 110].

Близким по значению является понятие «усталость» – «субъективное ощущение утомления, отражающее совокупность изменений физических, биохимических и психофизиологических функций, возникающих во время длительной или интенсивной работы» [1, с. 80]. Как отмечают ученые, чувство усталости не постоянно соответствует ощущению утомления [2, с. 31 – 33].

Выделяют следующие *виды* утомления: физическое, психическое, психофизиологическое, перцептивное, эмоциональное, когнитивное, сенсорное и др. Крайней формой утомления является *переутомление* – отрицательное психофизическое явление, при котором нарушаются функции организма. «Оно появляется при многократном повторении умственной и физической работы без достаточного отдыха для восстановления работоспособности, когда надвигающееся утомление складывается с остатками утомления от предыдущей работы» [2, с. 32].

Под *сенсорным утомлением* в рамках психофизиологии профессиональной деятельности Н.Д. Левитов понимал «расстройства рецепторов, которые принимали участие в работе. Если человек долго читает без перерывов, то, по его словам, у него начинают “расплываться” в глазах строчки текста. При продолжительном и напряженном слушании, что имеет место, например, при многочисленных совещаниях, теряется нить содержания и смысл излагаемого. Продолжительная ручная работа может привести к ослаблению тактильной и кинестетической чувствительности» [9, с. 223].

Так как предметом данной статьи является рассмотрение сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью, то далее введем определение этого функционального состояния человека. В психофизиологии сенсорное утомление рассматривается как «воздействие прямых или косвенных раздражителей на тело человека путем негативного влияния на сенсорную систему организма» [4, с. 193 – 195].

Рассмотрев определения сенсорного утомления, данные разными учеными, отметим, что это состояние является функциональным для лиц из условно здоровой группы, то есть не вызывает у них изменений в психике и соматике, не приводит к ухудшению самочувствия и нарушениям здоровья, к снижению работоспособности и развитию

нарушений в когнитивных функциях. На лиц с психофизическими нарушениями сенсорное утомление оказывает более значимое влияние, приводит к снижению работоспособности, ухудшению здоровья и развитию хронической усталости. Сенсорное утомление как психофизическое состояние исследовано в трудах зарубежных и отечественных ученых. Однако научных трудов и дискуссий о влиянии сенсорного утомления на психофизическое состояние, работоспособность и когнитивные возможности лиц с разным уровнем здоровья нами не было обнаружено, в связи с чем возникла необходимость провести теоретическое и практическое изучение данного феномена.

Поскольку у лиц с ОВЗ, в том числе в степени инвалидности, могут быть нарушения в том или ином анализаторе или заболевание, приводящее к снижению психофизических возможностей, то сенсорное утомление у них может наступать быстрее, протекать более длительно и зависеть от вида первичного психофизического дефекта. Изучение сенсорного утомления как функционального состояния у лиц с ОВЗ и инвалидностью является актуальным направлением, так как снижение негативных психофизических ощущений и состояний методами психологической работы и педагогического воздействия дает возможность приближения к нормальной жизнедеятельности и улучшения общего самочувствия, состояния здоровья и качества жизни.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических аспектов функционального состояния человека — сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью.

Виды сенсорного утомления можно классифицировать по следующим основаниям.

1. *По типу сенсорной системы*, на которую оказывается сильное воздействие раздражителя или которая больше используется в деятельности и быстрее теряет свою работоспособность: зрительное, слуховое, обонятельное, кинестетическое, вестибулярное, вкусовое, соматосенсорное, двигательное, болевое и т. д.

2. *По силе воздействия раздражителей*: сенсорное утомление может быть слабым, при котором не происходит значимых изменений в психофизиологических системах организма; острое утомление развивается при однократном предельно допустимом воздействии на органы чувств и системы; сильное утомление — переутомление появляется при нарушениях в психофизических системах организма человека, в том числе в сенсорных.

3. *По количеству сенсорных каналов* (органов чувств и проводящих нервных путей), задействованных в деятельности и подвергшихся утомлению: полисенсорное, частичное и моносенсорное. При полисенсорном утомлении отключается большая часть сенсорных систем от восприятия информации из окружающей среды. Подобное состояние может наблюдаться у лиц с аутизмом и другими психоэмоциональными расстройствами. При этом «происходит прекращение *информационного обмена* (курсив наш. — Е. М.) с миром, что в итоге приводит к заточению в мире личных переживаний, “психологической бесплодности” и “шизофренической пустоте”» [3, с. 296].

При частичном сенсорном утомлении человек перестает получать сигналы о состоянии окружающей среды через два и более сенсорных канала. При моносенсорном утомлении прекращает функционировать та сенсорная система, на которую приходится наибольшая нагрузка или которая существенно ограничена.

4. По времени протекания: краткосрочное и длительное сенсорное утомление.

Автор считает, что для лиц с ОВЗ и инвалидностью представляет важность выделение и рассмотрение случаев их сенсорного утомления с учетом уровня работоспособности и возможностей их сохранных сенсорных систем, количества сенсорных каналов, подверженных сенсорному утомлению при осуществлении деятельности, фиксации временных параметров сенсорного утомления и частоты его возникновения.

Для понимания особенностей наступления и протекания сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью необходимо выделить *триггеры*, под воздействием которых запускается этот процесс (табл.).

Триггеры сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью были выделены с учетом их воздействия на разные сенсорные системы человека. Триггеры зрительного напряжения связаны с воздействием света и цвета на зрительный анализатор; триггеры слухового напряжения – с влиянием громких, неприятных и монотонных звуков. Триггеры кинестетического напряжения запускают процесс утомления, когда человек подвергается воздействию негативных факторов на свою кожу и/или тело, а также при ручной работе, соприкосновении с другими людьми и некоторыми предметами. Триггеры обонятельного и вкусового утомления связаны с влиянием неприятных запахов и вкусов на человека, а также проявляются при индивидуальной непереносимости. Триггеры, выделенные автором при проведении опросов и консультаций лиц с психофизическими нарушениями, могут вызвать сенсорное утомление при ухудшении физического и психоэмоционального состояния лица с ОВЗ и инвалидностью, а также при снижении работоспособности соответствующей сенсорной системы человека после длительной нагрузки. Приведенные выше примеры триггеров индивидуальны и могут изменяться в зависимости от наличия и формы психофизического нарушения.

Далее рассмотрим *этапы* (стадии) наступления и *особенности* протекания сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью.

Выделим следующие этапы развития сенсорного утомления.

На *первом этапе* лицо с психофизическими нарушениями ощущает легкую усталость одной или нескольких сенсорных систем (зрительной, слуховой и т. п.). При этом, как отмечают ученые, сенсорное утомление «чаще бывает зрительным, реже слуховым» [7, с. 3]. На этом этапе человек своим волевым усилием или эмоциональным порывом при наличии интереса к деятельности, стимулировании и мотивации может преодолеть эту усталость и продолжить свою деятельности на том же уровне работоспособности. При отказе от совершения волевого усилия может развиваться переутомление одной или нескольких сенсорных систем и начаться общее психофизическое переутомление;

Триггеры сенсорного утомления лиц с ОВЗ и инвалидностью

Зрительное утомление	Слуховое утомление	Кинестетическое утомление	Обонятельное напряжение	Вкусовое напряжение
<p>Мигающий или мерцающий свет</p> <p>Яркие и неоновые цвета</p> <p>Контрастные цвета</p> <p>Контрастное оформление шрифтов, изображений на мониторах ПК и экранах гаджетов</p> <p>Индивидуальная непереносимость одного или нескольких цветов</p> <p>Яркий свет в помещениях</p> <p>Ярко сверкающие объекты (солнце, сварка)</p> <p>Оптические иллюзии (движущиеся, мерцающие), зрительные феномены, 3D-изображения</p> <p>Долгий взгляд на черную точку</p> <p>Просмотр видеофильмов, телевизионных передач, рекламы</p> <p>Деятельность, требующая зрительного напряжения (ювелирное дело, рукоделие, чтение, корректировка текстов, сбор паззлов и др.)</p> <p>Нарушение психофизического и эмоционального состояния</p> <p>Ухудшение работы зрительных анализаторов</p> <p>Другое</p>	<p>Длительное прослушивание музыки</p> <p>Монотонные звуки и музыка</p> <p>Громкие раздражающие звуки (шум от работающей дрели, плач ребенка и т. п.)</p> <p>Звуки от работающей бытовой техники</p> <p>Звуки звонков и сигналы работающих гаджетов</p> <p>Эмоциональное общение</p> <p>Нахождение в помещениях с повышенным уровнем шума (на заводах, в транспорте)</p> <p>Деятельность, связанная с напряжением слуха (работа музыкантом, пение, преподавание)</p> <p>Необходимость внимательного вслушивания в чужую речь (при обучении, в работе психолога)</p> <p>Нарушение психофизического и эмоционального состояния</p> <p>Ухудшения работы слуховых анализаторов</p> <p>Другое</p>	<p>Одежда из искусственных материалов (полиэстера и т. п.) и из колючих тканей (шерсть, материал с добавлением люрекса)</p> <p>Неудобная обувь</p> <p>Длительное воздействие на кожу и тело (массаж, косметические процедуры, солнце и т. д.)</p> <p>Прикосновения или близкие касания других людей</p> <p>Липкая и/или грязная кожа</p> <p>Неудобное положение тела</p> <p>Соприкосновения с неприятными на ощупь поверхностями</p> <p>Сдавливающие объекты на теле (украшения, ремни, шнурки, часы и т. д.)</p> <p>Деятельность, связанная с кинестетическим напряжением (ручная работа, соприкосновение с разными материалами, неудобная поза в ходе работы)</p> <p>Другое</p>	<p>Резкие неприятные запахи</p> <p>Сладкие ароматы</p> <p>Индивидуальная непереносимость определенных запахов</p> <p>Профессиональная деятельность, связанная с обонятельным напряжением (парфюмер, дегустатор, работник химического производства и т. д.)</p> <p>Нарушение психофизического и эмоционального состояния</p> <p>Ухудшение работы обонятельных анализаторов</p> <p>Другое</p>	<p>Неприятные вкусы</p> <p>Индивидуальная непереносимость определенных вкусов</p> <p>Профессиональная деятельность, связанная с вкусовым напряжением (повар, дегустатор и т. п.)</p> <p>Нарушение психофизического и эмоционального состояния</p> <p>Ухудшение работы вкусовых анализаторов</p> <p>Другое</p>

На *втором этапе* сенсорное утомление нарастает и параллельно проявляются другие виды утомления (когнитивное, профессиональное, психическое, физическое и т.д.). Лицо с ОВЗ и инвалидностью прилагает большие усилия для поддержания активности и работоспособности своих сенсорных систем, внимания, возможности управления своей деятельностью, расходует психофизические ресурсы в повышенном количестве.

На *третьем этапе* сенсорное утомление развивается на фоне чрезмерного напряжения сенсорных систем и в форме общего переутомления. Человек может ощущать болевые реакции (боль в глазах, головная боль, кожные реакции и т.п.); продолжение деятельности становится невозможным; психофизические и эмоциональные ресурсы истощены; требуется сенсорная разгрузка и отдых.

Сенсорное утомление может проявляться у лиц с разным уровнем здоровья и психофизическими нарушениями разных нозологических групп: с расстройствами аутистического спектра (РАС), синестетов, с психоэмоциональными расстройствами (депрессией, состоянием острого стресса, шизофреническим синдромом и т.п.), с сенсорной инвалидностью (по зрению, слуху и т.д.), с физической инвалидностью, с пониженным уровнем здоровья и из условно здоровой группы.

Далее рассмотрим *особенности* протекания сенсорного утомления у лиц с разным уровнем здоровья.

При изучении сенсорного утомления его проявления чаще всего изучают у детей и взрослых людей с РАС (синдромом Аспергера, синдромом Ретта, атипичным аутизмом, синдромом Каннера и др.). У лиц с РАС может наблюдаться сенсорная перегрузка или переутомление, при которых должно быть устранено или снижено воздействие раздражителей на один или несколько органов чувств, что «приводит к снижению передачи нервных импульсов в центральную нервную систему» [11, с. 244]. Лица с РАС, а также с другими психоэмоциональными нарушениями и синдромами часто испытывают негативные ощущения, у них ухудшается самочувствие, возникают болевые и психоэмоциональные реакции при воздействии различных внешних раздражителей (света, шума, цвета, поверхностей, прикосновений) даже невысокой интенсивности. Сенсорное переутомление у них развивается быстрее, чем у лиц с нарушениями в здоровье других нозологических групп, и не проходит без применения специальных мер снижения воздействия сенсорных раздражителей.

Для преодоления сенсорной перегрузки у лиц с РАС могут использоваться методы *сенсорной депривации*, при которой значительно снижается восприятие поступающей информации путем временного прекращения воздействия на органы чувств того или иного внешнего раздражителя. В терапии расстройств аутистического спектра для снижения сенсорного утомления применяются следующие виды сенсорной депривации:

- комнаты сенсорной разгрузки;
- сенсорные гнезда, туннели, яйца, мешки;

- средства сенсорной депривации (наушники, темные очки и др.);
- утяжеленные постельные принадлежности и предметы одежды.

Все это способствует процессу получения и обработки информации от органов чувств с пониженной интенсивностью, дает возможность снижения сенсорной нагрузки и отдыха отдельных органов чувств, что улучшает психофизическое самочувствие, стабилизирует поведенческие реакции и повышает настроение у лиц с РАС и другими психоэмоциональными расстройствами.

Отметим, что лица, находящиеся в условиях сенсорной депривации длительное время, развиваются в условиях обедненной среды, не испытывают влияния части раздражителей на органы чувств и получают недостаточный опыт в развитии сенсорных систем. Подобное влияние на развитие человека оказывают и другие виды депривации (социальная, эмоциональная, когнитивная и т. д.), из-за чего у него ухудшается психоэмоциональное состояние, общее когнитивное развитие и социальная адаптация. Это явление в ряде источников называется параутизмом.

Сенсорное утомление — один из распространенных симптомов расстройств аутистического спектра. Оно протекает обычно в форме резкого и сильного утомления одной или нескольких сенсорных систем и снимается у лиц с РАС путем применения специальных средств. Сенсорное утомление является тяжелым состоянием, отрицательно влияющим на психофизическое самочувствие и эмоциональное состояние детей и взрослых с РАС. Для лиц с РАС и другими психоэмоциональными расстройствами разработаны методы и подходы к снижению сенсорной нагрузки, используются специальные предметы. Проявления сенсорного утомления и его влияние на жизнедеятельность человека широко изучены среди лиц с РАС.

Наличие ответных реакций и сильного психологического дискомфорта при внешних воздействиях может быть симптомом аутизма, но может относиться и к другим психоэмоциональным расстройствам или быть самостоятельной реакцией, проявляться при повышенной нагрузке и усталости у лиц с ослабленным здоровьем. Сенсорное утомление того или иного вида и в различных степенях не является основным симптомом для выявления у человека расстройств аутистического спектра и других психоэмоциональных нарушений, это одно из функциональных состояний, которое может сопутствовать тем или иным заболеваниям и психофизическим состояниям.

У лиц с *синестезией* сенсорное утомление наступает и развивается во многих случаях, что обусловлено особенностями их восприятия. Синестезия как смешанный тип восприятия функционирует при попадании нервных импульсов при зрительном, слуховом, вкусовом, обонятельном и осязательном контакте в два и более расположенных рядом отдела головного мозга человека. В связи с этим синестезия бывает графемно-цветовой, слухо-цветовой, кинестетико-цветовой, акустико-тактильной и др.

Синестезия как психический процесс, связанный с особой организацией перцепции, встречается у небольшой части людей (от 1 до 4,4 %, по данным одних авторов [12], от 2 до 5 %, по данным других [13]; есть также данные о 7 % синестетов среди студентов художественных вузов [10]).

Сенсорное утомление может развиваться у синестетов в нескольких сенсорных системах или в одной ведущей в процессе восприятия. Как показывает опыт автора в области психологического консультирования, при графемно-цветовой синестезии человек может нуждаться в изменении цветовой схемы мониторов компьютеров и экранов гаджетов с обычной (белый фон и черные знаки) на обратную (черный фон и белые знаки) или в другом оформлении, иначе запускается процесс развития сенсорного утомления зрительной системы. При обращении синестетов к врачам с жалобами на психофизические проявления сенсорного переутомления и ухудшение самочувствия в связи с этим им часто ставят диагнозы: расстройства аутистического спектра и шизофренические синдромы. Однако сенсорное утомление является частым проявлением при синестезии и не требует лечения или коррекции, а также не является отдельным симптомом того или иного психоэмоционального расстройства.

У лиц с *сенсорной инвалидностью*, при которой нарушено функционирование зрительной, слуховой и других систем организма, сенсорное утомление наступает и развивается быстрее и приводит к снижению работоспособности и ухудшению психофизического состояния в более сильной степени, чем у лиц с другими видами нарушений. Сенсорное утомление у лиц с нарушениями зрения, слуха и других видов восприятия развивается прежде всего из-за нарушенных органов чувств при наличии остаточных возможностей их использования; в других случаях при полной утрате работоспособности органов восприятия и сенсорных систем возникает утомление компенсаторных перцептивных систем. Например, при полной потере зрения компенсаторной системой является слуховая; частично восприятие окружающей действительности при этом виде нарушения распределяется на тактильную сенсорную систему. В этом случае чаще наступает сенсорное утомление слуховой системы, которое может со временем негативно отразиться на ее работоспособности.

Переутомление у лиц с сенсорной инвалидностью развивается быстрее за счет частичного снижения или полной утраты работоспособности одного или нескольких органов восприятия.

У лиц с *физическими нарушениями* (заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА), ДЦП, врожденными патологиями, приобретенными травмами и др.) сенсорное утомление может возникать чаще, чем у условно здоровых лиц, вследствие физической слабости, ограничений мобильности и сниженных психофизических возможностей. У лиц с нарушениями ОДА общая усталость развивается достаточно быстро и физическое утомление при двигательной активности переходит в психологическую и сенсорную утомленность.

Также у лиц с ОВЗ и инвалидностью может появляться близкий по симптоматике функциональному состоянию сенсорного утомления *гиперастенический синдром*. При этом человек реагирует на внешние раздражители «с повышенной возбудимостью, раздражительно, плохо переносит яркий свет, шум, громкие звуки» [5, с. 147]. Астения как психоневротический синдром сопровождает многие заболевания и психофизические состояния, вызывая в том числе и непереносимость одного или нескольких внешних раздражителей при их низкой или средней степени воздействия на человека с нарушениями здоровья. Однако астения и формы ее синдромов выделяются в отдельный класс заболеваний. Сенсорное утомление — это обратная психофизическая реакция на воздействие внешних раздражителей на перцептивные системы человека, которая необязательно проявляется как отдельный симптом того или иного заболевания и не является самостоятельным нарушением здоровья. При этом физическое состояние человека и его психические ресурсы влияют на вероятность развития и степень проявления у него сенсорного утомления.

Возникновение и развитие сенсорного утомления у *условно здоровых* лиц изучается в рамках психофизиологии, в том числе в области психофизиологии профессиональной деятельности, при определении воздействия внешних раздражителей (света, цвета, шума, температуры, вибрации и т.п.) на организм человека и уровень его работоспособности.

Сенсорное утомление и переутомление у лиц с нормальным уровнем здоровья возникает при длительном воздействии раздражителей в выше средней и высокой степени (при долгом прослушивании громкой музыки, нахождении в помещении с ярким освещением или на солнце), при сильном эмоциональном воздействии (эмоциональный разговор, длительный плач, ссора), в экстремальных ситуациях, при осуществлении профессиональной деятельности, сопровождаемой воздействием сенсорных раздражителей (длительная ручная работа, вычитывание текста при корректорской работе, прослушивание звукового материала), при когнитивной деятельности (чтении, счете, письме), сопровождаемой воздействием внешних раздражителей (шумом от строительным и ремонтных работ, звуками музыки, телевизора, голосов и т.д.), при заболеваниях органов восприятия (отите, конъюнктивите и т.п.) и в других случаях. При воздействии звуковых раздражителей на условно здорового человека может развиваться сенсорное звуковое утомление и временное невосприятие звуков и голосов людей; в случаях длительного воздействия на слуховую сенсорную систему могут ухудшиться состояние здоровья и появиться заболевания органов чувств.

Сенсорное утомление — это заметное для субъекта функциональное состояние, частое возникновение которого может являться симптомом развития того или иного заболевания и психофизического нарушения сенсорной системы, а также одним из проявлений синдрома хронической усталости и гиперастенического синдрома.

Симптомы сенсорного утомления можно разделить на физические и психоэмоциональные (рис.).

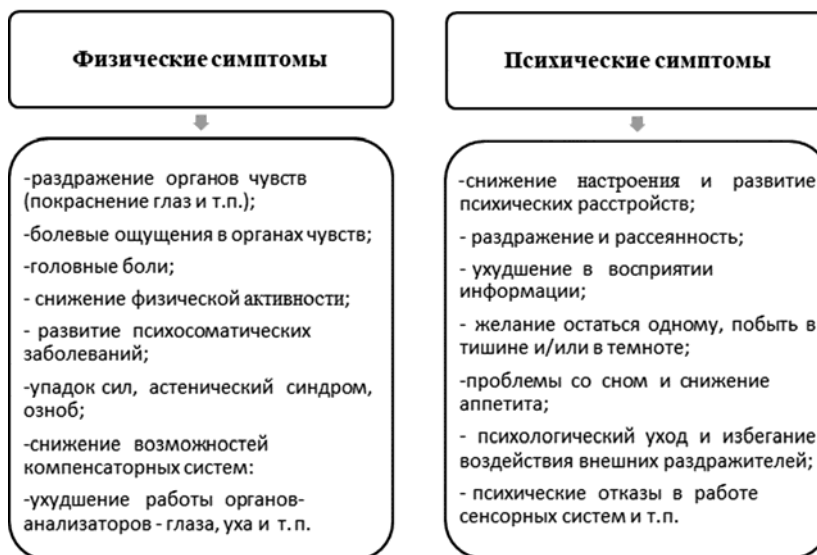

Рис. Симптомы сенсорного утомления

Проявление данных и других симптомов сенсорного утомления и степень их влияние на состояние человека зависят от его уровня здоровья и индивидуальных особенностей. Например, как отмечают ученые, симптомами сенсорного утомления от «чрезмерного или слишком продолжительного шума могут быть повышение артериального давления, учащение сердцебиения, расширение зрачков, головокружение и даже психические срывы речи, заикания» [6, с. 18].

К последствиям сенсорного утомления и переутомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью можно отнести:

- снижение возможностей остаточной работы анализаторных систем и ресурсов компенсаторных систем организма;
- необходимость сенсорной нагрузки, в том числе с применением специальных средств и подходов;
- дестабилизацию психоэмоционального состояния, нарушения сна, психологический уход и постоянную потребность в уединении;
- развитие нарушений в восприятии и в обработке информации;
- ухудшение общего состояния здоровья и развитие хронических заболеваний органов чувств;
- развитие синдрома хронической усталости;
- кратковременное или длительное снижение работоспособности в ходе профессиональной деятельности, повышение вероятности ошибочных действий, появления брака в изделиях и аварий;
- нарушение процессов социальной адаптации, обучения, коммуникации с окружающими людьми и др.

Сенсорное утомление как функциональное состояние человека изучается преимущественно в областях психофизиологии, психофизи-

зиологии профессиональной деятельности, психологии труда и др. Проведя обобщение и анализ теоретических аспектов сенсорного утомления, сформировав классификацию, рассмотрев основные виды и выбрав триггеры, запускающие это состояние у лиц с ОВЗ и инвалидностью, автор обращает внимание на важность изучения проявлений сенсорного утомления, разработку практических методов его исследования и подходов к снижению этого состояния и предотвращению развития его симптомов у лиц с нарушениями здоровья. Понижение общей работоспособности и возможностей сенсорных систем к восприятию окружающей действительности, снижение когнитивных функций (внимания, памяти, мышления), нарушения в психоэмоциональном состоянии человека, развитие астенического синдрома, синдрома хронической усталости и других психосоматических заболеваний могут являться следствиями сенсорного утомления у человека с ОВЗ и инвалидностью и вызывать опасения за ухудшение работы его сохранных сенсорных систем и здоровья в целом. Предотвращение возникновения и развития этого состояния у лиц с ОВЗ и инвалидностью должно привести к повышению эффективности трудовой деятельности и жизнедеятельности в целом.

Рассмотренные теоретические аспекты сенсорного утомления как функционального состояния человека отражают специфику его появления и развития у лиц с ОВЗ и инвалидностью. Как было отмечено выше, сенсорное утомление может возникать у лиц с разным уровнем здоровья, в том числе и у условно здоровых лиц, при определенных условиях. Поэтому выделенные особенности и компоненты сенсорного утомления можно рассматривать как общее теоретическое описание данного состояния и использовать в его практическом изучении. Представленные теоретические положения и выделенные классификации сформированы на основании практического опыта автора в психологическом консультировании лиц с РАС, синестезией, другими видами психоэмоциональных расстройств, ограничениями возможностей здоровья и инвалидностью разных нозологических групп, а также научных трудов отечественных и зарубежных ученых.

В качестве дальнейших перспектив изучения состояния сенсорного утомления у лиц с ОВЗ и инвалидностью автор видит исследование и анализ качественных и количественных характеристик проявлений сенсорного утомления, его практических аспектов и выделение психолого-педагогических методов и подходов к снижению сенсорного утомления у лиц с психофизическими нарушениями.

Список литературы

1. Дубровский В. И., Дубровская А. В. Физическая реабилитация инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья : учебник для высш. и сред. учеб. заведений по физич. культуре. М., 2010.
2. Илюшин О. В., Сунгатуллин А. Р. Утомление и переутомление, их признаки и меры предупреждения // Наука и образование: новое время. 2009. №6. С. 31–33.

3. *Кемпинский А.* Психология шизофрении. СПб., 1998.
4. *Колмыков А. В., Колмыкова М. А.* Физическая культура в профилактике утомления. // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». СПб., 2019. С. 193–195.
5. *Кофанова В. С.* Клинические аспекты астенического синдрома. Частота встречаемости астенического синдрома у разных возрастных групп // Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины : матер. 75-й открытой науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов ВолгГМУ. Волгоград, 2017. С. 146–149.
6. *Павлова Е. Л.* Профилактика и рекомендации при невротических расстройствах и переутомлении. // Региональный вестник. Курск, 2018. С. 16–18.
7. *Пизова Н. В.* Утомляемость, астения и хроническая усталость. Что это такое? // *Consilium Medicum*. 2012. Т. 14, №2. С. 1–5.
8. *Редько А. В., Бачериков Е. Л., Камскова Ю. Г.* Исследования утомления у студентов в процессе учебной деятельности // Вестник ЮУрГУ. 2008. №19. С. 36–37.
9. *Рыбников О. Н.* Психофизиология профессиональной деятельности : учебник для студ. учреждений высш. образования. М., 2014.
10. *Сидоров-Дорсо А. В.* Синестезия естественного развития в рамках теории о способностях: анализ современных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, №2. С. 173–180.
11. *Спинко Ю. В.* Сенсорная депривация: последствия и профилактика // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : матер. VI Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2017. С. 244–245.
12. *Cytowic R. E.* Synesthesia: A Union of the Senses. 2nd ed. Cambridge, 2002.
13. *Simmer J., Holenstein E.* Ordinal Linguistic Personification as a Variant of Synesthesia // *Journal of Cognitive Neuroscience*. Massachusetts Institute of Technology. 2007. Vol. 19, № 4. P. 694–703.

Об авторе

Екатерина Владимировна Михальчи – ст. преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: missi-ice@rambler.ru

The author

Ekaterina Mikhalchi, lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: missi-ice@rambler.ru

С. П. Елшанский, О. С. Ефимова

**ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ
В СТРУКТУРЕ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА**

104

Диагностическое мышление является важной составляющей профессионального мышления многих профессий, в частности профессии педагога-психолога. Целью исследования было выявление места и роли различных мыслительных операций в структуре диагностического поиска педагога-психолога. В работе показано, как когнитивные операции используются педагогом-психологом в рамках диагностического алгоритма, установлено место этих операций на различных этапах диагностики. Определено, какие операции наиболее важны для каждого из этапов диагностического алгоритма. Сделаны выводы о том, что операции мышления (такие, как анализ, синтез, аналогия, обобщение, сравнение и др.) занимают важнейшее место в диагностическом процессе, выступают необходимыми компонентами диагностического мышления; что сформированность профессионального операционального мышления педагога-психолога является основой его успешной диагностической деятельности. При этом педагогу-психологу для возможности успешной профессиональной диагностики также необходимы формирование системы категориальных моделей диагностируемого, умение проводить анализ своих диагностических ошибок и представления о категориальных моделях типичных диагностических ошибок. Специальная подготовка педагогов-психологов в аспекте развития диагностического мышления, в частности развития необходимых для эффективной диагностики мыслительных операций, представляется необходимой составляющей их обучения и позволит повысить эффективность их будущей профессиональной деятельности.

Diagnostic thinking is a vital professional component of many occupations, in particular, of a teacher-psychologist. The purpose of the study was to identify the place and role of various mental operations in the structure of diagnostic search carried out by a teacher-psychologist. The article explores cognitive operations used by a teacher-psychologist within the framework of a diagnostic algorithm. These operations are differentiated for various stages of diagnosis; their priorities are established. It is determined which operations are most important for each of the stages of the diagnostic algorithm. Mental operations (such as analysis, synthesis, analogy, generalization, comparison, etc.) are important for the diagnostic process and can be necessary components of diagnostic thinking. Comprehensive professional operational thinking of a teacher-psychologist is the basis of successful diagnostic activities. As for successful professional diagnostics, a teacher-psychologist also needs a system of categorical models of the diagnosable, the ability to analyze their diagnostic errors and ideas about categorical models of typical diagnostic errors. Special training in diagnostic thinking, in particular, the development of mental operations, which are necessary for teachers-psychologists to carry out effective diagnostics, is an essential component of their training and will increase the efficiency of their professional performance.

Ключевые слова: диагностическое мышление педагога-психолога, операциональное мышление в диагностике, диагностический поиск, диагностический алгоритм.

Keywords: diagnostic thinking of a teacher-psychologist, operational thinking in diagnostics, diagnostic search, diagnostic algorithm.

Введение

Диагностическое мышление необходимо специалистам разных профессий – врачам [1; 2], учителям [3; 4], инженерам [5], психологам [6]. Педагоги-психологи здесь не являются исключением. Однако вопросам требований к их диагностическому мышлению и возможностей развития такого мышления в современной научной литературе пока уделяется не слишком большое внимание, хотя отдельные работы на эту тему и присутствуют [7].

Требования к работникам образования в современном мире постоянно возрастают. Современный педагог-психолог должен обладать множеством компетенций [8–10]. Одной из важнейших компетенций при этом является диагностическая компетенция. В основе диагностической компетенции лежит профессиональное диагностическое мышление, которое можно рассматривать как совокупность различных мыслительных действий (операций), приводящих в итоге к постановке диагноза. Представляется интересным рассмотреть, какие мыслительные операции и как задействованы в рамках диагностического мышления, соответственно, сформированность каких элементов операционального мышления необходима современному педагогу-психологу.

105

Операциональное мышление в структуре диагностического мышления

Входят ли мыслительные операции в диагностическое мышление? Вопрос представляется риторическим. Диагностическое мышление представляет собой сложный когнитивный процесс, предполагающий этапность, необходимые диагностические рассуждения и принятие диагностического решения. Очевидно, что мыслительные операции, такие как анализ, синтез, обобщение и другие, являются неотъемлемой частью диагностического мышления. Представляется важным рассмотреть задействованность различных операций мышления на разных этапах диагностических алгоритмов, отражающих процесс принятия диагностического решения диагностом педагогом-психологом. Также в рамках диагностического процесса задействованы и операции (субпроцессы) других когнитивных функций, в частности памяти, восприятия и внимания. Так, для сравнения диагностической информации с эталонными когнитивными моделями, например, трудностей в обучении или нарушений поведения ребенка педагогу-психологу необходимо не только хранение таких моделей (в медицинской диагностике часто называемых хрестоматийными образами [1; 2; 11]) в памяти, но и эффективное вспоминание их на нужном этапе диагностического процесса, актуализация в сознании.

Какие мыслительные операции нужны для диагностики? Если рассматривать операцию как единицу деятельности или как определяемый условиями наличной ситуации способ выполнения действия [12, с. 217] в общем случае, то применительно к когнитивным процес-

сам, в частности к мышлению, операция выступает как специфический элемент когнитивной (мыслительной, в случае мышления) деятельности, способ, которым это действие осуществляется. Совокупность мыслительных операций определяет операциональное мышление. Наиболее значимыми операциями выступают анализ, синтез, обобщение, классификация, аналогия и др.

Какие операции используются в рамках диагностического алгоритма, диагностического процесса в рамках диагностической работы педагога-психолога? Во-первых, это операция анализа. Анализ заключается в выделении частей из целого, членении целого на части. Он является необходимой составляющей мышления, включен во все акты познавательного взаимодействия с миром [12, с. 14] и у человека осуществляется в основном на уровне оперирования понятиями. В рамках диагностического процесса педагога-психолога операция анализа задействуется уже на этапе получения диагностического запроса. Осмысляя запрос, диагност выделяет (вычленяет) в нем значимые для диагностики элементы. Анализ — необходимая база для осуществления операции сравнения (как логической операции мышления), он позволяет выделить значимые в плане сравнения элементы анализируемого. Синтез также выступает обязательным элементом познания, он заключается в мысленном воссоединении целого из частей, соединении элементов в целое. Синтез неразрывно связан с анализом, взаимодополняет его [12, с. 322–333]. В рамках диагностического мышления синтез в первую очередь задействован в рамках выдвижения гипотезы, по элементам имеющейся информации («симптомам») диагност синтезирует гипотезу (как предполагаемый «синдром»), соединяя эти элементы в целое. Операция аналогии позволяет выявить сходство между объектами в некотором соотношении [12, с. 16]. Использовании аналогии создает основу для выдвижения гипотез, порождения догадок. Часто в основе аналогии лежит актуализация ассоциаций [Там же]. Таким образом, если рассматривать ассоциацию (как связь между психическими объектами, определяемую актуализацией одного элемента в сознании при актуализации другого в рамках какого-либо процесса [12, с. 24]), точнее, актуализацию ее в сознании, как особую операцию, то эта операция может быть составляющей операции аналогии. При этом возможен и целенаправленный (логический) поиск аналогий [12, с. 16]. Аналогия (наряду с анализом и синтезом) позволяет установить сходство наблюдаемого с когнитивными эталонами диагностических категорий, которые хранятся в памяти диагноста или рассматриваются им на основе классификационных справочников. Операция обобщения позволяет диагносту по конкретным признакам осознать принадлежность диагностируемого к какой-то общей категории (например, известной типологии и т. п.), отразить общие признаки. Понимание как постижение смысла и значения чего-либо [12, с. 250] мы также можем рассматривать в аспекте мыслительных операций. Понимание очевидно необходимо в диагностической деятельности. Нужно понять, осмыслить диагностический запрос, осмыслить в плане диагностики имеющуюся ди-

агностическую информацию, в случае диагностической ошибки — определить, почему эта ошибка была допущена. Диагностический выбор (в случае наличия альтернатив) также можно рассматривать как специфическую операцию. В реальной диагностической деятельности не всегда возможно четкое, абсолютное и однозначное решение, существует определенная диффузность, размытость, нечеткость, неясность, в условиях которой и осуществляется диагностическая деятельность, поэтому выбор как оценка вероятности альтернатив и принятие диагностического решения в условиях недостаточной четкости также выступает важным элементом диагностического мышления. Диагност взвешивает все «за» и «против» и принимает решение.

Диагностический алгоритм в аспекте операционального мышления

Рассмотрим примерный диагностический алгоритм в аспекте возможного использования операционального мышления и того, какие мыслительные операции (а также когнитивные механизмы других когнитивных процессов, в частности памяти) в первую очередь задействуются на разных этапах этого алгоритма (табл. 1). На то, как действуют диагностические алгоритмы в рамках диагностического мышления, существуют различные взгляды [1; 2]. Часто эти алгоритмы являются в значительной степени неполными, допускают определенную примитивизацию реальной диагностической деятельности, например, не учитывают то, что некоторые этапы в реальности осуществляются одновременно, а не строго последовательно. В данном случае мы рассмотрим алгоритм, который представляется достаточно подробным и, по нашему мнению, в значительной мере отражающим реальный диагностический процесс. Представленную таблицу мы для наглядности разбили на несколько частей, а обозначение столбцов выделили отдельно.

При получении диагностического запроса очевидно необходимо понимание, осмысление этого запроса, если диагност не поймет запрос или поймет его неточно, то весь процесс последующей диагностики будет неправильным или осуществится с ошибками. Поэтому правильное, полное и точное понимание диагностического запроса — важнейший компонент диагностического процесса. У опытного диагноста в памяти хранится информация о предыдущих диагностических случаях, поэтому получение диагностического запроса сразу задействует механизмы аналогии и ассоциации с этими случаями, при этом если диагност находит аналогию с каким-то из предыдущих случаев, то у него возникают и идеи по поводу гипотез текущего случая, так же по аналогии с гипотезами уже проведенного ранее диагностического процесса. Очевидно, что, получив запрос, диагност также «включает» (особенно в случае «сложного», развернуто сформулированного диагностического запроса) операцию анализа — выделяет в запросе значимые для диагностики компоненты, расчленяет запрос на составляющие (если это возможно) и т. п.

Таблица 1

Примерная схема алгоритма диагностического мышления

Этап диагностики	Задействованные (основные) когнитивные операции (и когнитивные механизмы)	Возможные переходы на другие этапы после осуществления данного (номера этапов)	Варианты алгоритмических переходов или дополнительные процессы. Другие комментарии
1. Получение диагностического запроса	Понимание, осмысление, аналогия, ассоциация, анализ, сравнение	2, 4	В случае отсутствия диагностических идей на этапе получения запроса – переход к этапу 4
2. Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти)	Вспоминание, аналогия, ассоциация, сравнение	3, 4	В случае отсутствия в памяти (или возможности получения извне) диагноста системы когнитивных моделей диагностируемого возможны отказ от диагностики, решение о невозможности диагностики. Можно предположить, что сравнение полученной в запросе диагностической информации с имеющимися эталонами (хрестоматийными образцами) начинается уже на данном этапе
3. Первичная гипотеза (гипотезы) на основании запроса	Аналогия, обобщение, синтез, анализ, выбор	4, 7, в определенных случаях (если требуется актуализировать дополнительные модели, например) происходит возврат на этап 2	Если диагност может выдвинуть полноценную гипотезу уже на основе запроса – переход на этап 7
4. Решение о необходимости изучения дополнительной информации	Анализ, синтез, аналогия, выбор	5, отказ	В случае идей о невозможности существования информации, необходимой для принятия диагностического решения, возможен отказ от диагностики
5. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации	Анализ, синтез, сравнение, аналогия, ассоциация, оценивание, обобщение, понимание, сравнение	5–6, отказ	Этапы 5 и 6 осуществляются одновременно, параллельно. В случае идей о невозможности существования информации, необходимой для принятия диагностического решения, возможен отказ от диагностики

Продолжение таблицы 1

Этап диагностики	Задействованные (основные) когнитивные операции (и когнитивные механизмы)	Возможные переходы на другие этапы после осуществления данного (номера этапов)	Варианты алгоритмических переходов или дополнительные процессы. Другие комментарии
6. Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти или при помощи справочников)	Вспоминание, аналогия, ассоциация, сравнение	5–6, 7, отказ	В случае отсутствия в памяти (или возможности получения извне) диагноста системы когнитивных моделей диагностируемого – отказ от диагностики, решение о невозможности диагностики. В случае наличия (например, в формате справочника или интеллектуальной автоматизированной платформы и т.п.) перечня возможных диагнозов, но при отсутствии у диагноста навыков (умений) выбора из такого перечня подходящих (не задействуются механизмы аналогии, ассоциаций и анализа) – решение последовательным перебором всех возможных диагнозов. В случае идей о невозможности соотнести существующую информацию с когнитивными моделями диагностируемого возможен отказ от диагностики
7. Выдвижение полноценной гипотезы или гипотез	Синтез, выбор	8, отказ (нужно отметить, что выдвижение гипотез во многом осуществляется параллельно этапам 5 и 6. Хотя в каких-то конкретных случаях может и строго следовать им)	В случае идей о невозможности на основе анализа информации выдвинуть полноценную гипотезу возможен отказ от диагностики

Продолжение таблицы 1

110

Этап диагностики	Задействованные (основные) когнитивные операции (и когнитивные механизмы)	Возможные переходы на другие этапы после осуществления данного (номера этапов)	Варианты алгоритмических переходов или дополнительные процессы. Другие комментарии
8. Проверка гипотезы (гипотез)	Анализ, сравнение, оценивание	9, 7 или 4 (в случае неподтверждения гипотезы или всех из нескольких выдвинутых гипотез), 11 (в случае подтверждения гипотезы или одной из выдвинутых гипотез), отказ	<p>В случае идей о невозможности на основе анализа информации проверить выдвинутую полноценную гипотезу (гипотезы – при одновременном выдвижении нескольких) возможен отказ от диагностики.</p> <p>В случае неподтверждения гипотезы или всех из нескольких выдвинутых гипотез – переход или к анализу ошибок, или к решению о необходимости дополнительного изучения информации, или к выдвижению новой гипотезы (в последнем случае очевидно, что анализ ошибок здесь присутствует, но фактически «свернут»).</p> <p>При подтверждении гипотезы или одной из выдвинутых гипотез – переход к принятию окончательного диагностического решения</p>
9. Актуализация когнитивных моделей диагностических ошибок	Вспоминание, аналогия, сравнение	10, 4	<p>В случае отсутствия таких моделей, но при наличии идей о необходимости анализа ошибки – возможен сразу переход к этапу 10 (с 8-го этапа).</p> <p>В случае отсутствия понимания необходимости анализа ошибки – сразу возврат к этапу 4 или отказ от диагностики (решение о невозможности поставить диагноз)</p>

Этап диагностики	Задействованные (основные) когнитивные операции (и когнитивные механизмы)	Возможные переходы на другие этапы после осуществления данного (номера этапов)	Варианты алгоритмических переходов или дополнительные процессы. Другие комментарии
10. Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)	Анализ, синтез, аналогия, обобщение, понимание, сравнение	4	В случае отсутствия знаний о возможных ошибках такой анализ будет осуществляться на основе субъективного понимания диагностом этих ошибок, на основе аналогий с диагностикой в других областях. При понимании того, какую дополнительную информацию нужно изучить для выдвижения правильной гипотезы, – переход к этапу 4. В случае понимания ошибки и отсутствии необходимости изучения дополнительной информации – переход к этапу 5. При невозможности выявления ошибки возможен отказ от диагностики, решение о невозможности постановки диагноза в данной ситуации, на основе имеющейся информации, о необходимости дополнительных исследований и т. п.
11. Утверждение диагноза (принятие диагностического решения)	Выбор (как когнитивная операция)		–

Уже на этапе (точнее, после) получения запроса возможна актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти диагноста) (особенно если запрос сформулирован развернуто и уже содержит определенную информацию, которая позволяет сделать те или иные диагностические предположения). В этот момент задействуются операции вспоминания, актуализации в сознании диагноста из памяти ранее запомненных диагностических категорий (моделей), одновременно используются такие механизмы операционального мышления, как ана-

логия, ассоциация, сравнение, — диагност, вспоминая необходимые хрестоматийные модели диагностируемого, сразу сопоставляет их ассоциативно или логически с информацией диагностического запроса. В случае успеха этого сопоставления уже на основе информации диагностического запроса диагност может выдвинуть первичную гипотезу или несколько предварительных возможных гипотез. При этом операциональное мышление также задействовано. Диагност ищет аналогии с ранее проведенными или известными ему диагностическими случаями, проводит обобщение, анализ и синтез информации запроса (если формулировка этого запроса позволяет это сделать), чтобы «уложить» эту информацию в рамки вспомненных или вспоминаемых категорий хрестоматийных моделей диагностируемого, затем производит выбор (на основе осуществленного анализа) — промежуточное диагностическое решение о том, на какой этап диагностического процесса он должен перейти: изучать дополнительную информацию, сразу выдвинуть диагностическую гипотезу на основе предварительной (сделанной на основе запроса). Также возможно решение об отказе от дальнейших попыток поставить диагноз в случае, если диагност понимает, что при данном запросе диагностика в существующих условиях невозможна, например если запрос сформулирован некорректно и т. п.

Изучение дополнительной информации (переход на данный этап можно рассматривать как приоритетный в рамках «обычного» диагностического процесса, ведь информация запроса обычно крайне ограничена и лишь в редких случаях позволяет сразу выдвинуть необходимые предположения) очевидно задействует множество различных функций операционального мышления. Это анализ, синтез, сравнение, аналогия, ассоциация, оценивание, обобщение, понимание, сравнение, которые осуществляются в рамках работы диагноста с имеющейся диагностической информацией. Одновременно происходит актуализация дополнительных когнитивных моделей диагностируемого (из памяти диагноста или на основе обращения к справочной информации о категориях и классах диагностируемого) — ведь дополнительная информация очевидно расширяет спектр возможных категорий, которые потенциально могут выступить в качестве гипотезы. При этом снова «работают» когнитивные операции вспоминания, аналогии, ассоциации, сравнения.

По результатам описанной деятельности производится выдвижение «полноценной» (в аспекте опоры на максимальное количество изученной информации) рабочей гипотезы (или гипотез). Очевидно, что это происходит не точно после предыдущих двух этапов (в первую очередь после этапа изучения информации), а параллельно им и одновременно выступает их итогом. При этом активны операции синтеза, который позволяет объединить элементы изученной информации (выявленные «симптомы») в закономерное целое, рассматриваемое как «синдром», и выбора, помогающего отвергнуть заведомо неверные предположения (варианты гипотез) и найти потенциально достоверные (вероятные). На данном этапе также могут быть задействованы обобщение, анализ, аналогии, сравнение и другие операции. Далее происходит проверка

гипотезы (или гипотез — если диагност выдвигает сразу несколько вероятных альтернатив). Проверка может осуществляться практикой дальнейшего наблюдения или дальнейшего исследования (используются операции сравнения, оценивания), в каких-то случаях — подтверждением внешним экспертным мнением (здесь участвуют операции сравнения и оценивания) (вопрос подтверждения диагностической гипотезы крайне важен и во многом дискуссионен, в частности в аспекте возможности такого подтверждения на основе дополнительного экспертного мнения, тем не менее подтверждение гипотезы не является неким абсолютом и всегда содержит вероятность как ошибочного принятия неверной гипотезы, так и ошибочного отвержения верной). В случае подтверждения происходит утверждение диагноза (принятие диагностического решения), и механизмы принятия решения (диагностического решения) также можно рассматривать в плане операциональной когнитивной деятельности.

Представляется важным при неподтверждении выдвинутой гипотезы наличие в диагностическом алгоритме (процессе) этапа анализа своей ошибки диагностом. Хотя в реальности чаще всего такой анализ не проводится, поэтому диагност может сделанную ошибку (но уже в каком-то другом формате) повторить. Таким образом, представляется, что анализ диагностической ошибки делает диагностический процесс более продуктивным, особенно при наличии у диагноста навыков анализа таких ошибок и знаний об их видах. Если у диагноста присутствуют хрестоматийные образы (когнитивные модели) диагностических ошибок (по крайней мере типичных ошибок; исследования по выявлению и классификации таких ошибок в диагностической работе педагога-психолога уже ведутся [13]), то при анализе сначала происходит актуализация таких моделей. При этом очевидно задействуются операции вспоминания, аналогии и сравнения. Если хрестоматийных образов ошибок у диагноста нет, то при анализе причин неподтверждения выдвинутой гипотезы он руководствуется имеющимися общими представлениями об ошибках (нарушении логики, упущения в информационном поиске и т.п.). Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез) задействует операции анализа (выделение значимых для понимания ошибки элементов), синтеза (соединение «симптомов» ошибки в «синдром»), аналогии, сравнения (с ранее сделанными и проанализированными ошибками), обобщения (для нужного сопоставления конкретного случая ошибки с имеющимися типологиями диагностических ошибок [13]), понимания (например, осмысления того, как и почему была сделана ошибка). После анализа ошибки диагност «возвращается» к изучению информации или (в определенных случаях, когда анализ ошибки сразу позволяет выдвинуть правильную гипотезу) к выдвиганию гипотезы.

В таблице 2 мы представили соотношение когнитивных операций и этапов диагностического процесса (алгоритма) по операциям.

Таблица 2

**Соотношение основных когнитивных операций
и этапов диагностического процесса (алгоритма) по операциям**

Операция мышления или когнитивный процесс	Этапы диагностического процесса
Понимание, осмысление	Получение диагностического запроса
Вспоминание	Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти) (после получения диагностического запроса и в процессе/после изучения диагностической информации). Актуализация когнитивных моделей диагностических ошибок
Аналогия	Получение диагностического запроса. Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти) (после получения диагностического запроса и в процессе/после изучения диагностической информации). Актуализация когнитивных моделей диагностических ошибок. Выдвижение первичной гипотезы (гипотез) на основании запроса. Решение о необходимости изучения дополнительной информации. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Выдвижение полноценной гипотезы или гипотез. Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)
Ассоциация	Получение диагностического запроса. Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти) (после получения диагностического запроса и в процессе/после изучения диагностической информации). Актуализация когнитивных моделей диагностических ошибок. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации
Сравнение	Получение диагностического запроса. Актуализация когнитивных моделей диагностируемого (из памяти) (после получения диагностического запроса и в процессе/после изучения диагностической информации). Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Проверка гипотезы (гипотез). Актуализация когнитивных моделей диагностических ошибок. Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)
Анализ	Получение диагностического запроса. Первичная гипотеза (гипотезы) на основании запроса. Решение о необходимости изучения дополнительной информации. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Проверка гипотезы (гипотез). Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)
Синтез	Получение диагностического запроса. Первичная гипотеза (гипотезы) на основании запроса. Решение о необходимости изучения дополнительной информации. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Выдвижение полноценной гипотезы или гипотез. Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)
Обобщение	Первичная гипотеза (гипотезы) на основании запроса. Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Анализ ошибки в случае неподтверждения гипотезы (гипотез)

Операция мышления или когнитивный процесс	Этапы диагностического процесса
Оценивание	Изучение (дополнительной по отношению к запросу) диагностической информации. Проверка гипотезы (гипотез)
Выбор	Первичная гипотеза (гипотезы) на основании запроса. Решение о необходимости изучения дополнительной информации. Выдвижение полноценной гипотезы или гипотез. Утверждение диагноза (принятие диагностического решения)

В таблице 2 представлены основные операции, которые необходимы для эффективной реализации конкретного диагностического этапа, при этом на разных этапах, конечно же, могут актуализироваться при необходимости и другие операции.

Таблица 2 показывает, что существует определенное (хотя, возможно, не выраженное с однозначной точностью) распределение необходимых операций по диагностическим этапам. На одних этапах нужны одни операции, на других — другие. При этом есть и универсальные операции, которые важны практически для всех этапов. В первую очередь это операции анализа, синтеза, аналогии и сравнения. Однако важность других операций, в частности операций обобщения, также огромна — без сформированного обобщения диагност будет испытывать серьезные затруднения в диагностике или даже вообще не сможет осуществлять свою диагностическую работу. В принципе все перечисленные операции крайне важны для диагностики, их нельзя разделять на перво- и второстепенные, таблица 2 показывает только, что на разных этапах диагностики одни операции задействуются больше, а другие меньше.

Мы рассмотрели лишь некоторые операции, использованные в диагностическом процессе и представляющиеся при этом наиболее важными. При этом очевидно, что и другие мыслительные операции так или иначе «работают» в этом процессе. Так, операция абстрагирования (как отвлечение от несущественных свойств) может использоваться при анализе диагностической информации, операция конкретизации (как выделение необходимого частного из общего) — при актуализации обобщенных хрестоматийных образов диагностируемых нарушений. Используя операцию классификации, диагност может создавать удобные ему типологии категориальных моделей таких нарушений и т. п.

Представляется, что наряду со сформированностью системы категориальных моделей диагностируемого (например, классификаций и признаков диагностируемых трудностей или нарушений в обучении или поведении), в медицинской диагностике называемых хрестоматийными образами [1; 2; 11], адекватная работа когнитивных операций мышления и памяти является необходимым условием эффективной диагностической деятельности педагога-психолога. Таким образом, пе-

педагогу-психологу нужно развивать свои мышление и память, в этом плане определенно интересна специализированная тренировка в процессе обучения, ведь, например, если педагог-психолог усвоит необходимую систему диагностируемых категорий и их признаков, а в нужный момент не сможет вспомнить подходящих для данного диагностического случая категорий, то его диагностическая работа станет неэффективной и будет осуществляться с большим количеством ошибок. Равным образом и затруднения в осуществлении мыслительных операций обобщения, анализа, синтеза и других очевидно создадут диагностические трудности, а проблемы в принятии решения (рассматриваемого как когнитивная операция логического выбора) не дадут диагностику правильно выбрать нужную диагностическую гипотезу. Поэтому методологии тренировки отдельных когнитивных операций (в рамках диагностического алгоритма их можно рассматривать как диагностические операции) в рамках учебной подготовки педагогов-психологов в вузе необходимо уделять должное внимание. К сожалению, пока такой методологии в рамках существующих учебных программ практически не представлено. Считаем, что эту тренировку можно проводить и с применением цифровых обучающих систем, например в формате решения специальных задач и т. п.

В диагностическом мышлении определенно важна и роль интуиции [14], но профессиональная интуиция не возникает сама по себе, а формируется в результате «свертывания» осознанных процессов, накопления опыта и знаний. Диагностическую деятельность в некоторых специальностях (в частности, в медицине [15]) сравнивают с искусством. Возможно, на каком-то этапе развития методологии и проработанности проблемы и диагностическая работа педагога-психолога станет подобной искусству. Пока же мы можем обозначить моменты, которые помогут повысить эффективность этой работы. Определенно, одним из важнейших таких моментов является формирование и развитие необходимого операционального мышления, его специализированная тренировка в процессе обучения.

Выводы

Операции мышления играют важную роль в диагностическом процессе и диагностическом поиске, являются составляющими диагностического мышления как общей когнитивной деятельности по установлению диагнозов, выдвижению прогнозов и поиску причин. Мыслительные операции задействованы на всех этапах диагностического поиска (хотя на разных этапах используются разные операции). Поэтому сформированность развитого операционального мышления выступает основой успешной диагностической деятельности педагога-психолога.

Педагогу-психологу для эффективной диагностики необходимо сформировать систему категориальных моделей для каждого профессионального диагноза. Без этого диагностика фактически становится невозможной.

Анализ ошибок и усвоение категориальных моделей типичных диагностических ошибок также представляется важным элементом диагностического процесса, а способность и готовность к такому анализу — обязательным профессиональным навыком педагога-психолога, который позволит повысить эффективность его профессиональной деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-013-00283.

Список литературы

1. Афанасьев И. Ю., Кротков Е. А. Общая технология врачебной диагностики : учеб. пособие. Белгород, 2002.
2. Кротков Е. А., Царегородцев Г. И., Афанасьев Ю. И. Рациональная медицина: универсальные алгоритмы врачебной диагностики : монография. Белгород, 2004.
3. Klug J., Bruder S., Schmitz B. Which variables predict teachers diagnostic competence when diagnosing students learning behavior at different stages of a teacher's career? // *Teachers and Teaching*. 2016. №22(4). P. 461 – 484.
4. Klug J., Mara G., Schmitz B. Can teachers' diagnostic competence be fostered through training and the use of a diary? // *Journal for educational research*. 2016. №3. P. 184 – 206.
5. Машиошин О. Ф., Хрустиков С. Г. Техническая диагностика: пособие по изучению дисциплины и выполнению контрольного домашнего задания. М., 2017.
6. Кузнецова Е. А. Развитие диагностического мышления у будущих психологов-консультантов // Антология российской психотерапии и психологии : матер. науч.-практ. конгрессов Общерос. профессиональной психотерапевтической лиги и Национальной саморегулируемой организации «Союз психотерапевтов и психологов». М., 2019. С. 141 – 142.
7. Abdullayeva P., Moldassan K., Miteva P. et al. Forming diagnostic competence of future teachers-psychologists in the university environment // *Espacios*. Vol. 38, № 48. 2017. P. 34.
8. Елишанский С. П. Способность к диагностике как профессиональная компетенция // *Психология обучения*. 2018. №1. С. 5 – 11.
9. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры) : утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2016 г. №549 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.04.02. Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры)»*. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования — бакалавриат. Направление подготовки — 44.03.02 психолого-педагогическое образование. Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. №1457 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата)»*. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Зуев К. А., Кротков Е. А. Диагностическое познание. М., 2011.

12. *Краткий психологический словарь* / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985.

13. *Рыжкова А. Н.* Классификация диагностических ошибок практического психолога // Вестник Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. 2009. №4. С. 26–34.

14. *Мамытов М. М.* Роль интуиции в научно-творческом и лечебно-диагностическом мышлении врача // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. №9. С. 51–59.

15. *Петленко В. П., Шамов И. А., Сахно А. В.* Логика и врачебное искусство. Махачкала, 1988.

Об авторах

118

Сергей Петрович Елшанский — д-р психол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: ye_@mail.ru

Ольга Сергеевна Ефимова — канд. психол. наук, доц., Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: kovi-vladimir@mail.ru

The authors

Dr Sergey P. Elshansk, professor, Moscow State Pedagogical University, Russia.

E-mail: ye_@mail.ru

Dr Olga S. Efimova, associate professor, Moscow State Pedagogical University Russia.

E-mail: kovi-vladimir@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее и внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

120

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2020

Серия

Филология, педагогика, психология

№3

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 19.02.2020 г.

Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,6

Тираж 1000 экз. (1-й завод 50 экз.). Цена свободная. Заказ 5

Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6